MGIMO New-Sci Generation Symposium

Сборник научных работ студентов в рамках III Международного студенческого научного форума

Исследовательский трек

МГИМО УНИВЕРСИТЕТ

НСО МГИМО

Эндаумент МГИМО

Научное студенческое общество
МГИМО МИД России

III Международный студенческий научный форум «MGIMO New-Sci Generation Symposium»: сборник материалов

В двух томах

Том 1: Материалы Исследовательского трека

Москва
2025

Под редакцией
С.А. Беломытцевой, Е.В. Бурдиной, О.А. Закарян, А.В. Карасевой, А.Р. Макаровой.

Мероприятие проведено при поддержке Эндаумента МГИМО.

III Международный студенческий научный форум «MGIMO New-Sci Generation Symposium»: сборник материалов. В двух томах. Том 1: Материалы Исследовательского трека : сборник материалов. / под ред. С.А. Беломытцевой, Е.В. Бурдиной, О.А. Закарян, А.В. Карасевой, А.Р. Макаровой. – Москва : Научное студенческое общество МГИМО, 2025. – 114 с.

В первый том сборника вошли статьи российских и иностранных студентов и молодых ученых, принимавших участие в Исследовательском треке III Международного студенческого научного форума «MGIMO New-Sci Generation Symposium», состоявшемся в МГИМО МИД России 11-15 ноября 2024 года. Представлены работы призеров, отмеченных членами жюри, по проблематике истории международных отношений и внешней политики, политических проблем международных отношений, глобального и регионального развития, мировой экономики и международных экономических отношений, международного права.

Для студентов, аспирантов, молодых ученых в областях международных отношений, мировой экономики и международного права.

© Научное студенческое общество МГИМО, 2025

Содержание

История международных отношений: Азия и Африка **5**

Osuji Kingsley Chibueze. The Impact of the European Scramble for Africa 6

Никитин К.А. Политическая партия «Чхондогё-чхонудан»: история и современная роль в политике КНДР 9

История международных отношений: Европа и Америка **13**

Оглукова М.Д. Формирование современной германской идентичности: исторические, культурные и социальные аспекты 14

Прохоров В.А. От полисов Эллады до современной Греции: истоки формирования национальной идентичности.....18

Цапок А.А., Шварц Л.Б. Расширение НАТО в годы администрации Б. Клинтона 22

Актуальные вопросы международно-правового регулирования **27**

Герасимова Е.О. Международно-правовые аспекты защиты интересов участников энергетических рынков.....28

Дубровина Ю.А. Африканское космическое агентство: международно-правовой статус и внутреннее устройство 32

Макарова Е.А. Проблема ратификации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) в США 36

Международное право: субъекты, институты, режимы **39**

Гурулева А.Д. Введение института системообразующих территориальных сетевых организаций: тенденции и зарубежный опыт 40

Рукавицына М.С., Саидахманов М.С. Реализация программы CORSIA в России: правовые проблемы и возможности 43

Семина Д.Д., Шабаева Е.В. Международно-правовое регулирование экспорта плавучих атомных электростанций 47

Elena Margineanu. Interpretative Incongruences in the Climate Agenda 50

Мировая экономика и национальные хозяйства **54**

Ayşe Gülsüm Çalik. International Cooperation Between Türkiye and Russia in the Arctic 55

Абаев А.Р. Талибы[1] и опыт государственного строительства в Афганистане 57

Коблова Е.А., Сергеева М.А. Государственное регулирование экономики Японии за 2012-2024 гг. 61

1 Запрещенная в России организация.

Международные экономические отношения **67**

Коротков И.А. Технологическое противостояние КНР и США в 2016-2024 гг. и его влияние на мировую экономику 68

Наумова Е.С. Оценка перспектив создания единой валюты BRIXCOIN в рамках объединения БРИКС+....70

Международные процессы, межгосударственные отношения и политика отдельных государств в Евразии **74**

Olivia Matilda Ophelia Ahlund, Aspram Israyelyan. Conflict Fragmentation as an Obstacle to the Formation of a Common Eurasian Security Framework....75

Беломытцева С.А. Борьба Партии справедливости и развития и Народно-республиканской партии Турецкой Республики: перспективы для российско-турецких двусторонних отношений....78

Климов В.А. Перспективы сохранения Австрией постоянного нейтралитета 82

Каткадамова Э., Миненко С.А., Шевелева П.П. The Research Potential of the Concept "Greed vs. Grievance": the Case of Nagorno Karabakh in 2020-2023 86

Конкуренция, соперничество, противостояние, конфликт: внутриполитические и международные кейсы **90**

Калюжная Е.А., Кузьмина Д.Д. Американские оценки деятельности КНР в космическом пространстве (по документам администрации Байдена): реальна ли китайская угроза в космосе? 91

Шиханова М.А. Космическая деятельность Китая в странах Латинской Америки: военный аспект....95

Omid Rahimi. The Foundations of "Non-Western Peace" in the Framework of the Emerging Multipolar World Order....98

Международное сотрудничество: инструменты, вызовы, перспективы **101**

Гусева И.С. Вызовы стратегическому сотрудничеству РФ и КНР в Арктике на примере двустороннего сотрудничества в рамках Северного морского пути 102

Каминский М.А. Межгосударственные саммиты России с африканскими лидерами как дипломатический инструмент по достижению национальных интересов106

Синельникова Т.М. Арктика: колония «глобальной империи» или уникальный объект международных отношений?....111

История международных отношений: Азия и Африка

Osuji Kingsley Chibueze
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Postgraduate, History of international relations and foreign policy
Department of World Diplomacy and International Law, Institute of International Relations and World History
kingsleyc05@gmail.com
Research Supervisor: Khokhlysheva Olga Olegovna, Professor, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of World Diplomacy and International Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The Impact of the European Scramble for Africa

Introduction

Between 1880 and 1914, European nations engaged in the European Scramble for Africa, partitioning the continent into protectorates and colonies, mostly for territorial and economic advantages rather than for humanitarian purposes. Significant trade disruptions, the implementation of new policies, and resource exploitation occurred during this time, with effects being felt in Africa today. These attempts were stepped up during the Berlin Conference in 1884–1885, which led to poverty, economic hardships, and ethnic clashes.

The period of European colonisation of Africa, which started with the Scramble for Africa, began in the late 1800s and lasted into the 1960s.[1] The events of this period can be distinguished between the Scramble for Africa, which occurred between 1880 and 1914, and the subsequent era of effective colonialism in Africa. In this work «Scramble for Africa» refers to the activities of the Europeans in Africa between 1880 and 1914 when European nations divided the African continent into colonies and protectorates, mostly to prevent internal warfare and with little awareness of local realities. As for effective colonialism in Africa, which lasted until the 1960s, it entailed European powers imposing colonial control and exploitation, resulting in resource extraction and the formation of colonial knowledge systems, European political systems, and cultures. During the effective colonisation era, Eurocentric knowledge of Africa dominated and formed the future views about Africa by Africans and non-Africans, causing Afrocentric researchers to make efforts to produce decolonial African knowledge.

There are many who contend that European colonialism of Africa also yielded significant advantages, like the advancement of infrastructure and the availability of contemporary technologies.[2] This claim is supported by the active participation of European engineers in constructing vital infrastructure such as railroads, contributing to urbanisation and economic progress in the colonies.[3] Also, African populations living nearby modified colonial-era technology like bicycles and firearms to suit their own purposes and goals.[4] It's important to keep in mind though that these benefits frequently come with disadvantages, such as the establishment of hierarchical institutions and the use of coercive methods against African communities. Furthermore, proofs have shown that these technologies were only created for colonial purposes.[5] The long-lasting effects of colonial control, such as setting state borders, protecting colonial institutions, and creating inequality, still have political effects in Africa today. Therefore, this study seeks to answer the question, 'How did the Scramble for Africa impact on African societies? By examining the effect of the Scramble for Africa, this study aims to provide

1 Sanderson G.N. The European Partition of Africa: Origins and Dynamics / G.N. Sanderson // The Cambridge History of Africa. – Cambridge University Press, 1985. – P. 96.
2 Andersen C. "Experten der Erschließung: Akteure der deutschen Kolonialtechnik in Afrika und Europa 1890–1943" by Sebastian Beese (review) [Experts in Development: German Colonial Technologists in Africa and Europe 1890–1943] // Technology and Culture. – 2022. – № 3 (63). – P. 889.
3 Robinson A.L. Colonial Rule and Its Political Legacies in Africa // Oxford Research Encyclopedia of Politics, 2019. – URL: https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-1346 (accessed 25.11.2024).
4 Laak D. van. Detours around Africa: The Connection Between Developing Colonies and Integrating Europe. – London: Palgrave Macmillan UK, 2010. – P. 27.
5 Rodney W. How Europe Underdeveloped Africa. London: Bogle-L'Ouverture Publications, 1972. – 316 p.

an analysis of important features of the European Scramble for Africa and its implications. This study is significant because it provides a comprehensive analysis of the Scramble for Africa, focusing on its precolonial and geopolitical aspects, and reveals the root causes of Africa's ongoing development challenges. It also offers practical implications for policymakers and development practitioners, helping them design more effective interventions. Furthermore, it contributes to the history of international relations by examining the impact of European colonialism in Africa.

Methods

The study utilized secondary sources and archival research to analyze European powers' actions during the Scramble for Africa, utilizing correspondence, official papers, historical documents, interviews, internet source, and library books, using descriptive-historical techniques. The scramble for Africa is attributed to economic theory, which suggests that Europe's rapid industrial growth led to a high demand for raw materials and markets in Africa. This led European powers to race to acquire territories and control over Africa's resources.[6]

Results and Discussion

Precolonial African nations were drastically altered in their conventional structures and cultural systems by the European foray into Africa. Significant upheaval resulted with the establishment of European colonial powers, which overthrew native political structures and hierarchies in favour of alien political structures that frequently ignored native traditions and authority. This signalled the start of a turbulent period defined by resource exploitation, in which the abundant natural riches of the continent were taken by force in order to support the economy of European nations. In addition to economic exploitation, African peoples lost their political agency and sovereignty when European frameworks and control were imposed, with far-reaching effects that are still felt today. This paper concludes that understanding and empathy are essential while examining this historical backdrop, as the colonisation of Africa resulted in much misery and sorrow for its people. The resources that had kept communities alive, the lands that had supported a variety of cultures for millennia, and the autonomy that had allowed society to flourish were all methodically stripped away. This historical era continues to influence the socioeconomic and political conditions that many African countries confront today; it is not just a chapter in history. Therefore, understanding the full scope of the effects resulting from the European race for Africa requires an appreciation of the enormous cost of colonialism and continuous political and economic subjugation of Africa.

6 Rönnbäck K., Broberg O. Capital and Colonialism in Theory. – Cham: Springer International Publishing, 2019. – P. 39.

List of references

1. Andersen C. “Experten der Erschließung: Akteure der deutschen Kolonialtechnik in Afrika und Europa 1890–1943” by Sebastian Beese (review) [Experts in Development: German Colonial Technologists in Africa and Europe 1890–1943] // Technology and Culture. – 2022. – № 3 (63). – P. 889-890.

2. Laak D. van. Detours around Africa: The Connection Between Developing Colonies and Integrating Europe. – London: Palgrave Macmillan UK, 2010. – P. 27-43.

3. Robinson A.L. Colonial Rule and Its Political Legacies in Africa // Oxford Research Encyclopedia of Politics, 2019. – URL: https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-1346 (accessed 25.11.2024).

4. Rodney W. How Europe Underdeveloped Africa. London: Bogle-L’Ouverture Publications, 1972. – 316 p.

5. Rönnbäck K., Broberg O. Capital and Colonialism in Theory. – Cham: Springer International Publishing, 2019. – P. 39-54.

6. Sanderson G.N. The European Partition of Africa: Origins and Dynamics / G.N. Sanderson // The Cambridge History of Africa. – Cambridge University Press, 1985. – P. 96-158.

Никитин Кирилл Андреевич
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
2 курс, бакалавриат
Факультет международных отношений, программа «Зарубежное регионоведение»
kirill.nikitin.2005@list.ru
Научный руководитель: Дьячков И.В., к.и.н., доцент Кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России, доцент Кафедры востоковедения МГИМО МИД России, научный сотрудник Исследовательской лаборатории «Центр японских, корейских и монгольских исследований»

Политическая партия «Чхондогё-чхонудан»: история и современная роль в политике КНДР

Работа посвящена анализу исторических условий формирования политической партии *Чхондогё-чхонудан*[1] и её значению в политической системе и обществе КНДР. Становление данной партии неразрывно связано с религиозным движением *чхондогё* и его трансформацией в политическую структуру в среде национально-патриотических движений, действовавших в условиях японского колониального правления и после Второй мировой войны. Анализ исторического контекста и эволюции *Чхондогё-чхонудан* может помочь в понимании как религиозных и политических процессов в истории Кореи, так и современных политических реалий в КНДР.

Объектом исследования в данной работе является религия *чхондогё*. Предмет исследования – её политическое воплощение в КНДР.

Цель исследования заключается в анализе эволюции роли *чхондогё* как политической силы.

Достижение цели предполагает решение следующих задач:

1. рассмотреть исторические корни учения *чхондогё*,
2. выявить причины, обусловившие ориентацию части движения *чхондогё* на сотрудничество с коммунистическим движением,
3. охарактеризовать роль партии *Чхонудан* в ключевых исторических событиях КНДР,
4. оценить современное влияние партии *Чхонудан* на политическую жизнь КНДР и её участие в актуальных политических процессах.

Религия *чхондогё* возникла в 1860 году из учения корейского духовного лидера Чхве Чжеу и стала основой крупнейшего крестьянского восстания в истории Кореи – восстания *тонхак* в конце XIX в[2]. Идеология движения *тонхак* содержала в себе элементы буддизма, конфуцианства, даосизма, корейского шаманизма и христианства и была направлена на сохранение традиционного корейского общества, являясь протестом масс против модерна. В 1905 году религия *тонхак* (동학, 東學 – букв. «Восточная наука»), часто именуемая отечественными историографами «сектой», а южнокорейскими авторами – «новой национальной религией»[3], была переименована в *чхондогё*, то есть «учение Небесного пути» (천도교, 天道教). Изменение названия движения *тонхак* и внесение некоторых изменений в его доктрину, проведённое третьим патриархом *тонхак* Сон Бёнхи, вероятно, преследовало цель легализовать религию в глазах японских администраторов[4]. Это обновление позволило чхондогё развить свою административную

1 Чхондогё-чхонудан (천도교청우당) – «Партия молодых друзей учения Небесного пути».
2 Boer R. Socialism in Power: On the History and Theory of Socialist Governance. – Springer, 2023. – P. 144.
3 Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – 3-е изд., испр. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. – С. 339.
4 Толстокулаков И.А. Идеология национально-освободительного движения Кореи в период японского протектората // Известия Восточного института. – 2012. – №2. – С. 60-71.

структуру и привлечь новых сторонников в период, предшествовавший аннексии Кореи Японией в 1910 г.

В эпоху японского колониального правления с 1910 по 1945 гг. *чхондогё* постепенно трансформировалась из чисто религиозной организации в религиозно-политическую[5]. При этом первоначально единая структура религиозной организации с начала 1920-х гг. стала распадаться на множество отдельных группировок, что негативно сказалось на её эффективности. Тем не менее, представители *чхондогё* продолжали вести политическую работу[6], в частности, участвуя в организации Первомартовского движения 1919 г. и подготовке студенческой демонстрации 10 июня 1926 г., кроме того, заняв места в корейском правительстве в изгнании в Шанхае. Стоит заметить, что в период колониальной зависимости от Японии религиозные организации в Корее становились относительно безопасным прикрытием для политической деятельности, потому что у их членов был официальный предлог для закрытых собраний[7].

Уже в середине 1920-х гг. *чхондогё*, сохраняющая «тонхаковские» идеи о народной революции и построении «рая на земле»[8], начала сотрудничать с Коминтерном и коммунистами Кореи, а 15 февраля 1927 г. вместе с социалистами, христианами, рабочими и крестьянами создала «Общество обновления» (Синганхве) (신간회, 新幹會) – единый фронт за восстановление национального суверенитета. Тем не менее, из-за внутренних противоречий и фракционной борьбы «Синганхве» было распущено, а политическое влияние *чхондогё* заметно уменьшилось[9].

После капитуляции Японии в 1945 г. религиозно-политическая организация *чхондогё*, насчитывавшая к концу 1930-х гг. около 80 тысяч последователей, была разделена на северную и южную части в американской и советской зонах оккупации. При этом большая часть приверженцев религии *чхондогё* исторически проживала на Севере[10].

5 февраля 1946 г. по согласованию с Советским Союзом в его временной зоне ответственности была основана политическая партия *Чхондогё-чхонудан* – «Партия молодых друзей небесного пути[11]», главой которой стал Ким Дархён. 22 июля 1946 г. *Чхондогё-чхонудан* вместе с Трудовой партией Кореи и Демократической партией Кореи, а также рядом общественных организаций вошла в Единый демократический отечественный фронт. Находясь в этой коалиции, возглавляемой левыми, партия *Чхонудан* впервые годы своего существования проводила достаточно независимую политику, часто не соглашаясь с линией Трудовой партии Кореи и критикуя её действия.

В то же время в Сеуле продолжали деятельность высшие духовные лица религии *чхондогё*, с которыми поддерживали контакт представители *Чхонудан* на Севере. В связи с этим культ *чхондогё* в конце 1940-х гг. рассматривался Югом в качестве инструмента борьбы с Севером. В январе-феврале 1948 г. большинством руководства *Чхонудан* было принято решение о проведении 1 марта демонстрации в поддержку южнокорейского плана объединения Кореи, противоречившего линии Трудовой партии Кореи. Руководитель

---

5 Levi N. Chondoist Religion in North Korea: Selected Aspects // Athenaeum Polskie Studia Politologiczne. – 2023. – 80(4). – P. 237.

6 Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. – М.: Русская панорама, 2006. – С. 42.

7 Севрюгин С.А. Особенности корейской религиозной организации «Чхондогё» и причины ее сотрудничества с коммунистами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2022. – Т. 40. – №.2. – С. 134-135.

8 Культурное наследие в современной политической и социальной практике стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Сборник статей. / Отв. ред. Б.Г. Доронин. – СПб.: СПбГУ, Восточный ф-т; Изд-во РХГА, 2011. – С. 151.

9 Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – 3-е изд., испр. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. – С. 398.

10 Chung J. Religionsfreiheit: Nordkorea [Свобода вероисповедания: Северная Корея] // Länderberichte Religionsfreiheit [Свобода вероисповедания: доклады по странам]. – Heft 38. – Aachen, 2017. – URL: https://www.missio-hilft.de/missio/informieren/wofuer-wir-uns-einsetzen/religionsfreiheit-menschenrechte/laenderberichte-religionsfreiheit/laenderbericht-038-nordkorea.pdf (дата обращения 25.11.2024).

11 Современные проблемы Корейского полуострова: 2024 / Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. – М.: ИКСА РАН, 2024. – С. 114.

партии Ким Дархён, изначально не поддержавший план Сеула как не соответствующий северокорейской действительности, сообщил о нём органам безопасности. Это привело к арестам, в результате которых *Чхонудан* оказалась полностью под контролем Трудовой партии.

В течение 1950-х гг. количество сторонников чхондогё и членов Чхонудан заметно уменьшилось. Это, вероятно, было связано с Корейской войной, после которой многие последователи учения перебрались на Юг[12]. В 1958 г. Ким Дархён и множество руководящих лиц *Чхонудан* и Демократической партии были обвинены в заговоре и отстранены от своих должностей, что окончательно лишило эти партии возможности влиять на политику[13]. Тем не менее, *Чхонудан* и представители *чхондогё* продолжали участвовать в налаживании контактов между КНДР и Республикой Корея[14] на протяжении второй половины XX и первой четверти XXI в[15].

В связи с изменением позиции руководства КНДР по вопросу объединения и фактическим отказом от этой некогда священной цели в 2024 г. Единый демократический отечественный фронт (ЕДОФ) был распущен, однако *Чхонудан* продолжила своё существование. Она находится под прямым контролем Трудовой партии Кореи (ТПК) и играет роль ситуативного канала связи с внешним миром, особенно с Республикой Корея. В КНДР, видимо, считают существование партии данью истории, и вопрос об её упразднении не стоит.

Итак, учение *чхондогё* имеет глубокие исторические корни, основанные на идеях корейского духовного лидера Чхве Чжеу. Оно впитало элементы различных религиозных традиций, что способствовало его закреплению в корейском обществе в непростой исторический период. Ориентация движения *чхондогё* на политическую деятельность и сотрудничество с коммунистическим движением были обусловлены общими идеями о народной революции и построении «рая на земле», что помогло преодолеть противоречия и объединить усилия в борьбе против японской оккупации. Партия *Чхонудан* изначально играла важную роль в событиях, приведших к появлению КНДР, однако после подчинения Трудовой партии Кореи постепенно утратила своё влияние, сохранившись как исторический символ. На данный момент *Чхонудан* формально участвует в современной политике КНДР, находясь под контролем ТПК.

---

12 Ланьков А.Н. Разгром некоммунистических партий в КНДР (1945-1959) // Восток. – 1999. – №. 4. – URL: http://www.hrono.info/statii/2003/lan_raznk.html?ysclid=m20mjqybky386401687 (дата обращения 25.11.2024).

13 Там же.

14 Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – 3-е изд., испр. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. – С. 709-710.

15 Асмолов К.В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – С. 576.

Список литературы

1. Асмолов К.В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. — 2-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. – 704 с.
2. Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. – М.: Русская панорама, 2006. – 216 с.
3. Культурное наследие в современной политической и социальной практике стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Сборник статей. / Отв. ред. Б.Г. Доронин. – СПб.: СПбГУ, Восточный ф-т; Изд-во РХГА, 2011. – 203 с.
4. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – 3-е изд., испр. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. – 744 с.
5. Ланьков А.Н. Разгром некоммунистических партий в КНДР (1945-1959) // Восток. – 1999. – №. 4. – URL: http://www.hrono.info/statii/2003/lan_raznk.html?ysclid=m20mjqybky386401687 (дата обращения 25.11.2024).
6. Севрюгин С.А. Особенности корейской религиозной организации «Чхондогё» и причины ее сотрудничества с коммунистами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2022. – Т. 40. – №. 2. – С. 128-145.
7. Современные проблемы Корейского полуострова: 2024 / Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. – М.: ИКСА РАН, 2024. – 184 с.
8. Толстокулаков И.А. Идеология национально-освободительного движения Кореи в период японского протектората // Известия Восточного института. – 2012. – №2. – С. 60-71.
9. Boer R. Socialism in Power: On the History and Theory of Socialist Governance. – Springer, 2023. – 279 p.
10. Chung J. Religionsfreiheit: Nordkorea [Свобода вероисповедания: Северная Корея] // Länderberichte Religionsfreiheit [Свобода вероисповедания: доклады по странам]. – Heft 38. – Aachen, 2017. – URL: https://www.missio-hilft.de/missio/informieren/wofuer-wir-uns-einsetzen/religionsfreiheit-menschenrechte/laenderberichte-religionsfreiheit/laenderbericht-038-nordkorea.pdf (дата обращения 25.11.2024).
11. Levi N. Chondoist Religion in North Korea: Selected Aspects // Athenaeum Polskie Studia Politologiczne. – 2023. – 80(4). – P. 227-238.

История международных отношений: Европа и Америка

Оглукова Мадина Джамилевна
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
4 курс
Факультет международных отношений, программа «Политика и экономика стран Европы и Америки»
Oglukova_M@my.mgimo.ru
Научный руководитель: Соколов Артем Павлович, к.и.н., научный сотрудник ИМИ

Формирование современной германской идентичности: исторические, культурные и социальные аспекты

Введение

Объектом исследования является идентичность немецкого народа на современном этапе. Предметом исследования выступают аспекты, влияющие на процесс самоидентификации, такие, как послевоенное восстановление, миграционный кризис и различия между восточной и западной частями страны.

Целью исследования является определение факторов, способствующих формированию современной германской идентичности, и их влияния на самоидентификацию немецкого народа.

Задачи исследования включают:

1. Изучение исторического наследия и его влияния на современную германскую идентичность;
2. Анализ различий в самоидентификации восточных и западных немцев;
3. Оценка влияния миграционного кризиса на процесс формирования идентичности;
4. Рассмотрение риторики современных политических деятелей и её воздействия на общественное мнение;

Исследование проведено с опорой на анализ исторических документов и публикаций, сравнительный анализ данных опросов общественного мнения, качественный анализ риторики политиков и медиа. Были привлечены статистические данные о миграции в ФРГ.

Таким образом, данный доклад направлен на комплексное понимание процессов формирования германской идентичности в условиях изменяющейся социальной и культурной среды.

Начало германской идентичности – «проблемы с памятью»

С чего началась история Германии как единой нации? Вопрос проблематичный и крайне спорный. Ведущие немецкие историки подходят к нему по-разному, но можно выделить несколько позиций в историографии, которые позволяют выявить ключевые особенности истоков германской идентичности.

Так, Хельмут Плесснер выдвинул термин «опоздавшая нация» для описания специфической исторической и культурной ситуации в Германии. Это «опоздание» в процессе формирования национального государства объясняется сильной раздробленностью в XIX веке[1]. На территории Германии существовала невидимая граница, проходившая вдоль рек Мозель, Рейн и Майн, разделяющая страну на Север и Юг; протестантский Север и католический Юг отличались не только религиозными убеждениями, но и уровнем экономического развития. Север, с момента расцвета Ганзы, занимал лидирующие пози-

1 Plessner H. Die verspätete Nation: über diepolitischen Verführbarkeit bürgerlichen Geistes [Опоздавшая нация. О политической обольщаемости буржуазного духа] / H. Plessner. – Frankfurt: Suhrkam,1998. – С.180-181.

ции в германской экономике, о чем свидетельствуют такие объединения, как Таможенный и Северогерманский союз[2].

Дитер Лангевише утверждает, что идея немецкой нации во многом была навязана сверху. Она была создана и поддерживалась политическими и культурными элитами. Элитные группы использовали идеи национализма для укрепления своей власти и легитимации политических решений[3].

Германская идентичность не является статичной; она постоянно развивается и меняется в ответ на внутренние и внешние вызовы. Карл Ясперс пишет о необходимости осознания исторической ответственности и критического подхода к прошлому. Он также акцентирует внимание на важности диалога и понимания как между немцами, так как ввиду ряда исторических событий общая память размылась. По Ясперсу, немцы пережили три переломных момента – 1918, 1933, 1945 годы, которые стали причиной развития феномена «коллективной войны»[4].

Таким образом, важно подчеркнуть, что идея общегерманской нации существует с 1871 г. с «опозданием». Разные регионы имели свои особенности, что способствовало разнообразию в культурной и языковой идентичности, но и препятствовало объединению немцев. Сплоченность народа пропагандировали элиты, она была «навязана» сверху. Особым фактором является чувство «коллективной вины», которое сформировалось в результате двух мировых войн и в XXI в. представляет собой неотъемлемую часть самоидентификации немцев и объединяющий фактор.

Западная и Восточная Германия

Различия между западными и восточными землями, сложившиеся к рубежу XX и XXI вв., оказывают влияние на самоидентификацию, как и различия между Севером и Югом в XIX в. Говоря об экономических различиях, следует отметить уровень безработицы, который в восточных землях Германии после объединения оставался выше, чем в западных. В 2023 г. уровень безработицы в восточных землях составил около 7,8%, тогда как в западных – около 5,8%[5]. Разница в доходах также заметна: в 2023 г. средний доход на душу населения в восточных землях составлял примерно 82% от среднего дохода в западных землях[6]. С экономическими факторами связаны социально-политические. Восточные немцы чаще выражают недовольство политическими элитами и воспринимают себя как «второсортных» граждан. Об это свидетельствует, например, Berliner Zeitung от 2024 г. Согласно опросу, 80% восточных немцев даже не читают общегерманские новостные издания, так как все внимание уделено проблемам запада[7]. Кроме того, опросы показывают, что ностальгия по ГДР остаётся актуальной темой. Около 75% восточных немцев имеют положительные воспоминания о многих экономических аспектах жизни в ГДР (Ostalgie)[8].

---

2 Weidenfeld W. Die Identitat der Deutschen Fragen, Problemen, Perspektiven [Идентичность немцев. Вопросы, проблемы, перспективы] / W. Weidenfeld. – Wien: Goldmann, 1983. – С.288.

3 Langewiesche D. Demokratische Traditionen in Deutschland [Демократические традиции в Германии] / D. Langewiesche // Journal of Journal History. – 2001. – №4. – p. 725-728.

4 Jaspers K. Wohin treibt die Bundesrepublik? Tatsachen, Gefahren, Chancen [Куда направляется Федеративная Республика? Факты, угрозы, возможности] / K. Jaspers. – Munchen: Piper, 1996. С.110.

5 Arbeitslosenquoten in Gesamt-, West- und Ostdeutschen [Безработица в Германии, западных и восточных землях] // Institut Arbeit und Qualifikation der Universität Duisburg-Essen. – URL: https://www.sozialpolitik-aktuell.de/files/sozialpolitik-aktuell/_Politikfelder/Arbeitsmarkt/Datensammlung/PDF-Dateien/abbIV35.pdf (дата обращения: 02.11.2024).

6 Lohnlücke zwischen Ost und West bleibt groß [Разница в доходах между восточными и западными землями остаются высокой] // Tagesschau. – URL: https://www.tagesschau.de/wirtschaft/arbeitsmarkt/lohnluecke-ost-west-100.html#:~:text=Danach%20lag%20der%20Bruttomonatsverdienst%20ohne,Sachsen%2DAnhalt%20mit%203.688%20Euro. (дата обращения: 03.11.2024).

7 Es braucht mehr Ostdeutsche in Medien und Wissenschaft [В СМИ и науке должно быть представлено больше восточных немцев] // Berliner Zeitung. – URL: https://www.berliner-zeitung.de/kultur-vergnuegen/tv-medien/es-braucht-mehr-ostdeutsche-in-medien-und-wissenschaft-li.2266674 (дата обращения: 01.12.2024).

8 Bild zurück ohne Zorn? Heutige Bolder von BRD [Оглядываться назад без злобы? Современный образ ФРГ] // URL: https://www.bpb.de/system/files/pdf/RXR7GV.pdf (дата обращения: 12.11.2024).

Упомянутые факторы усложняют процесс формирования общегерманской идентичности. Можно отметить, что экономические различия стали катализатором углубления расхождений в самовосприятии между восточными и западными землями.

Миграция, беженцы и миграционное прошлое

Разные подходы к политике мультикультурализма и ассимиляции мигрантов оказывают негативное влияние на сплоченность и формирование общей идентичности общества в Германии. Мигранты стали меньше ассимилироваться в ФРГ: в 2015 г. 72,8% участников языковых курсов успешно их прошли; к 2022 г. этот показатель снизился до 52%[9]. В 2024 г. около 20,8 миллиона человек (29% населения Германии) имели миграционное прошлое, включая натурализованных иммигрантов и детей этих групп[10]. При этом уже в первые годы после миграционного кризиса в обществе не было консенсуса по миграции. С одной стороны, в 2015 г. 93% немцев поддерживали прием беженцев, но к 2016 г. 80% выступали за пересмотр миграционной политики из-за опасений за безопасность и экономической нестабильности[11], а поддержка партии АдГ увеличилась с 4,7% в 2013 г. до более чем 16,3% в 2017 г. на фоне миграционного кризиса[12]. С другой стороны, растет количество немцев, участвующих в проектах помощи беженцам; после кризиса многие начали рассматривать мультикультурализм как часть своей идентичности (58% в 2018 г. назвали культурное разнообразие преимуществом)[13].

Таким образом, в обществе наблюдаются две совершенно противоположные тенденции: с одной стороны жители считают мультикультурализм – составной частью германской идентичности и активно вовлечены в помощь беженцам. В то же время виден рост антимиграционных настроений.

Заключение

Таким образом, препятствия формирования общегерманской идентичности берут начало с момента возникновения единого государства в XIX в. Разделение Германии во второй половине XX в., экономические и социально-политические разрывы, миграционный кризис в середине 2010-х гг. осложняют процесс формирования общего самовосприятия. Бремя исторического прошлого продолжает оказывать влияние на восприятие национальной идентичности.

Будущее германской идентичности будет зависеть от способности общества справиться с внутренними противоречиями и найти новые основания для объединения. Это требует не только открытого диалога, но и готовности к саморефлексии, чтобы создать пространство для более инклюзивного и конструктивного патриотизма – такого, который учитывает как достижения, так и ошибки прошлого.

---

9 Мигранты в Германии все хуже справляются с языковым экзаменом // DW. – URL: https://www.dw.com/ru/migranty-v-germanii-vse-huzhe-spravljajutsja-s-jazykovym-jekzamenom/a-56114844 (дата обращения: 02.11.2024) (источник включен в реестр иностранных агентов от 28.03.2022).

10 Migration und Integration // Statista. – URL: https://de.statista.com/themen/4727/migration-und-integration/#statisticChapter (дата обращения: 12.11.2024).

11 Более 80 процентов немцев разочаровались в правительстве из-за беженцев // RG. – URL: https://rg.ru/2016/02/04/81-procent-nemcev-razocharovalis-v-rabote-pravitelstva-iz-za-bezhencev.html (дата обращения: 02.11.2024).

12 Wahlerfolg der AfD und die Flüchtlingskrise: Spielen regionale Disparitäten eine Rolle? [Успех АдГ на выборах и миграционный кризис: влияют ли различия между землями?] // Wirtschaftsdienst. – URL: https://www.wirtschaftsdienst.eu/inhalt/jahr/2022/heft/11/beitrag/wahlerfolg-der-afd-und-die-fluechtlingskrise-spielen-regionale-disparitaeten-eine-rolle.html

13 «Мы справимся»: как немцы помогают беженцам интегрироваться // Представительство Германии в России. – URL: https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/gesellschaft/neuerordner/integration-der-fluechtlinge-oktober-2016/1957342 (дата обращения: 03.11.2024).

Список литературы

1. Ясперс Ю. Коллективная вина. Как жили немцы после войны / Ю. Ясперс. – М.: Родина, 2023. – 416 с.

2. Herald J. Wolfszeit. Deutschland und die Deutschen 1945–1955 [Волчье время. Германия и немцы 1945–1955] / J. Herald. – Berlin: Rowohlt Berlin, 2020. – 480 p.

3. Jaspers K. Wohin treibt die Bundesrepublik? Tatsachen, Gefahren, Chancen [Куда направляется Федеративная Республика? Факты, угрозы, возможности] / K. Jaspers. – Munchen: Piper, 1996. – 281 p.

4. Langewiesche D. Demokratische Traditionen in Deutschland [Демократические традиции в Германии] / D. Langewiesche // Journal of Journal History. – 2001. – №4. – P. 725-780.

5. Ost und West. Frei, vereint und unvollkomen [Запад и Восток. Свободный, единый и несовершенный] // Der Beauftragter der Bundesregierung für Ostdeutschland. – 2024. – URL: https://www.publikationen-bundesregierung.de/resource/blob/2277604/2310968/34e86346b0ef75cd501c5890e4ae8515/zum-stand-der-deutschen-einheit-2024-download-bkamt-data.pdf

6. Plessner H. Die verspätete Nation: über diepolitischen Verführbarkeit bürgerlichen Geistes [Опоздавшая нация. О политической обольщаемости буржуазного духа] / H. Plessner. – Frankfurt: Suhrkam,1998. – 195 p.

7. Weidenfeld W. Die Identitat der Deutschen Fragen, Problemen, Perspektiven [Идентичность немцев. Вопросы, проблемы, перспективы] / W. Weidenfeld. – Wien: Goldmann, 1983. – 351 p.

Прохоров Владимир Александрович
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
1 курс, магистратура
Управление магистерской подготовки, программа «Политическая экономия международных отношений»
vl.prokhorov1@yandex.ru
Научный руководитель Прохоренко И.Л., д.полит.н., зав. отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН

От полисов Эллады до современной Греции: истоки формирования национальной идентичности

Древняя Эллада является «колыбелью европейской цивилизации», и граждане античных полисов заложили культурные и цивилизационные основы современной Европы. В настоящее время на данной территории расположена Греция. Но возникает ряд закономерных вопросов: существует ли преемственность между античной Элладой и современной Грецией? Что есть сегодняшний грек и как он себя определяет? Греция как государство национальное (национально-территориальное) образовалось в 1830 г. после освобождения из-под османского ига. Перед властями независимой страны встала задача не только строительства государства, но и греческой нации, а история использовалась как инструмент политики национальной идентичности. Можно проследить истоки и динамику формирования национальной идентичности Греции и определить, существует ли историческая преемственность между эллинами и современными греками и можно ли ее выявить и проследить, используя категорию идентичности. **Объектом** исследования стала национальная идентичность Греции. **Предметом** – исторические истоки формирования национальной идентичности Греции. **Цель** работы – определение генезиса национальной (национально-государственной) греческой идентичности и того исторического пути, который она прошла. **Задачи**: анализ полисной идентичности Эллады и факторов и ее динамики; выявление идентичности Византийской империи, определение ее связи с античностью, рассмотрение национальной идентичности сегодняшней Греции в контексте формирования макрорегиональной европейской идентичности в Европейском союзе. **Методы**: идентитарный подход, дискурс-анализ, нарративный анализ. Исследование выполнено с опорой на теорию конструктивизма. Основными источниками для анализа политики национальной идентичности выбраны греческие школьные учебники.

В самом греческом языке нет слова «Греция» и производных от него. Данное слово происходит от латинского Graecus и использовалось римлянами в отношении эллинов. И сегодня сами греки называют себя эллинами, а свою страну – Элладой (греч. «Ελλάδα»), как и в античную эпоху. Слово «Эллада» впервые появляется в «Одиссее», первом письменном источнике Античной Греции, и означает страну греков вообще.[1] Можно предположить, что на рубеже становления полисной системы уже существовало представление об Элладе как о некой единой общности древнегреческих племен, населявших Балканский полуостров. Тем не менее, говорить о национальной идентичности Древней Греции было бы некорректно, так как греческой нации еще не существовало. Несмотря на это, поскольку «формирование национальной идентичности – исторический феномен», представляющий собой «многозначный концепт, в котором пересекаются политическая, гражданская, территориальная, этническая, языковая составляющие идентичности»[2], можно проследить становление ряда ее конституирующих элементов как исторических предпосылок формирования национальной идентичности современной Греции.

1 Фролов Э.Д. К проблеме национальной идентичности в античном мире: концепция эллинства в античной литературе классической эпохи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. – 2009. – №3. – С. 3.
2 Семененко И.С. Идентичность: личность, общество, государство. Новые контуры исследовательского поля / И.С. Семененко. – ИМЭМО РАН. – М.: Весь Мир, 2023. – С. 406.

Помимо общего языка одним из ключевых факторов, способствовавших идентификации греками себя с единым народом, была дихотомия «эллины – варвары». Основой их самоидентификации служил концепт свободы, возникший в процессе преобразования многих полисов в демократические режимы. В архаическую эпоху грек обладал полисной идентичностью, в рамках которой сформировалась его идентичность гражданская. Как гражданин полиса, он осознавал свою свободу. «Геродот не раз повторяет, что именно свобода отличает эллинов от персов, рабов царя».[3] Решающим событием, способствовавшим укреплению идеи единства среди древних греков, были реформы Солона, а именно сисахфия, которая не позволяла грекам становиться рабами. В классический период культуры Эллады утвердилась мысль, что, в отличие от варваров, эллин свободен по своей природе.

Попытка консолидации эллинского общества предпринималась древними греками в период греко-персидских войн. Эллада должна была объединиться против «общего врага». Несмотря на победу греков над персами, древнегреческое общество не смогло добиться образования единого государства. Вслед за этим с завоеваниями Александра Македонского наступила эпоха эллинизма, при которой понятие эллинства потеряло этническую коннотацию и приобрело культурный аспект. Эллином назывался не грек по происхождению, а носитель культуры.

Идентичность греков во времена Византийской империи начала переживать серьезные метаморфозы. Жители Восточной Римской Империи разговаривали на греческом языке, ее жители идентифицировали себя исключительно как ромеи. Они воспринимали себя наследниками римской традиции, отрицая свою причастность к эллинству. Формирующаяся религиозная идентичность зачастую смешивалась с идентичностью политической, а понятие «Χριστιανοί» (христиане) нередко заменяло понятие «Ρωμαίοι» (римляне), и наоборот.[4] В поздний период Империи проявляется новый элемент византийской идентичности: ностальгия по эллинизму. Социально-политический упадок византийского государства заставил своих граждан обратиться к великому историческому прошлому, которое они начали сравнивать с печальным настоящим.[5]

Затем последовал этап Оттоманского владычества, после которого Греции предстояло построить свою новую государственность и сформировать национальную идентичность. Идеологическую основу создания греческого государства составляла «Великая идея» («Μεγάλη ιδέα»), которая заключалась в воссоединении всех территорий с греко-христианским населением в исторических пределах Восточной Римской Империи с центром в Константинополе. Однако малоазиатская катастрофа окончательно разрушила надежды греков на реализацию «Великой идеи», а «утрата национального идеала в свою очередь означала разрыв с национальной традицией и размывание греческой культурной идентичности за счет вторжения западноевропейской цивилизации».[6]

Молодое независимое государство вновь столкнулось с испытанием определения своей национальной идентичности. Греция начала выстраивать свою идентичность, которая сочетает в себе античную традицию и византийское православие. «Уже в первых конституциях „революционной Греции“ (1823, 1834 и 1875 гг.), понятие „греческого гражданина“ подразумевало проживание на территории Греции и „веру во Христа“, что заложило основу религиозного оттенка греческой идентичности».[7] С другой стороны, греки

---

3 Земцова Е.Е. Становление концепции эллинства и утверждение эллинской идентичности в эпоху архаики и классики / Е.Е. Земцова // Вестник РГУ имени С.А. Есенина. – 2017. – №1. – С. 3.

4 Ващева И.Ю. Эллинизм в системе византийской идентичности / И.Ю. Ващева // Tractus Aevorum. – 2016. – Сер. 3. №1. – С. 25.

5 Steiris G. History and Religion as Sources of Hellenic Identity in Late Byzantium and the Post-Byzantine Era // Genealogy. – 2020. – Ser. 4. №1. – P. 3.

6 Петрунина О.Е. Идеологемы «Великая идея» и третья «Греческая цивилизация» в интерпретации И. Метаксаса / О.Е. Петрунина // Вестник Московского университета. Сер.12: Политические науки. – 2007. – №1. – С. 96.

7 Воротников В.В. Конфликт идентичности в современной Греции: пересмотр концепции эллинохристианского синтеза? / В.В. Воротников, Д.С. Нестеров // Концепт: философия, религия, культура. – 2024. – Т. 8, №3. – С. 68.

стремятся сохранить культурное достояние Эллады, которые известны не только в Греции, но и во всем мире, являясь достоянием человечества.

В греческих школьных учебниках по истории встречаются фрагменты, указывающие на то, что древние греки рассматривали античность в качестве истоков национальной идентичности Греции. В одном из них отмечается, что греко-персидские войны были «общим делом всех эллинов», заложившим основы «общей исторической памяти» и которое стало примером «первых „национальных“ войн». Также подчеркивается, что идея панэллинизма, впервые осознанная эллинами в рамках войн с Персией, заключалась в борьбе греков за независимость и сохранение «греческой нации».[8] Иным примером служит фрагмент, в котором выделяется идентитарная связь «ромеев» Восточной Римской Империи и древних греков: византийцы начинают активно обращаться к истории античности, понятия «эллин» и «эллинизм» приобретают большое значение и прочно укореняются в культуре Византии.[9]

По результатам исследования автор пришел к выводу, что современный грек не мыслит себя вне исторического контекста. Античное наследие как цивилизационный базис Европы не осталось в далеком прошлом, а было перенято византийцами, сохранившими эллинское достояние и умело сочетавшими его с христианством. В итоге в условиях тяжелейших социально-политических потрясений, с которыми Греция сталкивалась на протяжении всего нового времени и XX в., эллино-христианский дуализм послужил основой формирования национальной идентичности современной Греции. Конечно, она не исчерпывается данными положениями, и греческая идентичность XXI в. приобретает новые черты в условиях европейской интеграции и глобализации.

8 Μαστραπάς Ν. Ιστορια του αρχαιου κοσμου. Από τους προϊστορικούς πολιτισμούς της Ανατολής έως την εποχή του Ιουστινιανού [История античного мира. От первобытных культур до эпохи Юстиниана]. – Αθήνα.: «Διόφαντος», 2016. – Σ. 97.

9 Δημητρούκας Ι. Μεσαιωνική και Νεότερη Ιστορία [Средневековая и Новейшая История]. – Αθήνα.: «Διόφαντος», 2016. – Σ. 77.

Список литературы

1. Ващева И.Ю. Эллинизм в системе византийской идентичности / И.Ю. Ващева // Tractus Aevorum. – 2016. – Т.3, №1. – С. 23-59.
2. Воротников В.В. Конфликт идентичности в современной Греции: пересмотр концепции эллинохристианского синтеза? / В.В. Воротников, Д.С. Нестеров // Концепт: философия, религия, культура. – 2024. – Т. 8, №3. – С. 63-78.
3. Земцова Е.Е. Становление концепции эллинства и утверждение эллинской идентичности в эпоху архаики и классики / Е.Е. Земцова // Вестник РГУ имени С.А. Есенина. – 2017. – №1. – С. 55-63.
4. Петрунина О.Е. Идеологемы «Великая идея» и третья «Греческая цивилизация» в интерпретации И. Метаксаса / О.Е. Петрунина // Вестник Московского университета. Сер.12: Политические науки. – 2007. – №1. – С. 94-105.
5. Семененко И.С. Идентичность: личность, общество, государство. Новые контуры исследовательского поля / И.С. Семененко. – ИМЭМО РАН. – М.: Весь Мир, 2023. – 512 с.
6. Фролов Э.Д. К проблеме национальной идентичности в античном мире: концепция эллинства в античной литературе классической эпохи / Э.Д. Фролов // Вестник Санкт-петербургского университета. Сер. 2: История. –2009. – №3. – С. 53-59.
7. Δημητρούκας Ι. Μεσαιωνική και Νεότερη Ιστορία [Средневековая и Новейшая История]. – Αθήνα.: «Διόφαντος», 2016. – σ. 150.
8. Κατσουλάκος Θ., Κοκκορού Γ. Αρχαία Ιστορία [История Античности]. – Αθήνα.: «Διόφαντος», 2016. – σ. 151.
9. Μαστραπάς Ν. Ιστορια του αρχαιου κοσμου. Από τους προϊστορικούς πολιτισμούς της Ανατολής έως την εποχή του Ιουστινιανού [История античного мира. От первобытных культур до эпохи Юстиниана]. – Αθήνα.: «Διόφαντος», 2016. – σ. 294.
10. Steiris G. History and Religion as Sources of Hellenic Identity in Late Byzantium and the Post-Byzantine Era // Genealogy. – 2020. – Ser. 4. №1. – P. 1-16.

Цапок Андрей Андреевич, Шварц Лия Борисовна
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
2 курс, бакалавриат
Факультет управления и политики, программа «Международные отношения»
tsapok.andrei@yandex.ru, l9161811379@gmail.com
Научный руководитель: Александров О.Б., к.и.н., доцент Кафедры истории международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России

Расширение НАТО в годы администрации Б. Клинтона

Проблема расширения НАТО на Восток является одним из главных противоречий в отношениях между Россией и Западом вот уже на протяжении 30 последних лет. Более того, именно расширение НАТО (и ее возможное расширение на Украину) явилось одной из причин складывания той неприемлемой конфигурации европейской безопасности, против которой Россия сейчас активно борется. Тема расширения альянса в 1990-ые гг. является достаточно исследованной в научной среде. Однако ее анализ становится вновь актуальным в связи с опубликованными Архивом национальной безопасности Университета Дж. Вашингтона в апреле 2024 г. документами администрации Клинтона относительно расширения НАТО, включая стенограммы переговоров президента с лидерами европейских стран и российским руководством, секретные донесения Совета национальной безопасности США президенту.

Цель исследования – рассмотреть расширение НАТО в годы администрации Б. Клинтона в контексте вновь обнародованных документов администрации.

Задачи исследования:

1. Выявить реальные причины расширения НАТО,
2. Рассмотреть участников, формы и сроки расширения НАТО,
3. Проанализировать восприятие Россией расширения НАТО.

Объект исследования – процесс расширения НАТО, предметом является расширение НАТО в годы администрации Клинтона. В исследовании применяются историко-описательный метод и логико-интуитивный метод.

Причины расширения НАТО

Можно выделить две категории причин расширения НАТО: реальные причины и те, что использовались для их прикрытия. Как подчеркивали западные исследователи и официальные лица, после окончания холодной войны НАТО является больше не военным альянсом, а сообществом либерально-демократических государств[1]. Поэтому включение в НАТО Польши, Венгрии и Чехии – это лишь подчеркивание их нового демократического статуса. В новых условиях НАТО должна стать ключевой структурой европейской безопасности[2]. И, конечно, в таком случае в ней должны присутствовать страны ЦВЕ.

Однако, как показывают недавно опубликованные документы администрации Клинтона, настоящие причины лежали в совсем иной плоскости. Во-первых, в условиях конца холодной войны и отсутствия советской угрозы необходимость существования НАТО в глазах внутреннего американского электората пропадала. И чтобы ее возродить, как заявляет сам Б. Клинтон[3], и было необходимо увеличение числа членов альянса.

1 Ikenberry G. The Myth of Post-Cold War Chaos // Foreign Affairs. – May/June 1996. – P. 79-91.
2 Memorandum for the President from Anthony Lake (NSC Staff Paper “Moving Toward NATO Expansion” attached) // Clinton Library Box 481, Folder 9408265, 2015-0755-M. – P. 63-78. – URL: https://goo.su/fCGDU (дата обращения: 29.09.2024).
3 Meeting with Prime Minister Carlo Ciampi of Italy (U) (NSC Records Management) // Clinton Library Box 162, Folder 9307094, 2015-0755-M. – P. 10-22. – URL: https://goo.su/fCGDU (дата обращения: 29.09.2024).

Более того, расширение принесло бы ему существенные внутриполитические дивиденды в виде избирателей восточноевропейского происхождения на Среднем Западе[4].

Во-вторых, американская администрация продолжала мыслить в рамках логики холодной войны. Так, в ходе встречи с генсеком НАТО В. Клаасом 7 марта 1995 г. Б. Клинтон говорит о необходимости предотвращения возможного возврата стран ЦВЕ в российскую сферу влияния[5]. В документе СНБ от 14 октября 1994 г. в этом же контексте говорится о странах Балтии и Украине: они не должны остаться в «серой зоне» или в зоне влияния России[6]. Потому все эти страны и должны в перспективе (для кого-то долгосрочной, а для кого-то краткосрочной) стать членами НАТО.

Участники, сроки и формы расширения НАТО

Общеизвестно, что участниками расширения НАТО в 1990-ые гг. стали Польша, Чехия и Венгрия, страны Вышеградской четверки. Это произошло по двум причинам: во-первых, эти страны находились ближе всего к границам НАТО, во-вторых, правительства этих стран открыто провозгласили стратегический курс на вступление в Североатлантический альянс[7]. Четвертый участник Вышеградской четверки, Словакия, в тот период даже не стремилась в НАТО, а правительство Владимира Мечьяра, находившееся у власти в 1994-1998 гг., в Европе называли «антидемократическим»[8].

Еще в 1991 г. был создан Совет Североатлантического сотрудничества как механизм взаимодействия с бывшими странами ОВД, однако, как показывают документы СНБ США, уже в июле 1993 г. администрация Клинтона рассматривала ССАС лишь как подготовительный этап к расширению НАТО[9], в то время как европейские союзники не были готовы к публичному обсуждению ее расширения. Клинтон прикладывает максимальное количество усилий, чтобы убедить союзников в необходимости расширения альянса[10]. В это время в администрации идут непубличные дебаты о расширении НАТО, и в итоге министерством обороны США была выдвинута программа «Партнерство ради мира», предусматривавшая индивидуальное сотрудничество с каждой страной-подписантом. На встрече с Ельциным в октябре 1993 г. У. Кристофер заявил, что расширение НАТО придет позднее, сейчас же реальность – это ПРМ[11]. Тем не менее официальное решение о расширении НАТО не заставило себя ждать. Можно сказать, что оно было принято на основании доклада советника по национальной безопасности Э. Лейка президенту Клинтону от 14 октября 1994 г., где обозначается четкая цель – расширенная НАТО, включая в среднесрочной перспективе страны Центральной и Восточной Европы, а в дальнейшем

---

4 Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней США / О.В. Печатнов, А. С. Манькин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Международные отношения, 2021. – С. 571.

5 Meeting with NATO Secretary General Willy Claes (NSC Records Management) // Clinton Library Box 571, Folder 9502048, 2015-0755-M. – P. 139-153. – URL: https://goo.su/fCGDU (дата обращения: 29.09.2024).

6 Memorandum for the President from Anthony Lake (NSC Staff Paper “Moving Toward NATO Expansion” attached) // Clinton Library Box 481, Folder 9408265, 2015-0755-M. – P. 63-78. – URL: https://goo.su/fCGDU (дата обращения: 29.09.2024).

7 Pacner K. Historie: Zpátky na Západě // Neviditelný pes: информационно-аналитический портал. – URL: https://neviditelnypes.lidovky.cz/politika/historie-zpatky-na-zapade.A110426_181649_p_politika_wag (дата обращения: 18.10.2024).

8 Взаимодействие Словакии и НАТО. // НАТО.рф: информационно-аналитический портал. – URL: https://www.нато.рф/ru/slovakia.html (дата обращения: 13.10.2024).

9 Memorandum for Anthony Lake from Charles Kupchan and Barry Lowenkron (NSC Staff Paper “NACC Summit” attached) // Clinton Library Box 154, Folder 9305216, 2015-0755-M. – P.1-9. – URL: https://goo.su/fCGDU (дата обращения: 29.09.2024).

10 Так, на встрече с премьер-министром Италии Карло Чампи 17 сентября 1993 г. Клинтон пытается убедить его, говоря, что расширение НАТО убедит электорат в необходимости ее сохранения, а госсекретарь Кристофер заверяет Чампи, что расширение НАТО не изолирует Россию. Источник: Meeting with Prime Minister Carlo Ciampi of Italy (U) (NSC Records Management) // Clinton Library Box 162, Folder 9307094, 2015-0755-M. – P.10-22. – URL: https://goo.su/fCGDU (дата обращения: 29.09.2024).

11 Россия и расширение НАТО: обещать – не значит гарантировать? Интервью с сотрудником Архива Национальной Безопасности при Университете Джорджа Вашингтона Светланой Савранской. // Журнал «Россия в глобальной политике». – 13.12.2021. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-nato-obeshhat-neznachit/ (дата обращения: 29.09.2024).

и другие страны, которые не вошли в первый транш[12]. Это было подтверждено выступлением Клинтона на саммите СБСЕ в Будапеште, где тот обосновал расширение НАТО увеличением безопасности всех стран Европы и подчеркнул, что ни одна страна вне НАТО не имеет права накладывать вето на расширение альянса[13]. Нужно отметить, что расширение НАТО могло произойти раньше, если бы не внутриполитические события в России[14].

Однако больше промедлений не было: на мадридском саммите альянса в 1997 г. три страны были официально приглашены в НАТО, а в 1999 г., к 50-летию альянса, официально вошли в состав Организации Североатлантического договора.

Российское восприятие расширения НАТО

В 1991 г. после распада ОВД Россия и другие бывшие члены организации начали поиск новой военно-политической ориентации. Изменение военно-политического статуса стран ЦВЕ стало острым вопросом в отношении России и НАТО: Б. Ельцин считал, что Россия первая должна войти в НАТО, и в 1991 г. заявил госсекретарю США, что он намерен соединить вооружённые силы СНГ с силами НАТО[15]. Независимо от того, было ли для России очевидно, что членство в альянсе для неё невозможно, страна на протяжении четырех лет декларировала идею о вхождении в НАТО[16]. Главной мотивацией членства России в НАТО являлось стремление избавится от вероятной угрозы с запада. Однако, несмотря на наличие российско-польской декларации[17], в которой было обозначено, что возможное вступление Польши в НАТО не противоречит интересам России[18], Россия всегда полагала, что расширение НАТО на Восток угрожает ее национальной безопасности.

В свою очередь США стремились выдержать время для продвижения НАТО, предлагая механизм ССАС, потом ПРМ. Однако, когда Россия осознала, что США неизбежно будут расширять альянс, перед ней встал выбор: согласиться с расширением, отказаться от взаимодействия с НАТО совсем, либо же вести переговоры с целью минимизации негативных последствий расширения альянса для интересов России[19].

В 1996 г. руководство России осознало неизбежность расширения НАТО и намерение США не учитывать российские интересы в этом вопросе. Тогда было решено предложить идею создания консультативного механизма Россия – НАТО и подписания

---

12 Memorandum for the President from Anthony Lake (NSC Staff Paper “Moving Toward NATO Expansion” attached) // Clinton Library Box 481, Folder 9408265, 2015-0755-M. – P. 63-78. – URL: https://goo.su/fCGDU (дата обращения: 29.09.2024).

13 В «холодном мире» не обойтись без новой стены. // Коммерсант: информационно-аналитический портал. – 06.12.1994. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/97034 (дата обращения: 18.10.2024).

14 В мае 1995 года Клинтон прилетел в Москву на празднование 50-летия Победы, и, хотя согласия от Ельцина на принятие в НАТО Польши, Чехии и Венгрии он не получил, между президентами было заключено «джентельменское соглашение», что до выборов президента в России никаких решений по расширению НАТО принято не будет. Это было сделано для того, чтобы Ельцин мог успешно переизбраться, не испытывая сильного давления «справа». Источник: Россия и расширение НАТО: обещать – не значит гарантировать? Интервью с сотрудником Архива Национальной Безопасности при Университете Джорджа Вашингтона Светланой Савранской. // Журнал «Россия в глобальной политике». – 13.12.2021. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-nato-obeshhat-ne-znachit/(дата обращения: 29.09.2024).

15 Адамишин А.Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. – М.: Издательство «Весь Мир», 2016. – С. 348.

16 President’s Dinner with President Yeltsin (U.S. Department of State Case No. F-2017-13804 Doc No. C06694487 Date: 03/29/2019). – P. 1-10. – URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/30920-document-8-cable-us-embassy-moscow-state-department-presidents-dinner-president (дата обращения: 07.10.2024).

17 Совместная российско-польская декларация (Варшава 25 авг. 1993 г.) // Дипломатический вестник. – 1993. – № 17-18.

18 Валенса настаивал, чтобы президент России согласился включить в совместное коммюнике фразу о том, что демократические страны имеют право выбирать себе союзы. Это означало бы согласие на вступление Польши в НАТО. Советники Ельцина возражали. Говорят, после нескольких часов бесплодных дискуссий и нескольких бутылок зубровки Валенса сказал Ельцину напрямую: «А вот я не нуждаюсь в советах своих людей, чтобы что-нибудь подписать». В ответ Ельцин отмел все возражения: «Я подпишу». Источник: Венглярчик Б. Как чертовы поляки вступили в НАТО. // «Новая Польша»: информационно-аналитический портал. – URL: https://www.novayapolsha.pl/article/kak-chertovy-polyaki-vstupili-v-nato (дата обращения: 18.10.2024).

19 Примаков Е.М. Встречи на перекрестках / Евгений Примаков. - М.: Центрполиграф, 2021. – С. 220.

документа, определяющего отношения России с Организацией, имевшего бы обязательный характер. В скором времени, 27 мая 1997 г., был подписан основополагающий акт Россия – НАТО о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности, отражавший позитивный настрой на совместное сотрудничество. Несмотря на этот шаг, вопрос о дальнейшем сотрудничестве НАТО и России вставал не один раз. Б. Клинтон не хотел, чтобы расширение НАТО воспринималось как подрыв безопасности России, потому была выбрана стратегия «подкупа»[20]. «Подкупом» считалось принятие России в клуб Группы семи, ставший «восьмёркой»[21], и Россия вновь оказалась в цепях американской схемы «воздух (семёрка) – за реальные дела (расширение НАТО)»[22].

В 1999 г. операция в Косово подтвердила, что произошло изменение в ориентации деятельности НАТО, которая стремилась защищать не территорию своих членов и союзников, а западные (американские) ценности в том случае, если они нарушаются другими странам[23]. Опасения России относительно «агрессивного» характера альянса, ранее казавшиеся несправедливыми, подтвердились: ради построения натоцентричной Европы альянс не поступится никакими жертвами[24].

Выводы

Реальной мотивацией США расширить НАТО было намерение упрочить свое господство в Европе с помощью включения в альянс новых членов и, как и в холодную войну, провести «разделительные линии» в Европе, только в новом, более выгодном для себя месте.

С самого начала президентского срока Б. Клинтона расширение НАТО на Польшу, Чехию и Венгрию имелось в планах, фактическое решение было принято в октябре 1994 г., но его исполнение было отложено из-за выборов в России.

На протяжении всего периода расширения НАТО в 1990-ые гг. Россия неоднократно заявляла, что считает этот процесс угрозой. Руководство страны пыталось урегулировать накаляющуюся обстановку: заявлялось о желании присоединиться к НАТО, предлагалось создание консультативного органа, хотя напрямую воспрепятствовать расширению так и не удалось. Несмотря на то, что Основополагающий акт Россия-НАТО был подписан, расширение альянса в 1990-ые гг. фактически положило начало конфликту между НАТО и Россией.

---

20 The President's Working Lunch with Wim Kok, Prime Minister of the Netherlands (U) (NSC Records Management) // Clinton Library Box 569, Folder 9501760, 2015-0755-M. – P. 108-139. – URL: https://goo.su/fCGDU (дата обращения: 18.10.2024).

21 Meeting with Russian Prime Minister Viktor Chernomyrdin: March Summit, GCC Results, European Security, START, Economic. (NSC Records Management) // Clinton Library Box 1601, Folder 9700840, 2015-0755-M. – P. 214-230. – URL: https://goo.su/fCGDU (дата обращения: 29.09.2024).

22 Адамишин А.Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. – М.: Издательство «Весь Мир», 2016. – С. 351.

23 Marcus J. Kosovo and After: American Primacy in the Twenty-First Century // The Washington Quarterly. Winter 2000. – P. 79-94.

24 Барановский В.Г. Косово: российские интересы слишком значительны / В.Г. Барановский // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991 – 2002. Хрестоматия в 4 томах. Т. 2. Исследования. / сост. Т.А. Шаклеина. / Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России; Российская ассоциация международных исследований; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)»; «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). – Москва, 2002. – С. 167.

Список литературы

1. Адамишин А.Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. – М.: Издательство «Весь Мир», 2016. – 448 с.

2. Барановский В.Г. Косово: российские интересы слишком значительны / В.Г. Барановский // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991 – 2002. Хрестоматия в 4 томах. Т. 2. Исследования. / сост. Т.А. Шаклеина. / Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России; Российская ассоциация международных исследований; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)»; «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). – Москва, 2002.

3. Венглярчик Б. Как чертовы поляки вступили в НАТО. // «Новая Польша»: информационно-аналитический портал. – URL: https://www.novayapolsha.pl/article/kak-chertovy-polyaki-vstupili-v-nato (дата обращения: 18.10.2024).

4. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней США / О.В. Печатнов, А.С. Маныкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Международные отношения, 2021.

5. Примаков Е.М. Встречи на перекрестках / Евгений Примаков. – М.: Центрполиграф, 2021. – 607 с.

6. Россия и расширение НАТО: обещать – не значит гарантировать? Интервью с сотрудником Архива Национальной Безопасности при Университете Джорджа Вашингтона Светланой Савранской. // Журнал «Россия в глобальной политике». – 13.12.2021. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-nato-obeshhat-ne-znachit/ (дата обращения: 29.09.2024).

7. Ikenberry G. The Myth of Post-Cold War Chaos // Foreign Affairs. – May/June 1996. – P. 79-91.

8. Marcus J. Kosovo and After: American Primacy in the Twenty-First Century // The Washington Quarterly. – Winter 2000. – P. 79-94.

9. Pacner K. Historie: Zpátky na Západě [История: назад на Запад] // Neviditelný pes: информационно-аналитический портал. – URL: https://neviditelnypes.lidovky.cz/politika/historie-zpatky-na-zapade.A110426_181649_p_politika_wag (дата обращения: 18.10.2024).

Актуальные вопросы международно-правового регулирования

Батылин Дмитрий Геннадьевич, Герасимова Елизавета Олеговна
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
1 курс магистратуры
Международный институт энергетической политики и дипломатии, программа «Правовое обеспечение международных проектов и энергетического бизнеса»
dbatylin2@gmail.com
Научный руководитель: Зинченко О.И., к.ю.н., преподаватель Кафедры правового регулирования ТЭК.

Международно-правовые аспекты защиты участников субъектов энергетических рынков

Введение

В условиях текущей геополитической обстановки между государствами возникают конфликты, которые приводят к торговым войнам и, как следствие, являются причиной для введения ограничительных мер дискриминационного характера. В данной статье рассмотрены предпосылки, определившие формирование международно-правового регулирования энергетических рынков, факторы, оказывающие влияние на данный процесс, а также проанализированы международная практика и соответствующие меры государственного регулирования.

Объектом исследования являются общественные отношения, урегулированные нормами международного права, возникающие между субъектами энергетических рынков. Предметом – совокупность законодательных, а также иных нормативных правовых актов (НПА), регламентирующих деятельность субъектов энергетических рынков.

Цель исследования состоит в выработке рекомендаций по совершенствованию механизма правовой защиты участников энергетических рынков. Для её реализации были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать отдельные положения законодательства РФ, направленные на защиту интересов участников международных энергетических рынков.
2. Проанализировать международно-правовые аспекты защиты интересов субъектов энергетических рынков.
3. Выявить проблемные аспекты международно-правового регулирования деятельности субъектов энергетических рынков и сформулировать рекомендации по совершенствованию механизма их правовой защиты.

Анализ положений законодательств, касающихся защиты интересов субъектов энергетических рынков.

Топливно-энергетический комплекс (ТЭК) является во многом системообразующим для России, динамика экспорта продуктов ТЭК прямо влияет на устойчивость национальной экономики. Важно отметить, что за последние годы в связи с непростой геополитической обстановкой в отношении российских компаний введено беспрецедентное количество ограничительных мер, имеющих дискриминационный характер, призванных сковать потенциал России в различных направлениях. В этой связи вопросы правового регулирования деятельности участников энергетических рынков являются предметом постоянных обсуждений в Министерстве энергетики Российской Федерации, на научных и практических дискуссионных площадках. Центральными НПА для России в рамках защиты интересов субъектов энергетических рынков являются:

1. *Указ Президента РФ от 19 декабря 2023 г. №965 «О специальных экономических мерах в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций»*. Данный указ пред-

усматривает создание российских обществ с ограниченной ответственностью, к которым переходят все права и обязанности ряда акционерных обществ.

2. *Указ Президента РФ, от 13.05.2019 г. №216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации»*. Доктрина отражает официальные взгляды на обеспечение энергетической безопасности России. В ней актуализированы вызовы, угрозы и риски энергетической безопасности, определены цель, направления и задачи государственной деятельности по её обеспечению.

3. *Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 г. №1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года»*. В числе прочего предусматривает: «Расширение технологического сотрудничества со странами БРИКС и ОПЕК».

Данные механизмы позволяют защитить интересы компаний на национальном уровне, однако представляется необходимым также искать решения спорных и неурегулированных вопросов именно на международном уровне. Таким образом, в национальном законодательстве заложены определенные элементы механизмов защиты субъектов энергетических рынков, затрагивающие и наднациональный уровень.

Международно-правовые аспекты защиты интересов участников энергетических рынков

Как справедливо отмечает доцент Кафедры международного права МГИМО Гликман О.В., «Связь между развитием энергетики, международного энергетического сотрудничества и нормами международного права неразрывна и неизбежна»[1]. Говоря о роли Российской Федерации в международной энергетической системе Прыткой А.Т. и Игумнов П.В. отмечали: «Обладая уникальными месторождениями энергоресурсов и уникальным географическим положением, дающим широкие возможности по их транспортировке и транзиту за рубеж, Россия занимает одно из ведущих мест в мировой системе оборота энергоресурсов, активно участвует в торговле и международном сотрудничестве в этой сфере»[2]. В настоящем исследовании предложено рассмотреть вопросы международно-правовой защиты интересов участников энергетических рынков с точки зрения двух основных аспектов: 1) международные договоры, регулирующие отношения между государствами в области энергетики; 2) деятельность международных судебных и арбитражных органов.

Международное сотрудничество России в сфере энергетики регулируется различными международными договорами, в том числе в рамках ЕАЭС, многосторонними договорами между прикаспийскими государствами, а также отдельными двусторонними соглашениями. Опыт сотрудничества РФ в данной сфере указывает на необходимость укрепления взаимоотношений в сфере энергетики в рамках вышеперечисленных образований. В качестве примера сотрудничества в этом направлении можно привести программу ЕАЭС «Финансирование промышленной кооперации». Финансирование будет осуществляться путем субсидирования процентной ставки по кредиту в размере 100% ключевой (учетной) ставки валюты кредитного договора. Это позволит компаниям из энергетического сектора получить значительную поддержку. На данный момент подано малое количество заявок, что может быть связано с ранней стадии реализации программы, а также с её недостаточным информационным освещением. На международном глобальном уровне существуют и другие значимые инициативы, например Повестка дня в обла-

---

1 Гликман О.В. Роль международного права в обеспечении интересов России в рамках энергетического сотрудничества с Евразийскими государствами // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2021. – №4-1. – С.176.

2 Цит. по Слипухин А.А., Земляченко Я.В. Пути обеспечения безопасности РФ в сфере энергетики // Вестник науки. – 2022. – №11 (56). – С. 167.

сти устойчивого развития на период до 2030 года, закрепленная резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 от 25 сентября 2015 года.

Однако следует отметить, что международно-правовое регулирование энергетических рынков сталкивается с рядом проблем и вызовов, таких как угрозы энергетической безопасности, изменение климата, конкуренция между различными видами энергии. В связи с этим необходимо дальнейшее развитие и совершенствование международно-правовых механизмов для обеспечения эффективного и справедливого регулирования энергетических рынков.

Рассмотрим проблему арбитража. Как известно, энергетическая отрасль РФ является экспортоориентированной, а значит вынуждена плотно взаимодействовать с иностранными компаниями. Международный коммерческий арбитраж традиционно считается одним из наиболее популярных и эффективных способов разрешения трансграничных коммерческих споров[3]. Существует множество международных арбитражей, таких как Арбитраж при международной торговой палате (ICC), Лондонский международный третейский арбитраж (LCIA), которые в силу санкций перестают быть выгодными для российских компаний. Так, проблемой является сложность или невозможность уплаты арбитражного сбора, обусловленная отказом иностранных банков от проведения операций для компаний, включенных в санкционный список, и установлением ограничений на совершение валютных операций[4]. Закономерным решением представляется передача споров в другие суды, например в Гонконгский международный арбитражный центр (HKIAC) и Дубайский международный арбитражный центр (DIAC). Это позволит обеспечить справедливое вынесение решений и защитить российские компании. Также весьма привлекательной кажется идея создания инвестиционного арбитража БРИКС, в компетенцию которого входило бы рассмотрение двух категорий инвестиционных споров: 1) между частными инвесторами из государств-участников БРИКС и реципиентами-участниками БРИКС; 2) между частными инвесторами из государств, не являющихся участниками БРИКС, и реципиентами-участниками БРИКС[5].

Интерпретация результатов исследования и выводы

По итогам исследования представляется целесообразным сформулировать следующие рекомендации по совершенствованию правового регулирования механизма защиты российских участников энергетических рынков с учетом современных рисков и угроз:

1. Усиление правовой защиты: разработка и введение в действие более детализированных юридических норм, направленных на защиту интересов участников энергетических рынков от действий третьих лиц и неблагоприятных внешних факторов.
2. Учет международного аспекта: проведение анализа международного опыта в регулировании энергетических рынков для использования успешных практик в российском законодательстве.
3. Стимулирование инноваций: разработка правовых норм, поддерживающих внедрение новых технологий в энергетическом секторе, включая альтернативные источники энергии.
4. Международное сотрудничество: установление партнерств с зарубежными странами и международными организациями для обмена опытом и лучшими практиками в сфере регулирования энергетических рынков

---

3 Засемкова О.Ф. Международный арбитраж в условиях антироссийских санкций: вопросы, поставленные практикой // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – №8 (153). – С. 136.

4 Там же, с.137.

5 Скворцов О.Ю. Об инвестиционном арбитраже БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – №1 (43). – С. 93.

Список литературы

1. Гликман О.В. Роль международного права в обеспечении интересов России в рамках энергетического сотрудничества с Евразийскими государствами // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2021. – №4-1. – С.176-180.
2. Засемкова О.Ф. Международный арбитраж в условиях антироссийских санкций: вопросы, поставленные практикой // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – №8 (153). – С. 135-147.
3. Скворцов О.Ю. Об инвестиционном арбитраже БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – №1 (43). – С. 89-97.
4. Слипухин А.А., Земляченко Я.В. Пути обеспечения безопасности РФ в сфере энергетики // Вестник науки. – 2022. – №11 (56). – С. 166-170.

Дубровина Юлия Андреевна
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
2 курс, бакалавриат
Международно-правовой факультет, программа «Международно-правовая»
yulia-dubrovina@list.ru
Научный руководитель: Чернолецкий В.Б., старший преподаватель Кафедры конституционного права МГИМО МИД России

Африканское космическое агентство: международно-правовой статус и внутреннее устройство

В настоящее время претерпевающий многочисленные изменения мир обретает на своей международной арене новых игроков, среди которых особый интерес представляет Африка как основной источник различных возможностей для дальнейшего развития мировой цивилизации[1]. Стремление ускорить процесс формирования собственных экономических и политических институтов после начавшегося в 1960-е гг. процесса деколонизации приводило к созданию на данном континенте различных интеграционных объединений. На современном этапе высшей точкой интеграции стал объединяющий все 55 стран Континента Африканский союз (далее – АС), учредительный договор о котором был подписан в 2000 г[2]. Спустя 15 лет АС провозгласил «Повестку дня до 2063 г. Африка, какой мы хотим ее видеть»[3], поставив перед собой задачу превратить континент в мощнейшего международного актора в будущем[4]. Принимая во внимание растущую роль космонавтики в обеспечении устойчивого развития всех стран в мире, африканские государства также не обходят стороной возможность получения такой действенной помощи за счет развития этой отрасли[5]. В связи с этим 29 января 2018 г. Ассамблея АС согласовала Устав Африканского космического агентства (AfSA; далее – АКА)[6], которое начало свое функционирование в 2023 г. Данное космическое агентство – не первое региональное космическое объединение (Европейское космическое агентство (ESA), Арабская группа космического сотрудничества (ASCG), Космическое агентство стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ALCE)), однако его отличает ряд особенностей.

Объект исследования – региональные космические объединения.

Предмет исследования – особенности Африканского космического агентства как регионального космического объединения.

Цель исследования – определение международно-правового статуса и внутреннего устройства Африканского космического агентства.

Задачи исследования:

1. Выявить правосубъектность Африканского космического агентства;
2. Определить полномочия Африканского космического агентства;
3. Изучить структуру Африканского космического агентства.

В основу исследования положены специально-юридические методы: формально-юридический и сравнительно-правовой.

---

1 Абрамова И.О. Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – №5. – С. 6.
2 Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в Африке: история и современный этап // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – №4. – С. 38.
3 Agenda 2063: The Africa We Want. African Union // African Union: site. – URL: https://au.int/agenda2063/overview (дата обращения: 20.10.2024).
4 Джоланов Р.С., Крылова Е.А., Купорова М.А., Предеин К.В. Россия – Северная Африка: научно-технологическое и космическое сотрудничество // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2023. – №3 (44). – С. 150.
5 Азербаев С.Г. Африка и космос // Азия и Африка сегодня. – 2020. – №2. – С. 51-52.
6 Statute of the African Space Agency (entered into force in 2018) // African Union: site. – URL: https://au.int/en/treaties/statute-african-space-agency (дата обращения: 20.10.2024).

Согласно ст. 2 Устава АКА[7], данное космическое агентство создано на основе п. 2 ст. 5 Учредительного акта АС, который закрепляет возможность создания в его составе органов по инициативе Ассамблеи АС. Итак, АКА образовано в качестве органа АС, который занимается вопросами развития и использования космической науки и технологий в Африке, а также сопряженными с этим вопросами правового регулирования, формируя внутрирегиональное и международное сотрудничество.

Главной целью деятельности АКА, согласно ст. 4 Устава АКА, является содействие и координация осуществления Африканской космической политики и стратегии[8], а также проведение мероприятий с использованием космических технологий и организация прикладных программ для устойчивого развития и повышения благосостояния африканских граждан. Назначение рассматриваемого агентства закреплено в п. 1 ст. 5 его устава и состоит в следующем: внедрение и осуществление Африканской космической политики и стратегии, принятой в 2016 г. Ассамблеей АС в рамках решения Assembly/AU/Dec.589(XXVI)[9] с целью официального оформления Африканской программы по космическому пространству, как это предусмотрено в Повестке дня до 2063 г. Примечательно, что создание законодательных и управленческих основ для осуществления Африканской программы по космическому пространству также предусмотрено указанным решением 2016 г. Следует полагать, что создание АКА – один из важнейших шагов на пути формирования таких основ управления. Дальнейшие пункты ст. 5 Устава АКА уточняют организационную и координационную функции: агентство нацелено на совместную работу в области создания общеконтинентальной нормативной базы для осуществления космической деятельности с учреждениями как национального, так и международного уровня; АКА также берет на себя роль связующего звена в цепочке взаимодействия государств-членов АС в деле совместного управления космической деятельностью на Континенте, выражая свое намерение работать непосредственно с национальными космическими агентствами для реализации коллективных задач Африки в сфере космоса. Таким образом, АКА выступает органом, который определяет общую позицию Континента в отношении многосторонних обязательств, устанавливаемых в космической области.

Правосубъектность АКА как органа АС установлена в ст. 3 его Устава и состоит из трех элементов:

1. Возможность заключать соглашения (enter into agreements);
2. Возможность приобретать движимое и недвижимое имущество, распоряжаться им (acquire and dispose of movable and immovable property);
3. Возможность возбуждать судебные дела (institute legal proceedings).

Ст. 18 Устава АКА также закрепляет за самим Агентством и его штатом привилегии и иммунитеты, которые предусмотрены подписанной в 1965 г. Общей конвенцией о привилегиях и иммунитетах Организации африканского единства (прим. – ОАЕ была преобразована в АС в 2002 г.)[10] и иными соответствующими международными соглашениями.

Структура управления и контроля (Governance and Management) АКА фиксируется ст. 6 его Устава и представляет собой следующую иерархию органов:

1. Африканский космический совет (the African Space Council);
2. Консультативный комитет (Advisory Committee);
3. Секретариат (the Secretariat);
4. Генеральный директор (Director General).

---

7 Здесь и далее авторский перевод с английского языка.

8 African Space Strategy 2019 // African Union: site. – URL: https://au.int/sites/default/files/documents/37434-doc-au_space_strategy_isbn-electronic.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

9 Assembly/AU/Dec.589(XXVI) // African Union: site. – URL: https://portal.africa-union.org/DVD/Documents/DOC-AU-DEC/ASSEMBLY%20AU%20DEC%20589%20(XXVI)%20_E.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

10 См. Африканская интеграция: социально-политическое измерение: монография / Потемкин Ю.В., Рыбалкина И.Г., Громова О.Б., Гусаров В.И., Высоцкая Н.И. – Институт Африки РАН. Москва, 2003. – 144 с.

Комитету 10 глав государств и правительств, выступающих за дело образования, науки и техники[11] (HSGC-EST; the Committee of 10 Heads of State and Government Championing the cause of Education, Science and Technology) отводится роль лидеров космической науки и техники на континентальном уровне. На него также возлагается политическое руководство Агентством. Специализированный технический комитет Африканского союза по образованию, науке и технике (STC-EST) должен обеспечивать общее стратегическое руководство и ориентировать Агентство посредством Космического совета. Генеральный директор Агентства представляет ежегодные доклады о своей работе Космическому совету, который подает их STC-EST на рассмотрение и дальнейшую передачу директивным органам АС.

Итак, образованное спустя десятилетнее обсуждение Африканское космическое агентство, ставшее новым органом Африканского союза, по мнению многих специалистов, должно стать главной централизованной площадкой взаимодействия всей Африки с самыми влиятельными участниками космической деятельности на глобальном уровне[12]. Несмотря на то, что АКА формировалось на основе уже имеющегося опыта создания других региональных космических объединений, оно имеет ряд особенностей, связанных со спецификой данного региона. Так, ошибочно рассматривать АКА наравне с Европейским космическим агентством, которое является независимой международной организацией, в отличие от статуса АКА как органа АС. С указанным фактом связаны и особенности изложенной в ст. 4 Устава АКА цели его деятельности: она имеет более выраженный социальный характер, чем схожие положения учредительных документов других региональных космических объединений, цели которых обычно ограничены развитием космической отрасли и непосредственно не распространяются на общее развитие региона (группы государств) в целом. В то же время правосубъектность АКА совпадает с правосубъектностью, присущей большинству международных организаций. Структура Агентства представляет собой совокупность органов с внутренней субординацией и подотчетностью АС. Учредив АКА, Африка сделала первый шаг на пути создания континентальной системы управления космической деятельностью работа на национальном уровне каждого государства-члена должна быть продолжена[13].

---

11 First Extraordinary Summit of the Committee of Ten Heads of State and Government Championing Education, Science and Technology (C10) // African Union: site. – URL: https://au.int/en/newsevents/20181102/first-extraordinary-summit-committee-ten-heads-state-and-government-championing (дата обращения: 20.10.2024).

12 См. Berthet M., Corrado R. Review and Comparison of Three Emerging Regional Space Agencies: the African Space Agency, the Arab Space Coordination Group, and the Latin American and Caribbean Space Agency // Space Policy. – 2024. – Vol.68. – URL: https://doi.org/10.1016/j.spacepol.2024.101624.

13 См. Aganaba T. A Cosmopolitan Approach to International Law (CAIL). Reflection on the Space Development Experience of Africa // Space Policy. – 2024. – Vol. 69. – URL: https://doi.org/10.1016/j.spacepol.2024.101638.

Список литературы

1. Абрамова И.О. Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – №5. – С. 6-21.

2. Азербаев С.Г. Африка и космос // Азия и Африка сегодня. – 2020. – №2. – С. 50-56

3. Африканская интеграция: социально-политическое измерение:монография / Потемкин Ю.В., Рыбалкина И.Г., Громова О.Б., Гусаров В.И., Высоцкая Н.И. – Институт Африки РАН. – Москва, 2003. – 144 с.

4. Джоланов Р.С., Крылова Е.А., Купорова М.А., Предеин К.В. Россия – Северная Африка: научно-технологическое и космическое сотрудничество // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2023. – №3 (44). – С. 147-151.

5. Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в Африке: история и современный этап // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – №4. – С. 34-50.

6. Berthet M., Corrado R. Review and Comparison of Three Emerging Regional Space Agencies: the African Space Agency, the Arab Space Coordination Group, and the Latin American and Caribbean Space Agency // Space Policy. – 2024. – Vol.68. – URL: https://doi.org/10.1016/j.spacepol.2024.101624.

7. Aganaba T. A Cosmopolitan Approach to International Law (CAIL). Reflection on the Space Development Experience of Africa // Space Policy. - 2024. - Vol. 69. URL: https://doi.org/10.1016/j.spacepol.2024.101638.

Макарова Ева Алексеевна
Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук, ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук»
4 курс, бакалавриат
Факультет мировой политики, программа «Зарубежное регионоведение»
e.makarova@iskran.ru
Научный руководитель: Евсеенко А.С., заместитель директора по научной работе ИСКРАН им. академика Г.А. Арбатова, к.полит.н., доцент Кафедры зарубежного регионоведения Государственного академического университета гуманитарных наук

Проблема ратификации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) в США

Анализ положения американских женщин в Соединенных Штатах Америки позволяет выявить политические и экономические предпосылки дискриминации по гендерному признаку в обществе. В данной работе будет рассмотрена гипотеза об отсутствии ратификации Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин в США в связи с тяжелой социально-экономической обстановкой в стране и неактуальности проблемы гендерного равенства для современных американцев.

Объектами данного исследования выступает ратификация CEDAW в Соединенных Штатах Америки. Предмет исследования – суть и проблема ратификации в США Конвенции. Цель данной работы – выявить факторы, влияющие на отказ от ратификации CEDAW в США. Задача – оценить необходимости и значения ратификации Конвенции в США и ее значения для американского общества.

В Соединенных Штатах, как и во всех странах мира, женщины сталкиваются с дискриминацией во многих сферах жизни. Согласно данным на 1990 г., заработная плата женщин составляла в среднем 71,6% от заработной платы мужчин за аналогичный труд. К 2017 г. этот показатель изменился и составил 81,7% от доходов мужского населения, а в 2021 г. – 83,7%[1]. Согласно этой статистике, наблюдается незначительный прогресс, и оплата труда до сих пор остается неравной.

Аналогичная ситуация наблюдается и в представительстве женщин в органах власти. По данным проекта «Парлайн» (англ. *Parline*) Межпарламентского союза (англ. *Inter-Parliamentary Union, IPU*) по итогам промежуточных выборов в Конгресс в ноябре 2022 г. доля женщин – парламентариев составляет лишь 28,7% в Палате представителей и 25,3% в Сенате, что указывает на неравное представительство полов во властных структурах[2]. При этом стоит отметить, что женщины составляют 50,5% населения США[3].

Не менее ярким примером дискриминации женщин является сфера информационных технологий (англ. *information technology, IT*), которая воспринимается обществом как «мужская». Только 24% должностей в IT-индустрии США отводится женщинам. С каждым годом данный показатель становится все ниже. Более того, чрезвычайно высок уровень текучести кадров среди женщин, по сравнению с мужчинами. У женщины вероятность быть уволенной более чем в 2 раза выше, чем у мужчины. Среди последних только 17% увольняются из IT-компании, в то время как среди женщин этот показатель составляет 45%. Причем 50% из них вынуждены покинуть должность в возрасте до 35 лет, т.е.

1 Female to male earnings ratio of workers in the United States from 1990 to 2021. // Statista. – URL: https://www.statista.com/statistics/203459/female-to-male-earnings-ratio-of-workers-in-the-us/ (дата обращения: 25.01.2023).
2 Monthly ranking of women in national parliaments. // IPU Parline. – URL: https://data.ipu.org/women-ranking?month=12&year=2022 (дата обращения: 25.01.2023).
3 QuickFacts: United States. // U.S. Census Bureau. – URL: https://www.census.gov/quickfacts/fact/table/US/PST045221 (дата обращения: 25.01.2023).

в середине своей карьеры[4]. Связано это не с низким уровнем компетенций женщин как технических специалистов, а с предвзятым отношением среди руководства и коллег[5].

Это явление наблюдается и в других сферах, воспринимаемых «мужскими», и, соответственно, сопровождается неравенством при оплате труда в пользу мужчин. Даже когда женщины переходят на должность, которую как правило занимают мужчины, средняя заработная плата на данном посту со временем снижается[6].

Помимо дискриминации, женщины вынуждены сталкиваться с более острой проблемой – насилием. Они в целом подвергаются большему риску насилия как на рабочем месте, так и в семье. «Национальная горячая линия по вопросам насилия в семье» (англ. *The National Domestic Violence Hotline, NDVH*) подтверждает высокие показатели насилия со стороны партнёра над женщинами в возрасте от 18 до 34 лет. 81% женщин, которые подвергались изнасилованию, преследованию или физическому насилию со стороны партнёра, сообщили о значительных краткосрочных и долгосрочных последствиях, таких как симптомы ПТСР, травмы и т.д.[7]

Аналогичная ситуация наблюдается и в гражданском секторе: 69% опрошенных женщин, работающих в американских компаниях, признались, что подверглись сексуальному насилию на работе, 72% – со стороны старших коллег и начальников[8].

Таким образом, трудности в преодолении неравенства по половому признаку свидетельствуют о необходимости принятия соответствующих мер со стороны государства. Это актуализирует необходимость ратификации в США Конвенции. Однако ратификация CEDAW не приведет к быстрому улучшению положения женщин в США. Тем не менее, запуск процесса преодоления гендерного неравенства послужит началом выстраивания коммуникации между государственными структурами и НКО по проблеме дискриминации прав женщин. Ратификация Конвенции будет способствовать большей эффективности американских социальных лифтов и снижению общественной напряженности внутри страны. В контексте вышеизложенного комплекса проблем гендерного равенства в США отказ от ратификации Конвенции в США остается неясной. Если провести ретроспективный обзор попыток ратификации в США основных документов в сфере гендерной политики, можно сделать вывод, что Конвенция не рассматривалась как внутриполитический фактор. Она стала трактоваться как потенциальный элемент внешнеполитического нарратива. На протяжении многих десятилетий отдельные представители американского истеблишмента прилагали усилия, направленные на ратификацию Конвенции. Ее принятие находит поддержку как в правительстве США, так и среди НПО, выступающих за права женщин. Однако этому развитию событий помешали не только бюрократические сложности и изменения политической конъюнктуры, но и примат американского права над международным на территории США.

Между сторонниками и противниками ратификации возникают разночтения по ряду положений Конвенции. Наличие разных трактовок замедляет процесс принятия документа. Например, противники принятия считают, что ратификация предоставит большие полномочия ООН по вмешательству во внутреннюю политику США, а также приведет к необоснованным законам и всплеску судебных исков[9]. В действительности

---

4 Bailey K. The State of Women in Tech. // DreamHost Inc.: site. – 08.03.2022. – URL: https://www.dreamhost.com/blog/state-of-women-in-tech/#today (дата обращения: 25.01.2023).

5 Mohilo D. Women in Tech: «Prejudices against women in IT are still present». // LaptrinhX.: site. – 24.02.2021. – URL: https://laptrinhx.com/women-in-tech-prejudices-against-women-in-it-are-still-present-2715335881/ (дата обращения: 06.03.2023).

6 Miller C.C. As Women Take Over a Male-Dominated Field, the Pay Drops. // The New York Times: site. – 18.03.2016. – URL: https://www.nytimes.com/2016/03/20/upshot/as-women-take-over-a-male-dominated-field-the-pay-drops.html (дата обращения: 06.03.2023).

7 Domestic Violence Statistics. // National Domestic Violence Hotline: site.. – URL: https://www.thehotline.org/stakeholders/domestic-violence-statistics/ (дата обращения: 25.01.2023).

8 The 2021 Guide to Workplace Sexual Harassment. // i-Sight: site. –. 22.12.2020. – URL: https://www.i-sight.com/resources/guide-to-workplace-sexual-harassment-infographic/ (дата обращения: 25.01.2023).

9 Шведова Н.А. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: в США 35 лет «под сукном» // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №. 3. – С. 41-42.

же эти опасения спорны, поскольку Конвенция не наделяет дополнительной властью никакую международную организацию и не угрожает суверенитету Соединенных Штатов. Более того, она предусматривает приведение ее положений в соответствие с законодательством США. К тому же, содержание этого документа аналогично многим положениям Конвенции и ликвидации всех форм расовой дискриминации (англ. *U.N. Convention to Eliminate All Forms of Racial Discrimination – CERD*). Последняя была ратифицирована Сенатом США в 1994 г. и не повлекла за собой всплеск судебных исков[10]. Существуют и другие аргументы в отношении таких вопросов, как право на аборты или разрешение на заключение однополых браков[11], однако сторонники ратификации доказывают их необоснованность.

Смена политической конъюнктуры существенно затрудняет ратификацию Конвенции. С приходом каждой новой демократической администрации предпринимаются попытки завершить этот процесс, как это было, например, при Бараке Обаме. Однако с возвращением в Белый дом республиканцев проблема гендерного равенства, по сути, уходит из повестки дня.

Тем не менее, в американском обществе уже утвердились представления о равноправии полов. Так, большое внимание к себе привлекло движение «Я тоже» (англ. *#MeToo*), возникшее в США в 2017 г. Оно не только широко осветило проблему насилия и гендерной дискриминации в Соединенных Штатах, но и получило резонанс в мире.

Еще одним свидетельством актуальности этих идей среди значительной части американского общества стали так называемые «женские марши», прошедшие на следующий день после инаугурации Д. Трампа в 2017 г. В них приняли участие порядка 2 млн. чел[12]. Их лозунги были направлены против вступления бывшего бизнесмена на пост президента, цитировались его сексистские высказывания, критиковалась его позиция по вопросу запрета абортов[13].

Все это говорит о готовности американского общества принять основные положения Конвенции. Американский истеблишмент учитывает данные настроения, но борьба сторонников и противников ратификации Конвенции продолжается. Данный вопрос периодически откладывается на неопределенный срок. Тем не менее, этот процесс возобновляется в силу сохраняющегося общественного запроса. Поэтому можно предположить, что принятие документа является вопросом времени.

Список литературы

1. Шведова Н.А. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин: в США 35 лет «под сукном» // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №. 3. – С. 41-42.

2. Al Shraideh S. CEDAW in the Eyes of the United States // Journal of Legal Studies. 2017. – Т. 20. – №. 34. – P. 18-37.

3. Rafferty J.P. «Women's March». // Encyclopedia Britannica. – 14.01.2023. – URL: https://www.britannica.com/event/Womens-March-2017 (дата обращения: 22.02.2023).

10 Там же.

11 Al Shraideh S. CEDAW in the Eyes of the United States //Journal of Legal Studies. – 2017. – Т. 20. – №.34. – С. 18-37.

12 Домашняя революция: кто спонсировал «Марш женщин» против Трампа. // Russia Today: официальный сайт. – 23.01.2017. – URL: https://russian.rt.com/world/article/352852-soros-zhenskiy-marsh (дата обращения: 16.03.2023).

13 Rafferty J.P. «Women's March». // Encyclopedia Britannica. – 14.01.2023. – URL: https://www.britannica.com/event/Womens-March-2017 (дата обращения: 22.02.2023).

Международное право: субъекты, институты, режимы

Гурулева Алена Дмитриевна
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
1 курс магистерской программы
«Правовое обеспечение международных проектов и энергетического бизнеса»
Международного института энергетической политики и дипломатии
Guruleva02@list.ru
Научный руководитель Назарова А.У., к.ю.н. старший преподаватель кафедры правового регулирования ТЭК МИЭП МГИМО

Введение института системообразующих территориальных сетевых организаций: тенденции и зарубежный опыт

Введение

Целью данной работы является анализ зарубежного опыта организации системы электроэнергетического рынка для выявления положительных и отрицательных сторон разновидностей таких систем, с участием централизующих компаний. Главная задача работы – определить наиболее подходящий вид организации рынка электроэнергетики в Российской Федерации, а также изучить цели и содержание реформы о создании системообразующих территориальных сетевых организаций. Объектом исследования является системообразующая территориальная сетевая организация. Предметом исследования – институт системообразующей территориальной сетевой организации в России и его аналоги в зарубежной практике.

Основная часть

Рынок электроэнергетики, как в России, так и в иных государствах, является стратегически важной сферой регулирования, в связи с тем, что жизнь без электроэнергии кажется нам уже невозможной. Смартфоны, множество бытовых гаджетов, автомобили, производственное оборудование и любой иной объект, имеющий блок питания, требуют электричество для своей работы. Чтобы доставить электричество в каждый такой прибор, необходимо организовать целый комплекс взаимосвязанных и бесперебойных работ различных организаций.

Впервые цель стабильного обеспечения потребителей электроэнергии в связанной энергетической системе была изложена в Постановлении Совета Народных Комиссаров о плане электрификации России от 21 декабря 1921 г. (далее – План ГОЭЛРО)[1]. В результате реализации Плана ГОЭЛРО в стране были проведены работы по восстановлению разрушенного хозяйства страны, появились новые генерирующие предприятия и объекты электросетевого хозяйства. Такое развитие электрификации позволило создать мощную энергетическую базу России[2].

Тем не менее к современному периоду развития страны в сфере электроэнергетики накопилось множество проблем, связанных с износом оборудования, отсутствием широкомасштабного ввода современной техники, влекущих перебои энергоснабжения потребителей в результате аварий. И такая ситуация сложилась даже несмотря на проведенную реформу 2008 года, отвечающую мировым тенденциям по внедрению конкуренции в энергетическом секторе, положившую начало широкомасштабному привлечению инвестиций в сферу электроэнергетики, путем приватизации энергетических комплексов и запрета таким предприятиям совмещать функции по передаче, производству, купле-про-

1 Постановление Совета Народных Комиссаров о плане электрификации России от 21 декабря 1921 г. // Электронная библиотека исторических документов. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/443648-postanovlenie-soveta-narodnyh-komissarov-o-plane-elektrifikatsii-rossii-21-dekabrya-1921-g (дата обращения 30.10.2024).
2 Волков Э.П. План ГОЭЛРО и развитие современной электроэнергетики России // Известия Российской академии наук. Энергетика. – 2020. – № 6. – С. 14.

даже электрической энергии[3] (за исключением хозяйствующих субъектов, для которых законодательством в сфере электроэнергетики установлены иные правила).

При образовании территориальных сетевых организаций (организаций по передаче электрической энергии[4]) (ТСО) не был предусмотрен работающий регулирующий механизм ликвидации последствий аварий природного и техногенного характера, не были эффективно использованы объекты электросетевого хозяйства, относящиеся к имуществу различных организаций или бесхозяйному имуществу. Следовательно, соблюдение установленной надежности и качества энергоснабжения в субъектах Российской Федерации не было обеспечено, не поддерживалась непрерывность энергоснабжения потребителей и при этом у организаций не было за это ответственности[5].

В связи с проведенной реформой 2024 года в электроэнергетической сфере Российской Федерации, в Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» были внесены изменения, связанные с введением института системообразующей территориальной сетевой организации (СТСО)[6]. Введение СТСО направлено на решение вышеуказанных проблем, путем формирования единого центра ответственности: по надежному и бесперебойному энергоснабжению потребителей; по ликвидации аварий; по использованию объектами электросетевого хозяйства.

Функциональное разделение субъектов электроэнергетического рынка, а также государственное регулирование в сфере передачи, с целью обеспечения надежного и бесперебойного энергоснабжения потребителей энергией соответствует тенденциям реформирования рынка электроэнергетики зарубежных стран, например, в Бразилии, Великобритании, Франции, Нидерландах[7]. Стоит обратить внимание и на то, что в той же Бразилии субъекты электроэнергетического рынка, занимающиеся именно передачей энергии, заключают договоры только на специальной площадке (Ambiente de Contratação Regulado), регулируемой государством[8].

В некоторых зарубежных странах преобладает централизованная и монополизированная деятельность в области передачи и распределения электроэнергии, в Австрии, к примеру, услуги по передаче и распределению оказывает 5 компаний-операторов магистральных сетей и 13 компаний-операторов распределительных сетей[9].

Зарубежный опыт показывает, что эффективное управление системами обеспечивается за счет сильного регуляторного влияния, даже если количество компаний, оказывающих услуги по передаче электроэнергии, больше 100, а значит действуют конкурентные правила на либерализованном рынке. В США, например, в связи с территориальной спецификой, действует три крупных энергетических района, в каждом из которых существуют коммерческие организации (с государственным участием или частные),

---

3 Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 36-ФЗ «Об особенностях функционирования электроэнергетики и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 31 марта 2003 г. – № 13. – Ст. 1178.

4 Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 марта 2003 г. – №13. – Ст. 1177.

5 Пояснительная записка к законопроекту № 594962-8 (Комитета Государственной Думы по энергетике) // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/594962-8 (дата обращения: 30.11.2024).

6 Федеральный закон от 13 июля 2024 г. № 185-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 13 июля 2024. – № 29. – Ч. 3, ст. 114.

7 Официальный сайт Ассоциации НП «Совет рынка». Раздел «Зарубежная электроэнергетика». – URL: https://www.np-sr.ru/ru/market/cominfo/foreign/index.htm (дата обращения 28.10.2024).

8 Доленина О.Е., Бабич С.В., Капшуков Е.В. Перспективы развития бразильского рынка электроэнергии в современной инновационной экономике // Региональная экономика и управление. – 2021. – № 4 (68). – URL: https://eee-region.ru/article/6811/ (дата обращения: 30.11.2024).

9 Официальный сайт Ассоциации НП «Совет рынка». Раздел «Зарубежная электроэнергетика». – URL: https://www.np-sr.ru/ru/market/cominfo/foreign/index.htm (дата обращения 30.11.2024).

которые эффективно взаимодействуют между собой[10]. При этом субъектами рынка электроэнергетики, занимающимися производством и передачей электроэнергии, являются тысячи компаний.

В России на данный момент организаций, осуществляющих передачу электроэнергии, в отношении которых осуществляется установление цен (тарифов) на услуги по передаче электрической энергии – 985[11]. Однако, наличие такого количества организаций не позволяет эффективно осуществлять контроль в области обеспечения надежности и безопасности в рамках Единой национальной электроэнергетической системы, поэтому создание механизма деятельности СТСО, как единых территориальных центров ответственности передачи электроэнергии позволит не только сократить количество организаций, оказывающих услуги по передаче электроэнергии (в традициях иностранного регулирования), но и повысит безопасность и эффективность использования объектов электросетевого хозяйства.

Вывод

Главной задачей рынка электроэнергетики является обеспечение всем генераторам равных возможностей выдачи электроэнергии, а потребителям равные возможности извлечения электроэнергии. Выполнение данной задачи возможно только на конкурентоспособном рынке[12].

Важно отметить, что сама конструкция СТСО является новой в сравнении с зарубежной практикой. Однако идеального механизма управления электроэнергетической системой нет, и каждое государство самостоятельно формирует политику в данной области, опираясь на собственные нужды и возможности. Тем не менее тенденция монополизации рынка по оказанию услуг передачи электроэнергии до сих пор присутствует, что является не совсем положительной ситуациях в перспективе тех изменений, которые были реализованы еще в 2008 году в России и ранее во многих развитых странах.

Список литературы

1. Волков Э.П. План ГОЭЛРО и развитие современной электроэнергетики России // Известия Российской академии наук. Энергетика. – 2020. – № 6. – С. 7-16.

2. Доленина О.Е., Бабич С.В., Капшуков Е.В. Перспективы развития бразильского рынка электроэнергии в современной инновационной экономике // Региональная экономика и управление. – 2021. – № 4(68). – URL: https://eee-region.ru/article/6811/ (дата обращения 30.11.2024).

3. Кашаев Ш.Р. Опыт государственного регулирования тарифов на электроэнергию в США // Известия вузов. Проблемы энергетики. – 2009. – №1–2. – С. 98-103.

4. Штридбек У., Кроншоу И., Хюлста Н. Уроки, извлеченные из либерализации рынков электроэнергии. – П.: Международное энергетическое агентство, 2005. – URL: https://studylib.ru/doc/2448818/uroki--izvlechennye-iz-liberalizacii-rynkov-e-lektroe-nergii (дата обращения 19.10.2024).

10 Кашаев Ш.Р. Опыт государственного регулирования тарифов на электроэнергию в США // Известия вузов. Проблемы энергетики. – 2009. – №1-2. – С. 101.

11 Перечень территориальных сетевых организаций, в отношении которых органом регулирования планируется установление (пересмотр) цен (тарифов) или установлены (пересмотрены) цены (тарифы) на услуги по передаче электрической энергии на очередной период регулирования (2024 год). // ФАС России: официальный сайт. – URL: https://fas.gov.ru/documents/689310 (дата обращения 29.10.2024).

12 Штридбек У., Кроншоу И., Хюлста Н. Уроки, извлеченные из либерализации рынков электроэнергии. – П.: Международное энергетическое агентство, 2005. – С. 49. – URL: https://studylib.ru/doc/2448818/uroki--izvlechennye-iz-liberalizacii-rynkov-e-lektroe-nergii (дата обращения 19.10.2024).

Рукавицына Мария Сергеевна, Саидахманов Малик Саидович
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
1 курс магистерской программы «Правовое обеспечение международных проектов и энергетического бизнеса» Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России
masharuk@gmail.com
Научный руководитель Назарова А.У., к.ю.н., старший преподаватель, специалист по УМР Кафедры правового регулирования ТЭК МГИМО МИД России

Реализация программы CORSIA в России: правовые проблемы и возможности

Введение

Объектом исследования является программа CORSIA, а также способы внедрения данной программы на территории РФ.

В рамках доклада изучены научные работы ученых-юристов и ученых-экономистов в сфере углеродного регулирования. Работа также содержит анализ положений международных договоров и иных документов.

Данное исследование ставит **целью** всестороннее изучение теоретических основ и практических аспектов имплементации международной программы в российское правовое поле.

Задачи исследования:

1. рассмотреть особенности программы и способы ее использования в РФ;
2. выявить правовые проблемы, возникающие в теории и практике;
3. проанализировать российское и международное законодательство по данному вопросу;
4. предложить варианты совершенствования законодательства по теме работы.

Методы. В исследовании задействован комплекс методологических подходов. Наряду с общенаучными инструментами познания, такими как аналитическое рассмотрение, описание и системный подход, привлечены и специализированные юридические методы, в частности, формально-юридический.

Суть и нормативно-правовое регулирование программы CORSIA

Для стабилизации углеродного следа мировой гражданской авиации ИКАО разработала в 2016 году CORSIA – глобальную схему, основанную на рыночных механизмах компенсации и сокращения выбросов углекислого газа, предусматривающую обязательные сборы с авиакомпаний за выбросы углекислого газа при выполнении международных полетов.

В 2018 году эта инициатива обрела юридическую силу благодаря Приложению №16 к Чикагской конвенции, посвященному вопросам экологии. В рамках данного приложения четвертый том «Система компенсации и сокращения выбросов углерода для международной авиации» детально регламентирует механизмы реализации CORSIA[1].

Все государства-члены ИКАО обязаны выполнять Приложение №16. Суть программы CORSIA состоит в стабилизации уровня выбросов в международной авиации на уровне 2019 года. Авиакомпании должны добиваться этого путем повышения операционной эффективности и компенсации оставшихся выбросов от своих перевозок через приобретение верифицированных CORSIA углеродных кредитов и использования экологически чистого авиационного топлива.

---

1 Клочков В.В. Международное регулирование в области защиты окружающей среды от воздействия авиации и новые вызовы экономической безопасности России / В.В. Клочков, А.А. Охапкин // Экономическая безопасность. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 1333.

Дискуссия вокруг схемы CORSIA

Схема CORSIA явилась предметом споров, поскольку против настоящей инициативы ИКАО выступили РФ, Индия и КНР[2]. Основное требование стран заключалось в учете потребностей и реальных возможностей развивающихся государств, как это предусмотрено принципом общей, но дифференцированной ответственности Парижского соглашения.

Деятельность в рамках CORSIA соответствует положениям Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Данная Стратегия учитывает меры климатической политики, заложенные в Указе Президента РФ «О сокращении выбросов парниковых газов»[3]. План мероприятий по реализации настоящей Стратегии должен быть разработан в том числе с учетом мер CORSIA. В плане реализации следует рассматривать такие вопросы, как декарбонизация в транспортной отрасли и реализация природно-климатических проектов.

Этапы реализации

Реализация программы CORSIA подразделена на три стадии, а также выделяется базовый период. Базовый период реализации программы – 2019 год, относительно которого определяются суммарные выбросы всех стран для компенсации роста объемов выбросов углекислого газа и стабилизации выбросов[4]. С 2021 по 2026 гг. участие в программе добровольное, хотя мониторинг, отчетность и верификация уже обязательны для участников. С 2027 года компенсация выбросов и отчетность становятся обязательными для всех. Официально программа начала функционировать с 2021 года[5].

По состоянию на 2024 год 126 государств-членов ИКАО подтвердили свое участие в системе CORSIA, то есть добровольную компенсацию выбросов, а в 2025 году планируется присоединение еще трёх новых участников[6]. Стратегические партнеры РФ, состоящие в BRICS, технически и юридически готовы к CORSIA. Например, Агентство гражданской авиации Бразилии утвердило включение требований CORSIA в национальное законодательство в мае 2024 года[7].

Правовые проблемы

Поскольку Российская Федерация обязана с 2027 года реализовывать программу CORSIA, необходимо в этой связи выявить проблемы нормативного и технического характера, к которым следует отнести следующее:

1. отсутствие органов на территории РФ, аккредитованных для верификации отчетов о выбросах углекислого газа в соответствии с требованиями CORSIA. Без аккредитации отчеты отечественных органов рискуют быть недействительными в рамках выполнения требований CORSIA;
2. отсутствие законодательно закрепленных отечественных стандартов и программ реализации проектов, компенсационные единицы от которых могут быть использованы для компенсации выбросов углекислого газа в рамках CORSIA. В 2019 году ИКАО издала документ, в котором содержатся 11 стандартов CORSIA к климатическим проек-

---

2 Сухова Е.А. К вопросу о мировых тенденциях в сфере декарбонизации международного судоходства и международной авиации// Аграрное и земельное право. – 2023. – №2 (218). – С. 56.

3 Воробьев И.С., Воротников А.М. О необходимости учёта климатических изменений в стратегических документах Российского правительства // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. – 2021. – №4 (8). – С. 17.

4 Клочков В.В. Международное регулирование в области защиты окружающей среды от воздействия авиации и новые вызовы экономической безопасности России / В.В. Клочков, А.А. Охапкин // Экономическая безопасность. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 1334.

5 Балашов М.М. Влияние механизмов углеродного регулирования на развитие промышленности Российской Федерации // СРРМ. – 2020. – №4. – С. 356.

6 Официальный документ ИКАО «CORSIA States for Chapter 3 State Pairs». – С. 3. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.icao.int/environmental-protection/CORSIA/Documents/CORSIA%20States%20for%20Chapter%203%20State%20Pairs_5Ed_Rev_web.pdf (дата обращения: 12.10.2024)

7 Официальный государственный интернет-портал Бразилии. [Электронный ресурс]. // URL: https://www.gov.br/anac/pt-br/noticias/2024/aprovada-resolucao-com-regras-para-a-compensacao-da-emissao-de-co2em-voos-internacionais (дата обращения: 12.10.2024)

там[8]. Сегодня они не включены в законодательство России, поэтому ни один из проектов на территории России не сможет соответствовать требованиям CORSIA;

3. отсутствие четкой регламентации и распределения в нормативных актах полномочий между федеральными органами исполнительной власти и авиакомпаниями по реализации требований CORSIA;

4. отсутствие разработанного и внедренного в законодательство механизма «соответствующей корректировки» (corresponding adjustment). Одним из ключевых требований CORSIA является наличие механизма «соответствующей корректировки», который позволяет гарантировать, что углеродные единицы не будут учитываться дважды в рамках CORSIA и в рамках ОНУВ (определяемый на национальном уровне вклад) страны климатического проекта;

5. российский реестр природно-климатических проектов не аккредитован CORSIA, что не позволяет регистрировать проекты на территории РФ, которые засчитывались бы в рамках CORSIA. Критерии аккредитации не отражены в российском законодательстве.

Невыполнение требований CORSIA о погашении единиц эмиссии ведет к риску запрета на международные полеты отечественных авиакомпаний.

Возможности России по реализации программы

При этом Россия обладает большими возможностями для реализации программы CORSIA:

1. огромные лесные ресурсы, которыми располагает Россия и которые могут быть использованы для реализации проектов по поглощению углерода, что позволит генерировать углеродные единицы;

2. российские авиакомпании могут пользоваться услугами органов по верификации отчетов дружественных государств, одобренных CORSIA;

3. более масштабное сотрудничество с дружественными государствами-партнерами, подписание меморандумов о взаимопонимании или межправительственных соглашений;

4. закрепление усовершенствованных требований к мониторингу, отчетности и верификации в Воздушном и Лесном кодексах РФ и Федеральных авиационных правилах для обеспечения выполнения CORSIA;

5. использование механизмов ГЧП для обеспечения реализации CORSIA. В области климатического ГЧП Газпромбанк ключевым институтом управления процессами углеродного кредитования[9].

Выводы

Реализация программы CORSIA в России представляет собой сложный и многогранный процесс, сопряженный как с существенными вызовами, так и с перспективными возможностями. Нельзя рассматривать CORSIA исключительно как бремя для российской авиационной отрасли. Напротив, именно в преодолении правовых и практических сложностей реализации программы кроется потенциал для модернизации и повышения конкурентоспособности отечественного авиационного сектора.

Россия обладает большим потенциалом в реализации данной программы, который раскрывается в международном сотрудничестве со странами-участниками БРИКС. Лесной массив РФ также может стимулировать развитие декарбонизации авиации в России. Разумное и эффективное использование лесных массивов в свою очередь приведет к развитию института углеродных кредитов.

---

8 Официальный документ ИКАО по стандартам, предъявляемым к климатическим проектам, подлежащим учету в рамках CORSIA. [Электронный ресурс]. – С. 1. // URL: https://www.icao.int/environmental-protection/CORSIA/Documents/ICAO_Document_09.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

9 Ярыгина И. Углеродное финансирование в развивающихся странах: проблемы и перспективы / И. Ярыгина // Общество и экономика. – 2024. – №4. – С.135.

Необходимо учитывать, что реализация программы CORSIA будет возможна только в том случае, если Россия будет соответствовать стандартам и требованиям, указанным непосредственно в программе. Наряду с этим в России необходимо создать органы и реестры, аккредитованные CORSIA, для определения и верификации отчетов о выбросах парниковых газов.

Кроме того, следует совершенствовать российское законодательство по данному вопросу и внести изменения в Лесной и Воздушный кодексы.

Список литературы

1. Клочков В.В. Международное регулирование в области защиты окружающей среды от воздействия авиации и новые вызовы экономической безопасности России / В.В. Клочков, А.А. Охапкин // Экономическая безопасность. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 1329-1346. URL: 10.18334/ecsec.4.4.113245 (дата обращения: 12.10.2024).

2. Сухова Е.А. К вопросу о мировых тенденциях в сфере декарбонизации международного судоходства и международной авиации// Аграрное и земельное право. – 2023. – №2 (218). – С. 56-58.

3. Балашов М.М. Влияние механизмов углеродного регулирования на развитие промышленности Российской Федерации // СРРМ. – 2020. – №4. – С. 354-365.

4. Воробьев И.С., Воротников А.М. О необходимости учёта климатических изменений в стратегических документах Российского правительства // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. – 2021. – № 4 (8). – С. 12-20.

5. Ярыгина И. Углеродное финансирование в развивающихся странах: проблемы и перспективы / И. Ярыгина // Общество и экономика. – 2024. – №4. – С.132-147.

Семина Дарья Дмитриевна, Шабаева Елена Владимировна
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
1 курс, магистратура
Международный институт энергетической политики и дипломатии, программа: «Правовое обеспечение энергетического бизнеса»
seminadaria78@gmail.com, lenorik1503@yandex.ru
Научный руководитель: Чувахин П.И., к.ю.н., доцент Кафедры правового регулирования ТЭК МГИМО МИД России; научный консультант: Лысенко М.Н., к.ю.н., заместитель заведующего Кафедрой международного права МГИМО МИД России

Международно-правовое регулирование экспорта плавучих атомных электростанций

Введение

По данным МАГАТЭ, сегодня реализуется свыше 80 коммерческих проектов малых модульных реакторов (*далее – ММР*). Особый интерес МАГАТЭ привлекает возможность к установке ММР на плавучие платформы в целях экологически чистого электро- и газоснабжения удалённых прибрежных районов.

Россия на данный момент обладает единственным в мире плавучим атомным энергоблоком малой мощности, расположенным на плавучей атомной теплоэлектростанции (*далее* – ПАТЭС) «Академик Ломоносов». За время своего функционирования с конца 2019 г., ПАТЭС «Академик Ломоносов» уже успела доказать свою эффективность. В связи с этим в достаточной степени оправдан растущий интерес иностранных государств к инновационным проектам плавучих ММР, разрабатываемых Росатомом.

Таким образом, **актуальность** выбранной темы обусловлена перспективами российского экспорта плавучих АЭС с ММР в обозримом будущем.

Во избежание правовых споров по реализации таких экспортных проектов, России целесообразно заблаговременно определить риски с точки зрения возникновения гипотетических коллизий или даже нарушений норм международного права.

Объект исследования – межгосударственный экспорт плавучих АЭС. **Предмет** исследования – международно-правовые документы, положения которых смогут применяться в отношении экспорта плавучих АЭС.

Цель исследования состоит в системном анализе существующего международно-правового регулирования, которое потенциально сможет применяться к международным отношениям в сфере экспорта плавучих АЭС с ММР. Чтобы достичь её, были поставлены следующие **задачи**:

1. перечислить международно-правовые акты, потенциально применимые к экспортным отношениям по поводу ПАТЭС;
2. изучить официальные позиции МАГАТЭ и стран-разработчиков ММР относительно дальнейших разработок в данной области;
3. предложить рекомендации по возможному развитию международно-правового регулирования в отношении функционирования и экспорта плавучих АЭС.

Методологической основой данного исследования выступает совокупность диалектического, системно-структурного и логико-юридического методов познания.

Результаты исследования

В ходе исследования были изучены применимые к феномену ПАТЭС нормы отраслей международного права, к которым относятся: нормы о ядерной безопасности, нормы морского права, нормы экологического права, нормы об ответственности государств, а также ряд актов и рекомендаций МАГАТЭ.

МАГАТЭ в 2013 г., намного опередив появление технологий ММР и строительство ПАТЭС «Академик Ломоносов», выпустило предварительное исследование по международно-правовым аспектам функционирования транспортируемых атомных электростанций.[1] В нём были изложены лишь гипотезы, однако его авторам удалось весьма проницательно исследовать правовой материал и проанализировать любые возможные варианты развития событий, так что выводы данного исследования остаются актуальными и сегодня.

Основным документом по вопросам ядерной безопасности, является *Конвенция о ядерной безопасности 1994 г.*, которая относит к ядерным установкам исключительно наземные АЭС гражданского назначения. То есть формально ПАТЭС не подпадают под это определение и под регулирование Конвенции. Но в данной ситуации целесообразно толковать текст Конвенции расширительно, включая плавучие АЭС в предмет её регулирования.

Конвенция ООН 1979 г., посвящённая *физической защите ядерного материала*[2], устанавливает принцип ответственности государства за обеспечение того, что ядерный материал достаточно защищен на протяжении всей его международной перевозки. Принимая во внимание усовершенствование технологий ММР и конструктивные характеристики ПАТЭС нового поколения, которые, вероятно, будут самоходными, можно говорить о применении к ним данной Конвенции.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. устанавливает общие нормы относительно поведения судов в открытом море и в акваториях прибрежных государств и безусловно будет применяться к перемещению плавучих ММР как к любому иному перемещаемому водным транспортом объекту. ПАТЭС явно подпадают под действие ст. 23, которая требует от иностранных судов, перевозящих ядерные вещества, хранить на борту документы на данные вещества, а также соблюдать особые меры предосторожности.

Наиболее проблемные правовые аспекты, касающиеся рассматриваемой проблематики, будут регулироваться *Объединенной конвенцией о безопасности обращения с отработавшим топливом* и *о безопасности обращения с радиоактивными отходами 1997 г.*, а так же *Кодексом по безопасности ядерных торговых судов 1981 г.*

Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. предписывает ядерным державам не передавать ядерные разработки и технологии неядерным государствам во избежание их использования не для мирных целей. По этой причине была выработана модель экспорта, при которой для принимающих государств поставка энергии ПАТЭС будет работать по принципу «черного ящика», ограждая их от взаимодействия с любой информацией, касающейся технической стороны функционирования ядерной установки.

Нельзя игнорировать тот факт, что на фоне становления экспорта плавучих АЭС, есть государства, которые недвусмысленно показывают своё намерение монополизировать данную сферу. Речь идёт, о таких попытках со стороны США. Данное государство, не запустившее ещё ни одной ПАТЭС, выпустило документ *Requirements for Nuclear Power Systems for Marine and Offshore Applications*, претендующий, по мнению американских экспертов, на звание первого сборника правил для плавучих АЭС. Такой подход пронизан духом продвигаемой США вопреки международному праву концепции «порядка, основанного на правилах», то есть он направлен на дальнейшее навязывание своих правил другим игрокам рынка плавучих АЭС.

С целью пресечь такие попытки самовольной монополизации рассматриваемого высокотехнологичного рынка, представляется необходимым, чтобы именно Россия как «пионер» в области ПАТЭС инициировала соответствующую работу в МАГАТЭ

---

1 Лысенко М.Н., Беденко В.М., Дальноки-Вересс Ф. Международно-правовое регулирование плавучих атомных электростанций: проблемы и перспективы. // Московский журнал международного права. – 2019. – № 3. – С.63.

2 Полевова В.И., Герко А.Г.К. Информационно-аналитический обзор зарубежных и российских нормативно-правовых требований, предъявляемых к ПАТЭС. // Труды Крыловского государственного научного центра. – 2021. – № S1. – С.258.

по систематизированию разрозненных конвенционных норм и составлению единого документа, который бы внёс существенную правовую определенность в вопросах, касающихся ПАТЭС.[3]

Выводы

При реализации сценария массового экспорта ПАТЭС возникнет необходимость ликвидировать коллизии и «серые» зоны в международном праве.

Первым шагом к этому должна стать разработка модельного межправительственного соглашения между государством-экспортером и государством получателем, в котором должны быть зафиксированы наиболее важные условия: обязательства сторон, ответственность за ущерб, гарантии МАГАТЭ, вооруженная охрана плавучей АЭС, режим передачи информации, отношения с государствами транзита и пр.

Вторым шагом может послужить проведение нового исследования МАГАТЭ, которое заменило бы собой предварительное исследование 2013 г. В целом, МАГАТЭ стоило бы создать рабочую группу для систематизации и консолидации массива норм международного права, применимого к ПАТЭС с учетом первого практического опыта.

Список литературы

1. Лысенко М.Н., Беденко В.М., Дальноки-Вересс Ф., Международно-правовое регулирование плавучих атомных электростанций: проблемы и перспективы // Московский журнал международного права. – 2019. – (3). – С.59-67.

2. Лысенко М.Н. Ядерные технологии и международное право. К 60-летию Международного Агентства по атомной энергии // Закон и право. – 2017. – № 12. – С.15-18.

3. Полевова В.И., Герко А.Г.К. Информационно-аналитический обзор зарубежных и российских нормативно-правовых требований, предъявляемых к ПАТЭС // Труды Крыловского государственного научного центра. – 2021. – №S1. – С.257-260.

3 Лысенко М.Н. Ядерные технологии и международное право. К 60-летию Международного Агентства по атомной энергии / М. Н. Лысенко // Закон и право. – 2017. – № 12. – С.18.

Elena Margineanu
Free International University of Moldova ULIM
PhD. Lecturer at Law Department ULIM University, Moldova (2018-currently)
Intern at Institute of International Studies MGIMO, Russia (autumn 2024)
margineanu.elena@gmail.com
MGIMO Coordinator: Bliznetskaya Ekaterina Aleksandrovna, Department of International Complex Problems of Nature Management and Ecology at MGIMO University

Interpretative Incongruences in the Climate Agenda

Introduction

Environmental and climate issues transcend borders, requiring shared understanding for effective international cooperation. However, adopting a single, monopolistic view is unnecessary, especially given the current imbalanced narrative. The mainstream discourse overlooks crucial factors like weather modification technologies, solar activity, and alternative scientific perspectives. These environmental concerns may soon become central to international relations or even conflicts. Therefore, a balanced understanding of environmental issues is crucial, encompassing not just consumption reduction and carbon taxation, but also climate manipulation and potential foreign interference in natural systems.

A disbalanced approach is used in designing the public's understanding of environment issues. From one hand, we have official contradictory statements. From another hand, we have an asymmetric investments in one narrative „global warming caused by human activity". We have a massive financial movement to tax carbon, meanwhile total carbon in the air emitted by human and industries altogether is only 0.0012% of the atmosphere. Developed countries pledge to become net zero-carbon, meanwhile in a conceptual logic, plants begin to die if carbon dioxide level falls under 150 ppm.[1] We have a provisional agreement in Europe to raise the share of renewables to 45%, meanwhile the United States and China are developing weather modification programs and geoengineering plans. United Nations bodies are emphasizing upon the growing dangers of global warming, meanwhile some scientists hypothesize that the Sun will enter a cyclic phase of reducing its solar irradiance leading to a slight cooling for a few decades after 2030 with possible tectonic calamities along the way.

Incongruences in climate models at the base of environmental policies

The highest authority that establishes the policy vector for environmental and economic policies is Intergovernmental Panel of Climate Change (IPCC) that with United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) demand a periodical reporting from parties for communicating undertaken actions (National Determined Contributions – NDCs) in the ambition to satisfy the internationally dominant ambition upon climate and environment protection – reducing anthropogenic emissions. Most of the current discussions upon climate demonstrate an abrupt rise of temperature and carbon in the last decade through the context of the last 200 years linking it to anthropogenic factor. But a look at the last two centuries distors the ability to objectively perceive the image of how nature functions. The first IPCC report from 1990[2] and the third report from 2001[3] show two completely different models of global temperature variations for the last millennium (Figure 1). If the current model of international environmental policies is flawed, rejecting it and proposing alternative approaches to environmental protection

1 Happer W., Lindzen R. Comment and Declaration on the SEC's Proposed Rule "The Enhancement and Standardization of Climate-Related Disclosures for Investors". – 2022. – File No. S7-10-22, 87 Fed. Reg. 21334. – URL: https://www.sec.gov/comments/s7-10-22/s71022-20132171-302668.pdf (accessed 27.11.2024). – P. 7.
2 Houghton J.T., Jenkins J.G., Ephraums J.J. The Intergovernmental Panel on Climate Chance Scientific Assessment. – Cambridge University Press, 1990. – P. 202.
3 Houghton J.T., Albritton D.L., Allen M.R., Baede A.P.M., Church J.A., Cubasch U., Zillman J. Summary for Policymakers. // Climate Change 2001: The Scientific Basis. Contributions of Working Group I to the Third Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. – Cambridge University Press, 2001. – P. 3.

could be justified and necessary in an emerging polycentric world. Challenging the prevailing paradigm would require rethinking the foundations of Western socio-economic policies.

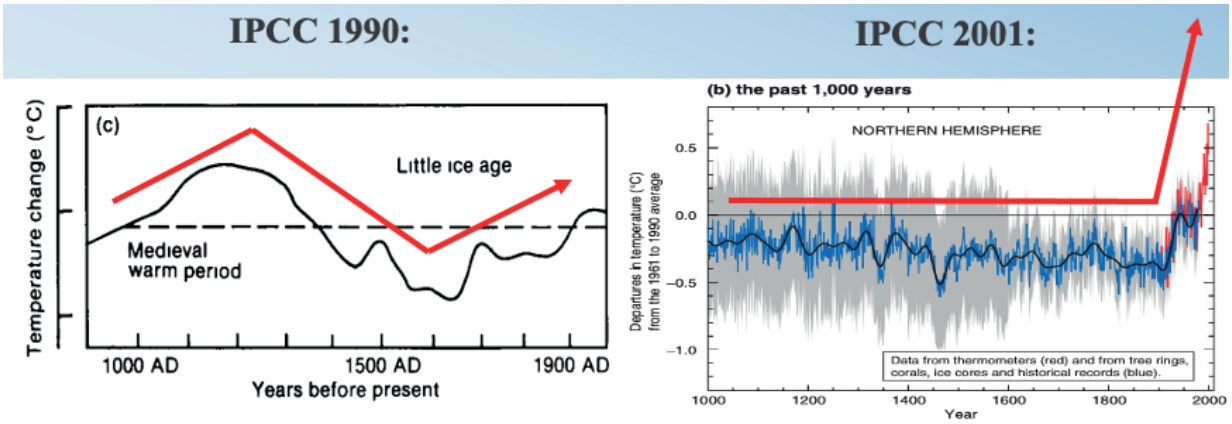

Figure 1. A comparison between the IPCC report from 1990 and IPCC report from 2001 for the model presenting the variations of Earth's temperature for the past 1000 years.

While highly embedded in politics, IPCC scientific assessments and other public policy documents are crafted on the premise that our climate is warming because of human actions, the astrophysicists are publishing research pointing that our climate is slightly cooling because of solar activity[4]. The Sun has a cycle of 11 years and with a periodicity of a few hundred years, it enters into a phase called Grand Solar Minimum (GSM), where the total solar irradiance is reduced (Figure 2). Some research hypothesised that such period of lower solar irradiance might occur after 2030. According to these analysis, the Earth might expect an increase of volcanic and earthquake activities and a possible shortage of vegetation period due to a lower solar irradiance, that can lead to possible food shortage in 2028-2042[5].

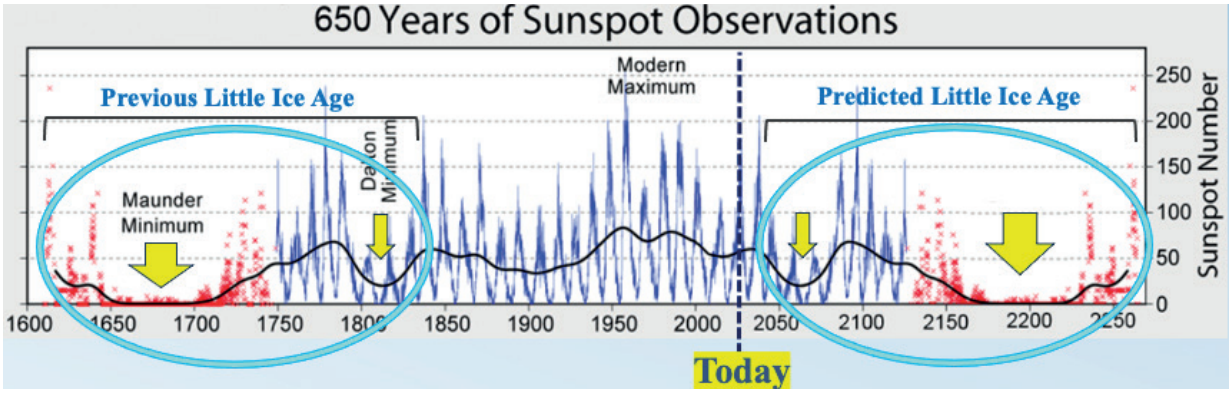

Figure 2. The solar activity graph with 650 years of sunspot observations.
Source: Vatican Observatory. New Dual Dynamo Solar Model Predicts Modern Minimum for Cycle 26 with reference to Bob Trembley's lecture about the Sun.

If international energy policies are increasing the system's dependence on solar irradiance, demanding more pressure of electricity consumption with increasing digitalisation trends, what will the consequences be if the Sun enters a Grand Minimum phase and does not follow the prediction adopted in the policy documents? How will the polycentric world handle the consequences of previous measures?

4 Mörner N.A. The Approaching New Grand Solar Minimum and Little Ice Age Climate Conditions // Natural Science. – 2015. – № 7(11). – P. 510-518.
5 Zharkova V. Modern Grand Solar Minimum will Lead to Terrestrial Cooling. // Temperature. – 2020. – № 7(3). – P. 217-222.

Weather Modification Technologies

The subject of Weather Modification Technologies (WMT) is not integrated and examined within the environmental policies and the danger of having these institutions developed seperately can generate consequences difficult to assess, especially since a weather technology can turn into a weather weapon upon a different usage. The United States was the first to use a climate weapon in the Vietnam war by creating artificial rain to disrupt the logistic chain of locals. When this information got public, they gathered other states at the UN and signed the convention that prohibits the military and hostile use of weather modification technologies. Now we have at least two major players that openly talk, at the highest decision-making level, about their intentions to become leaders in weather modification technologies – United Arab Emirates and China.

Recently, even more traction is gaining the support to research the initiative of deploying a large scale intervention of Stratospheric Aerosol Injections (SAI) with the declared purpose of cooling the planet – an assessment of the 2023 White House research plan and recommendations for future research governance titled *„A new era of policy in solar geoengineering"*[6]. The United States aims to hold the leadership in researching solar geoengineering, yet unilateral research of such technologies might increase the risk of climate catastrophe rather than reduce it[7]. Geoegineering and other over a hundred of patents from the domain of weather modification, are more than sufficient to recognize their potential impact over the environment and socio-economic organism. The sole existence of these normative recognitions of WMT must raise awareness upon their placement in the environmental policies and defence structures.

Conclusion

At conceptual level, the existence of a contradiction in the realm of predicting natural dynamics is sufficient to allow an equal normative attention for scientific research of alternative hypotheses. Nor weather modification risks, nor solar activity is openly examined in our environmental and climate strategies today, which represents a conceptual disbalance. This disbalance, however, can be mediated through an alternative understanding of how to align our measures with a more balanced image of environment's influence factors. Therefore, distancing from the current global dominating vision upon environment protection, does not equal to negating the importance of environment protection in itself. More than so, in the incipient phase of new poly or multi-centric world formation, it correspondingly offers a beautiful opportunity to grow a separate solid position – a position that would invite for international cooperation based on values of authentic alignment with objective reality.

List of references

1. Happer W., Lindzen R. Comment and Declaration on the SEC's Proposed Rule "The Enhancement and Standardization of Climate-Related Disclosures for Investors". – 2022. – File No. S7-10-22, 87 Fed. Reg. 21334. – URL: https://www.sec.gov/comments/s7-10-22/s71022-20132171-302668.pdf (accessed 27.11.2024).

2. Houghton J.T., Jenkins J.G., Ephraums J.J. The Intergovernmental Panel on Climate Chance Scientific Assessment. – Cambridge University Press, 1990. – 364 p.

3. Houghton J.T., Albritton D.L., Allen M.R., Baede A.P.M., Church J.A., Cubasch U., Zillman J. Summary for Policymakers. // Climate Change 2001: The Scientific Basis. Contributions of Working Group I to the Third Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. – Cambridge University Press, 2001. – 893 p.

4. Mörner N.A. The Approaching New Grand Solar Minimum and Little Ice Age Climate Conditions // Natural Science. – 2015. – № 7(11). – P. 510-518.

6 Talati S.A New Era of Policy in Solar Geoengineering: An Assessment of the 2023 White House Research Plan and Recommendations for Future Research Governance. – Philadelphia 2023. – P. 1-5.

7 Stephens J.C., Kashwan P., McLaren D., Surprise K. The Dangers of Mainstreaming Solar Geoengineering: a Critique of the National Academies Report // Environmental Politics. – 2023. – 32(1). – P. 157-166.

5. REPowerEU plan proposed by European Commission: Joint European action on renewable energy and energy efficiency. Revised Renewable Energy Directive (2009/28/EC). // International Energy Agency: site. – URL: https://www.iea.org/policies/15691-repowereu-plan-joint-european-action-on-renewable-energy-and-energy-efficiency (accessed 30.11.2024).

6. Stephens J.C., Kashwan P., McLaren D., Surprise K. The Dangers of Mainstreaming Solar Geoengineering: a Critique of the National Academies Report // Environmental Politics. – 2023. – 32(1). – P. 157-166.

7. Talati S.A New Era of Policy in Solar Geoengineering: An Assessment of the 2023 White House Research Plan and Recommendations for Future Research Governance. – Philadelphia 2023. – P. 1-5.

8. Zharkova V. Modern Grand Solar Minimum will Lead to Terrestrial Cooling. // Temperature. – 2020. – № 7(3). – P. 217-222.

Мировая экономика и национальные хозяйства

Ayşe Gülsüm Çalik
InteRussia programme participant
Post-graduate student
Research supervisor: Elena V. Kienko, PhD in Law, MGIMO Institute for International Studies Senior Researcher

International Cooperation Between Türkiye and Russia in the Arctic

Introduction

As the effects of climate change become increasingly evident on a global scale, the Arctic region is witnessing a surge in geopolitical and economic significance[1]. The importance of the Arctic is increasing on an annual basis, not only for the states situated within the region itself, but also for other states, as its underground resources and sea routes are perceived as the most significant alternatives to traditional routes[2]. Russia, the most significant actor in the Arctic, has had a relationship with the region since the 9th century. It has been engaged in comprehensive policies related to scientific studies, sea routes, and underground resources. Russia plays a pivotal role in the region, occupying the largest geographical area of the Arctic and influencing regional policies and scientific research based on its historical experience. Furthermore, it is one of the founding states of the Arctic Council and maintains policies that are open to and even encourage cooperation with international actors in scientific studies. In this context, the objective is to enhance the region's global significance. Conversely, the significance of the Arctic is growing at a notable pace for Turkiye, which strives to cultivate a robust foreign policy. At this juncture, the Arctic, which has emerged as a pivotal region, particularly in the realms of science diplomacy and economic affairs, has also prompted preliminary explorations between Turkey and Russia. In this context, Turkey has become one of the states with which Russia is engaged in cooperative activities in the Arctic.

Methods

The principal objective of the study is to address four key questions: firstly, why the Arctic is important for non-Arctic states; secondly, what significance the Arctic holds for Turkey; thirdly, what are the main priorities of Russian policy in the Arctic; and lastly, what are the challenges and benefits of Russian-Turkish cooperation in the Arctic. The study employs a discourse analysis method and pose the four aforementioned questions to experts working in the Arctic field from both countries. In this context, the primary hypothesis, which posits that the realisation of scientific and economic cooperation between Russia and Turkey in the Arctic is mutually beneficial for both parties, is tested.

Results and Discussion

In the study, the author interviewed experts. Accordingly, some conclusions were reached. As a result of the analysis, it was observed that the experts of both countries addressed the relations first in the context of science diplomacy and then in a way that could deepen with investment and economic dimensions.

Russian-Turkish cooperation has a benefit for scientific research. The pooling of resources, knowledge and expertise helps us understand the changing Arctic environment. Turkey is also interested in supporting Russian shipping endeavours, as evidenced by Russia's collaboration with Turkish company Karpowership. One of the main challenges is that Turkey is a member of NATO. Turkey also has no Arctic Policy and is not an observer to the Arctic Council, so

1 Antarctıca and the Arctıc Cırcle: a Geographıc Encyclopedıa of the Earth's Polar Regıons. 2 vols. / ed. by Andrew J. Hund // Santa Barbara: ABC-Clio, 2014.
2 Østreng W. et al. A comparison of the Northeast, Northwest and Trans Polar Passages / Willy Østreng, Karl Magnus Eger, Brit Fløistad, Arnfinn Jørgensen-Dahl, Lars Lothe, Morten Mejlænder-Larsen, Tor Wergeland // Shipping in Arctic Waters. – Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2013.

Turkey's Arctic interests have not been clarified. Therefore, there may be a challenge of trust between Russia and Turkey in the long-term.

The second conclusion drawn from the study is that Turkish experts, in particular, consider the Arctic policy to be long-term and that it has a historical basis.

The third conclusion is that Turkey's membership in NATO is seen as the most important challenge to bilateral cooperation in the Arctic. However, according to Turkish experts, this situation can also be an opportunity for Turkey to find a role in the Arctic. On the other hand, Turkey still does not have an official Arctic policy. Therefore, there is a lack of a strategic roadmap for the region. Moreover, being a member of NATO poses a major challenge for Russian-Turkish co-operation. At the moment, Turkey is pursuing a balanced policy.

To sum up, it is seen that Arctic cooperation between Turkey and Russia will be important for both countries, especially within the scope of science diplomacy. It is seen that the two countries will add another dimension to their relations, including economy, energy, and politics, within the scope of science diplomacy. It is already known that the experts of the two countries are jointly working on issues such as the Arctic, climate change and the geopolitics of the region. It is expected that Arctic cooperation will be further strengthened by increasing the number and scope of these studies, as well as the regularisation of joint expeditions.

List of References

1. Antarctıca and the Arctıc Cırcle: a Geographıc Encyclopedıa of the Earth's Polar Regıons. 2 vols. / ed. by Andrew J. Hund // Santa Barbara: ABC-Clio, 2014.

2. Østreng W. et al. A comparison of the Northeast, Northwest and Trans Polar Passages / Willy Østreng, Karl Magnus Eger, Brit Fløistad, Arnfinn Jørgensen-Dahl, Lars Lothe, Morten Mejlænder-Larsen, Tor Wergeland // Shipping in Arctic Waters. – Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2013. – P. 299-353.

Абаев Алексей Романович
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
2 курс, бакалавриат
Факультет международных отношений, программа «Зарубежное регионоведение»
leha.abaev.05@mail.ru
Научный руководитель Елагин Д.П., к.э.н., старший преподаватель Кафедры мировой экономики МГИМО МИД России

Талибы[1] и опыт государственного строительства в Афганистане

В статье[2] 2019 г. Окимбеков У.В. пишет, что Движение талибов, в отличие от республиканской власти, на подконтрольных территориях выстроили отлаженную налоговую систему. В это же время налоги Кабулу (столице ИРА) выплачивались непостоянно и часто по остаточному принципу. Можно предположить, что для Кабула вопрос получения прибыли от налогов не стоял остро: американское правительство в той или иной форме передало Республике более 2 трлн долларов, которые во многом покрывали расходы государственного сектора: от обороны до жилищного строительства.

Движение талибов, в свою очередь, тоже получало финансирование из-за рубежа. Однако бюджет организации пополнялся и более «традиционным» путем: налогами. Налогообложение распространилось на весь транспорт, сельское хозяйство – в том числе производство мака – и электроэнергию с горнодобывающей промышленностью. Более того: сбор таможенных пошлин и поддержанием государственной границы тоже вполне успешно производились Движением. Были известны случаи, когда они даже не нуждались постоянном военном присутствии для сбора налогов: назначаемые Кабулом(!) чиновники сами платили талибам.

В итоге у Движения талибов получилось построить отдельное государство – иначе вопрос их прихода к власти не решился бы так стремительно после ухода США из Афганистана. В то же время для ИРА «государственное строительство», по-видимому, не являлось необходимостью из-за большой внешней поддержки. Поэтому когда США сначала подписали перемирие с «Талибаном», а после начали вывод войск из Афганистана, Республика начала «трещать по швам».

В рамках нашего исследования ценной представляется мысль о том, что система налогообложения у правительства талибов сложилась ещё до полноценного прихода к власти в 2021 г. Тем не менее, с момента выхода статьи У.В. Окимбекова прошло четыре года, и многочисленные политические изменения в Афганистане дают широкие возможности для анализа состояния государства в целом и налоговой политики талибов как индикатора этого состояния.

Итак, объектом нашего исследования является экономическое развитие Исламского Эмирата Афганистан. Предмет – изменение структуры бюджетных доходов Афганистана за годы нахождения у власти Движения талибов. Методами исследования послужили анализ, визуализация, статистический метод.

В опубликованном в июле 2024 г. отчете[3] Всемирного банка по экономике Афганистана существует раздел, посвященный структуре доходов государственного бюджета.

Наше внимание привлекла определенная диспропорция между внешними и внутренними доходами Исламского Эмирата Афганистан. Пока внешние (от таможенных пошлин) доходы примерно составляют 53% от общих поступлений, внутренние – всего 47%. Данный факт отражает как текущее состояние государства, так и перспективы для его раз-

---

1 Запрещенная в России организация.
2 Окимбеков У. В. Афганистан. Социально-экономическая жизнь под параллельной властью талибов. // Восточная аналитика. – 2019. – №4. – С. 91-103.
3 Afghanistan Economic Monitor, July 2024. World Bank: site. – URL: https://thedocs.worldbank.org/en/doc/0d1d30979ec71aaefff18558ad7c56c9-0310012024/afghanistan-economic-monitor-31-july-2024 (дата обращения 04.10.2024).

вития. Нужно сделать важное дополнение: 64% таможенных доходов сейчас приходится на границы с Пакистаном и Ираном.

Для сопоставления с Афганистаном мы выбрали США. Статья журнала Metrocosm[4] посвящена эволюции структуры налоговых поступлений в бюджет в США. Анализ таблицы приводит нас к выводу о взаимосвязи усложнения государственного аппарата с изменением структуры поступлений в государственный бюджет.

В ходе исследования мы пришли к следующим результатам:

Дата / **Источник национального дохода Афганистана**	**25.01.2023**	**26.03.2023**	**31.07.2023**	**31.10.2023**	**29.02.2024**	**31.05.2024**	**31.07.2024**
Таможня	58	55	59	57,8	52,6	53,7	52,2
Министерства	22,68	22,95	16,4	16,88	18,96	20,835	-
TSD налоговая	10,92	11,7	10,66	10,972	12,324	12,038	-
Mustafiats	6,3	7,65	9,43	10,972	12,798	11,575	-
STO	1,26	1,35	1,64	1,688	2,37	1,389	-
Audit Debt	1,68	1,8	1,64	1,688	2,37	1,389	-

Таблица 1. Эволюция структуры гос. доходов ИЭА
Источник: составлено автором по данным Всемирного банка[5]

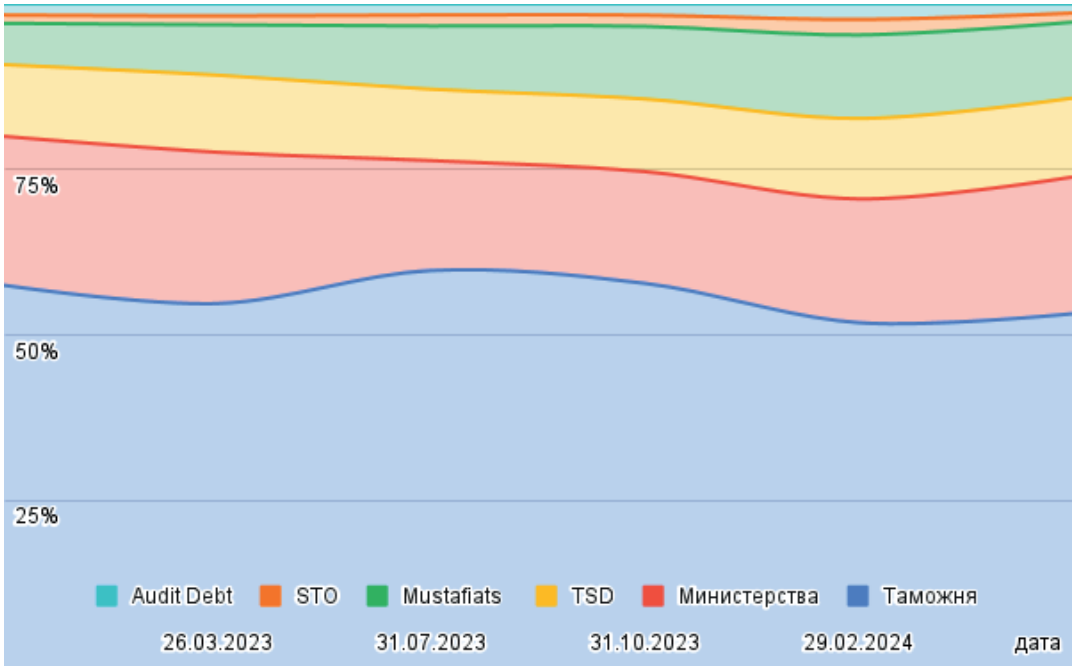

Диаграмма 1. Распределение государственных доходов ИЭА
Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка

4 The History of U.S. Government Spending, Revenue, and Debt (1790-2015) // Metrocosm: site. – 2016. – URL: https://web.archive.org/web/20231206133413/https://metrocosm.com/history-of-us-taxes/ (дата обращения 04.10.2024).

5 Afghanistan Economic Monitor (2023-2024) // World Bank: site. – URL: https://www.worldbank.org/en/country/afghanistan/publication/afghanistan-economic-monitors (дата обращения: 01.10.2024).

1. Была проанализирована эволюция налоговой политики ИЭА. В научный оборот введены отчёты Всемирного Банка Afghanistan Economic Report (январь 2023 – сентябрь 2024). Составлена таблица, отражающая развитие структуры государственных доходов ИЭА за указанных период времени на основе данных Всемирного банка.

2. Анализ налоговых поступлений в государственный бюджет может предоставить наглядные данные об уровне развития государства: на примере США и Афганистана видно, что страны с разным уровнем развития бюрократического аппарата имеют совершенно разную структуру налоговых поступлений.

3. Таможенные пошлины (53-60%) – самая большая статья доходов Афганистана. Данный факт отражает как текущее состояние государства, так и перспективы для его развития.

Во-первых, таможенные пошлины – сравнительно простой в организации налог, не требующий высокого уровня развития бюрократического аппарата: достаточно организовать пропускной контроль на границе. Иные налоги требуют сведений об уровне доходов и численности населения, что значительно сложнее.

Во-вторых, данное положение Афганистана противоречиво: с одной стороны, очевидны перспективы развития экономики, которые предполагают увеличение трансафганской торговли.

4. На коротком промежутке времени именно развитие трансафганской торговли выглядит наиболее практически реализуемым драйвером экономики.

5. Несмотря на сильную отсталость от Запада в плане развития бюрократического аппарата, правительство талибов точно превосходило своих предшественников – Исламскую Республику Афганистан – в организации сбора налогов. У.В. Окимбеков[6] указывает, что во время «двоевластия» в Афганистане у талибов получилось организовать стабильную систему сбора налогов – в отличие от правительства президента Гани.

6. За чуть более чем год наблюдений структура государственных доходов ИЭА остается практически неизменной; в стране все еще есть довольно значительная дефляция, уровень которой зависит от сезона года; процентное соотношение государственных доходов «изнутри» страны (inland) и от таможенных пошлин всё еще в пользу последних; тем не менее, мы можем наблюдать как постепенное уменьшение процентного показателя доходов казны от тарифов, так и неожиданный и требующий отдельного исследования рост доходов от местных органов власти (мустафиатов)

7. Афганистан при талибах за два с половиной года ожидаемо не сделал большого экономического шага вперед. Национальное хозяйство так же остается зависимым от внешних факторов, и пока что невозможно говорить о сколько-нибудь значительных подвижках к решению данной ситуации. Тем не менее, для Афганистана и правительства талибов существует перспектива развития как экономики, так и всего государства в целом – крупные инфраструктурные проекты. Вопрос лишь в том, окажется ли правительство в силах реализовать их в полной мере, или страна так и окажется в вечной заложнице своего неустойчивого политического положения.

Таким образом, Афганистан при талибах за два с половиной года ожидаемо не сделал большого экономического шага вперед. Национальное хозяйство так же остается зависимым от внешних факторов, и пока что невозможно говорить о сколько-нибудь значительных подвижках к решению данной ситуации. Тем не менее, для Афганистана и правительства талибов существует перспектива развития как экономики, так и всего государства в целом – крупные инфраструктурные проекты. Вопрос лишь в том, окажется ли правительство в силах реализовать их в полной мере, или страна так и окажется в вечной заложнице своего неустойчивого политического положения.

---

6 Окимбеков У. В. Афганистан. Социально-экономическая жизнь под параллельной властью талибов. // Восточная аналитика. – 2019. – №4. – С. 91-103.

Список литературы

1. Окимбеков У. В. Афганистан. Социально-экономическая жизнь под параллельной властью талибов. // Восточная аналитика. – 2019. – №4. – С. 91-103.

2. The History of U.S. Government Spending, Revenue, and Debt (1790-2015) // Metrocosm: site. – 2016. – URL: https://web.archive.org/web/20231206133413/https://metrocosm.com/history-of-us-taxes/ (Дата обращения 04.10.2024).

Коблова Екатерина Андреевна, Сергеева Мария Александровна
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
4 курс
Факультет международных экономических отношений, программа «Экономика»
katya.koblova03@mail.ru
furwire@gmail.com
Научный руководитель: Тепловодский М.Н, старший преподаватель кафедры экономической теории МГИМО МИД РФ

Государственное регулирование экономики Японии за 2012-2024 гг.

Введение

На протяжении последних десятилетий экономика Японии сталкивалась с серьезными проблемами, связанными с длительной дефляцией, медленным экономическим ростом и старением населения. В рамках этих вызовов правительство страны активно разрабатывало и внедряло меры по стимулированию внутреннего спроса, улучшению инвестиционного климата и увеличению конкурентоспособности на мировых рынках. Одним из главных приоритетов японской экономической политики в последние годы стало преодоление дефляционной спирали.

Целью данного исследования является анализ и оценка государственного регулирования экономической политики Японии, выявление ключевых инструментов и механизмов, применяемых правительством для обеспечения стабильного экономического роста, а также изучение их воздействия на основные макроэкономические показатели.

Задачи исследования

1. Изучить развитие государственного регулирования экономики Японии с 2012 по 2024 гг.
2. Определить ключевые экономические и политические факторы, влияющие на формирование государственной экономической политики в Японии.
3. Оценить влияние государственной политики на экономический рост, уровень безработицы, инфляцию и другие макроэкономические показатели.
4. Провести сравнительный анализ государственного регулирования экономики при разных министрах.

Методы исследования

1. Историко-аналитический метод.
2. Экономико-статистический анализ.
3. Метод сравнительного анализа.
4. Контент-анализ.

Анализ денежно-кредитной политики Японии за 2012–2024 гг

1. Абэ Синдзо (26 сентября 2012 – 14 сентября 2020):

В период нахождения Абэ Синдзо на посту премьер-министра была введена масштабная экономическая стратегия, известная как «Абэномика»[1], состоящая из трех основных направлений, одним из которых стало монетарное стимулирование. Япония начала беспрецедентное количественное смягчение, направленное на увеличение денежной массы и преодоление дефляции. Процентные ставки были установлены на уровне 0% с 2013 по 2016 годы, после чего снизились до -0,1% и оставались отрицательными до 2020 г.

1 Yoshino N., T. Farhad. Three Arrows of “Abenomics” and the Structural Reform of Japan: Inflation Targeting Policy of the Central Bank, Fiscal Consolidation, and Growth Strategy // Asian Development Bank Institute – 2014. – No. 492. – URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156347/adbi-wp492.pdf (дата обращения 01.12.2024). – С. 8.

Дополнительно был введен контроль кривой доходности гособлигаций, а для поддержки японского экспорта проводились валютные интервенции, способствующие ослаблению иены. В 2013 году был установлен инфляционный таргет на уровне 2%. Политика Абэ привела к увеличению государственного долга, но одновременно способствовала укреплению японской экономики и оживлению внутренних рынков.

2. Кисида Фумио (4 октября 2021 – 1 октября 2024):

После паузы в политике на ультранизкие ставки при премьер-министре Кисиде сохранился курс на осторожное регулирование. Этот подход сочетался с концепцией «Нового капитализма», в которой акцент ставился на перераспределение богатства, усиление социальной справедливости, поддержку малого и среднего бизнеса, а также инвестиции в инновации и инфраструктуру.

В связи со сменой главы Банка Японии начался постепенный рост процентной ставки: сначала на уровне -0,1% в 2021–2023 годах, затем до 0,1% в марте 2024 года и до 0,25% в июле 2024 года. Эти меры были направлены на поддержание устойчивости японской экономики в условиях роста базовой инфляции, которая превысила 2% с 2023 года. Повышение ставки привело к ослаблению иены, что увеличило стоимость импорта и создало давление на домохозяйства, но концепция «Нового капитализма» способствовала росту заработных плат и перераспределению доходов, что стало драйвером внутреннего потребления и экономического роста.

3. Исиба Сигэру (с 1 января 2024):

С приходом Исибы Сигэру на пост премьер-министра денежно-кредитная политика Японии вступила в новый этап, ориентированный на умеренное повышение процентных ставок и поддержание гибкости финансовых рынков. Основной целью Исибы стала стабилизация инфляции на уровне 2%, что является приоритетом для обеспечения устойчивого экономического роста.

Процентная ставка, находящаяся на уровне 0,25%, служит инструментом для контроля инфляционных процессов и создания условий для сбалансированного развития экономики Японии. Текущая политика Исибы направлена на укрепление доверия к финансовым рынкам и сохранение долгосрочной стабильности экономических показателей.

Налогово-бюджетная политика Японии: анализ подходов премьер-министров 2012–2024 гг

1. Абэ Синдзо:

Период «Абэномики» ознаменовался значительными инвестициями в инфраструктуру и поддержкой регионов, пострадавших от природных катастроф. Абэ провозгласил курс на финансовую консолидацию, направленную на «оздоровление» экономики за счет сокращения бюджетного дефицита и увеличения налоговых поступлений, что включало повышение налога на потребление[2].

Несмотря на меры стимулирования, включающие увеличение госрасходов и поддержку экспорта, налоговые реформы оказывали сдерживающее влияние на внутренний спрос. Постоянный рост государственного долга создавал риски для финансовой стабильности, а зависимость от государственных облигаций и мягкой денежно-кредитной политики делала экономику уязвимой перед внешними шоками.

2. Кисида Фумио:

Придерживался политики финансовой дисциплины, акцентируя внимание на долгосрочной устойчивости и перераспределении богатства. В 2024 году увеличил резервный фонд до 1 трлн иен, при этом финансирование мер осуществлялось через дополни-

2 Fournier J., Hisanaga T. The Fiscal Stance in Japan: A Model-based Analysis // International Monetary Fund. – 19.08.2022. – URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2022/08/19/The-Fiscal-Stance-in-Japan-A-Model-based-Analysis-522483 (дата обращения 01.12.2024). – С. 16.

тельный выпуск государственных облигаций. Государственный долг к 2024 году достиг 1 297 трлн иен, что составило 227% ВВП[3].

Финансирование более 30% бюджета за счет облигаций и высокая доля Банка Японии в управлении долгом подчеркивали зависимость Японии от госдолга. Однако инвестиции в инфраструктуру, технологии и поддержку бизнеса стимулировали занятость и внутренний спрос, что способствовало экономическому росту. Повышение заработных плат также стимулировало внутренний спрос, но ослабление иены и рост стоимости импорта увеличивали инфляционное давление на домохозяйства.

3. Исиба Сигэру:

Исиба Сигэру с 2024 года сосредоточился на создании стабильной экономической платформы для будущего роста, проводя сбалансированную политику, ориентированную на повышение доходов населения и развитие регионов. В его программе важное место занимает поддержка инвестиций и инноваций, а также создание экономики с высокой добавленной стоимостью.

Учитывая высокий уровень госдолга, превышающий 260% от ВВП, Исиба видит управление долгом как приоритетный вопрос. Он намерен предпринимать шаги для улучшения фискального положения страны, хотя и продолжает политику выпуска облигаций для финансирования программ роста и поддержки регионов. Важнейшей задачей для него является повышение уровня жизни населения через улучшение производительности, увеличение инвестиций и создание рабочих мест, что, по его мнению, должно стабилизировать экономику в долгосрочной перспективе.

График 1. Индекс потребительских цен (годовой) Японии за 2012-2024 гг.
Источник: составлено авторами по данным The World Bank и Statistics Bureau of Japan.

График 1 показывает, что политика «Абэномики» при Абэ Синдзо в 2013–2014 годах способствовала кратковременному росту инфляции до 2,8%, но позже инфляция снизилась и оставалась низкой до 2021 года. При Кисиде Фумио с 2022 года инфляция начала резко расти, достигнув 3,2% в 2024 году, что связано с ростом цен на импорт и стимулированием внутреннего спроса.

3 Makoto S., Tomonori K. An essay on Japan's monetary policy: Experience and lessons // Bank of Japan. – 06.11.2020. – URL: https://www.bis.org/review/r201125c.pdf. (дата обращения 01.12.2024). – С. 10.

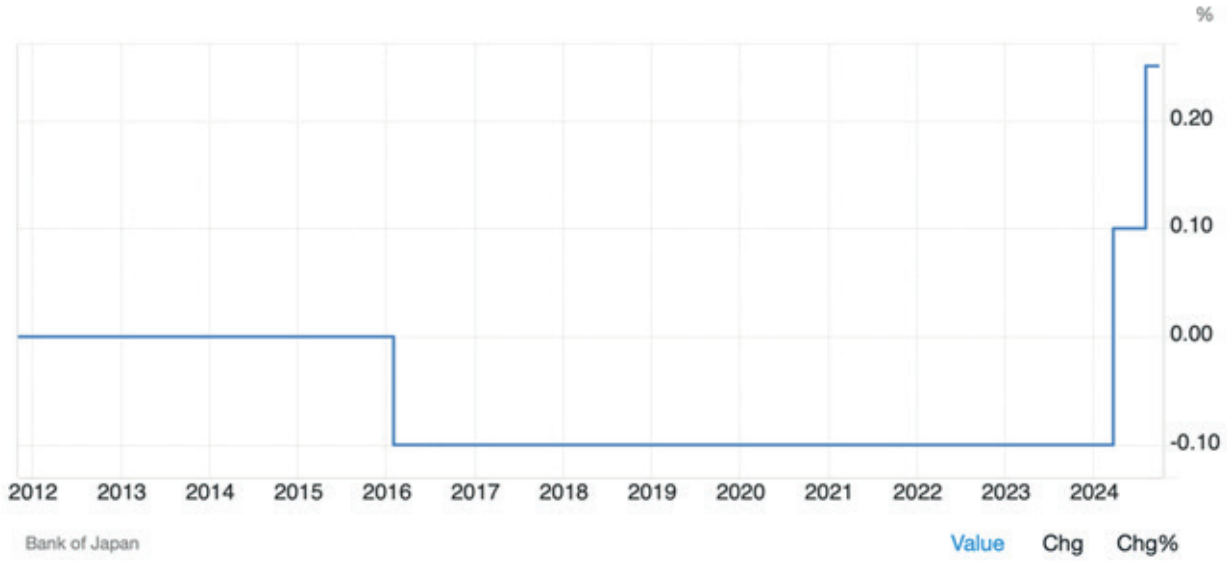

График 2. Динамика процентной ставки Банка Японии за 2012-2024 гг.
Источник: составлено авторами по данным Bank of Japan. BOJ's main statistical data. URL: https://www.stat-search.boj.or.jp/index_en.html#

График 2 показывает, что при Абэ ставка оставалась на нулевом уровне, а с 2016 года была снижена до -0,1% для активного стимулирования экономики. При Кисиде в 2024 году началось постепенное повышение ставки, достигшее 0,25%, что связано с необходимостью контролировать рост инфляции и поддерживать финансовую стабильность в стране.

График 3. Дефицит бюджета Японии % от ВВП (2013–2022 гг.)
Источник: составлено авторами по данным Ministry of Finance Japan.

График 3 показывает снижение дефицита бюджета Японии с 2013 по 2019 год, после чего в 2020 году он резко вырос до 9% из-за пандемии. С 2021 года дефицит снова сокращается, что отражает восстановление экономики.

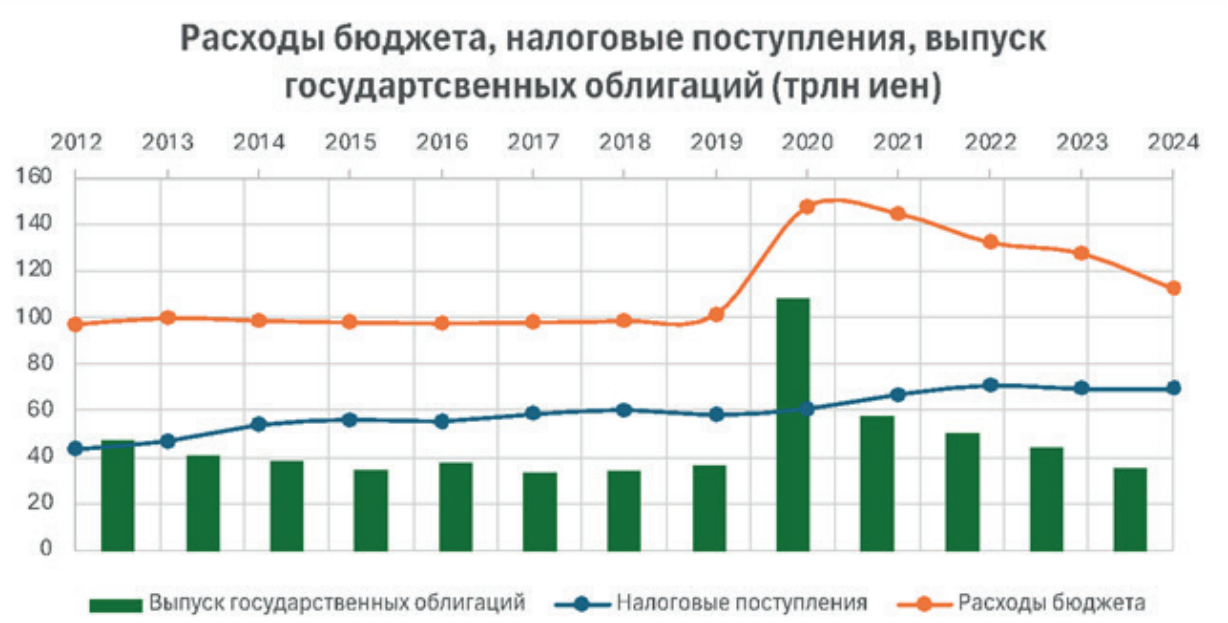

График 4. Расходы бюджета, налоговые поступления, выпуск государтсвенных облигаций (трлн иен)

Источник: составлено авторами по данным Ministry of Finance of Japan.

График 4 отражает, что при Абэ Синдзо расходы бюджета были стабильными, а налоговые поступления росли. В 2020 году, при Кисиде Фумио, расходы резко возросли из-за пандемии, что привело к увеличению выпуска государственных облигаций. К 2024 году Кисида сократил выпуск облигаций, но расходы остаются выше уровня до пандемии.

Заключение

В результате исследования был проведен анализ государственного регулирования экономики Японии с 2012 по 2024 годы. Правительству удалось успешно выйти из дефляционной спирали, стабилизировать экономику и создать условия для дальнейшего роста. Важную роль в этом сыграли денежно-кредитные и налогово-бюджетные меры, реализованные при премьер-министрах Абэ, Кисиде и Исибе.

Абэ сосредоточился на стимулировании экономики через количественное смягчение и экспортную поддержку, Кисида акцентировал внимание на перераспределении доходов и поддержке малого бизнеса, а Исиба продолжил курс на повышение стабильности и развитие регионов. Примененные меры привели к росту налоговых поступлений[4] и снижению дефицита бюджета, несмотря на сложности, связанные с пандемией и глобальными вызовами.

В то же время, управление высоким государственным долгом остаётся ключевой задачей для дальнейшего экономического развития страны.

4 Taxation in Japan // KPMG. Japan. – 2023. – URL: https://home.kpmg/jp/en/home/insights/2023/11/taxation-in-japan-202311.html (дата обращения 01.12.2024). – С. 5.

Список литературы

1. Makoto S., Tomonori K. An essay on Japan's monetary policy: Experience and lessons // Bank of Japan. – 06.11.2020. – URL: https://www.bis.org/review/r201125c.pdf. (дата обращения 01.12.2024).

2. Kawai M. Asian monetary integration: A Japanese perspective // ADBI Working paper Series. – 2014. – URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156330/adbi-wp475.pdf (дата обращения 01.12.2024).

3. Yoshino N., T. Farhad. Three Arrows of "Abenomics" and the Structural Reform of Japan: Inflation Targeting Policy of the Central Bank, Fiscal Consolidation, and Growth Strategy // Asian Development Bank Institute – 2014. – No. 492. – URL: https://www.adb.org/sites/default/files/publication/156347/adbi-wp492.pdf (дата обращения 01.12.2024).

4. Yoshino N., T. Farhad. Japan's Lost Decade: Lessons for Asian Economies // Asian Development Bank. – 2021. – URL: https://www.adb.org/publications/japan-lost-decade-lessons-asian-economies (дата обращения 01.12.2024).

5. Fournier J., Hisanaga T. The Fiscal Stance in Japan: A Model-based Analysis // International Monetary Fund. – 19.08.2022. – URL: https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2022/08/19/The-Fiscal-Stance-in-Japan-A-Model-based-Analysis-522483 (дата обращения 01.12.2024).

6. Taxation in Japan // KPMG. Japan. – 2023. – URL: https://home.kpmg/jp/en/home/insights/2023/11/taxation-in-japan-202311.html (дата обращения 01.12.2024).

Международные экономические отношения

Коротков Иван Александрович
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
1 курс магистратуры
Факультет международных экономических отношений, программа «Экономика»
iwankorotkow2002@mail.ru

Технологическое противостояние КНР и США в 2016-2024 гг. и его влияние на мировую экономику

По словам российского Президента В.В. Путина гонка в развитии искусственного интеллекта сравнима с противостоянием, имевшим место при разработке ядерного оружия в 1940-х гг.[1] Однако, это лишь часть такого широкого феномена, как «технологическое противостояние», которое приобрело значительную актуальность в настоящее время.

Прежде чем рассмотреть отдельно технологическую конфронтацию США и КНР в исследуемом периоде, следует отметить следующие факторы, иллюстрирующие взаимосвязь между уровнем развития высоких технологий и геополитическим положением конкретного государства. Во-первых, уровень развития цифровых технологий существенно влияет на автоматизацию массового производства, что существенно увеличивает эффективность работы предприятий. Во-вторых, уровень интеграции в цикл производства технологий на основе искусственного интеллекта (далее ИИ) напрямую влияет на сокращение неквалифицированного труда в мировой экономике[2], при этом данная тенденция с большой долей вероятности будет только более актуальна. В-третьих, развитие высоких технологий дает новые возможности оказывать влияние государствам, обладающим упомянутыми выше преимуществами, на другие страны, макрорегионы и мировое хозяйство, в целом[3].

После прихода к власти в США Д. Трампа, курс в отношении технологического сдерживания Китайской народной республики, получил серьезное усиление[4]. К 2018 году торговая, а далее в добавлении к ней еще технологическая война между КНР и США обострились настолько, что стал очевиден следующий тезис: технологическая гонка в современных геополитических реалиях является еще и новой «гонкой вооружений», цель которой занять наиболее выгодное экономическое, технологическое и политическое место в быстро изменяющемся мире.

Одна из самых важных сфер, в которой разворачивается противостояние КНР и США в последние годы – разработка и производство полупроводников[5]. Данный сегмент экономики является стратегически значимым в наше время: на нем завязана цифровая независимость государства, а также возможность производить собственные компоненты в области микроэлектроники, которые стали неотъемлемой частью «экономического суверенитета». Они также выступают в качестве одних из ключевых компонентов при создании «технологий будущего», таких как 5G-соединение, искусственный интеллект, работающий на основании нейросетевых алгоритмов[6]. В качестве промежуточного результата этой технологической конфронтации, Соединенные Штаты приняли упреждающие меры,

---

1 7 Views On How Technology Will Shape Geopolitics // The Forbes. – 07.04.2021 – URL: https://www.forbes.com/sites/worldeconomicforum/2021/04/07/7-views-on-how-technology-will-shape-geopolitics/ (дата обращения: 20.10.2024).
2 Junfu Zhao.The Political Economy of the U.S.-China Technology War // Monthly review. – 01.07.2021 – URL: https://monthlyreview.org/2021/07/01/the-political-economy-of-the-u-s-china-technology-war/ (дата обращения: 20.10.2024).
3 Taiwan's dominance of the chip industry makes it more important // The Economist. – 06.03.2023. – URL: https://www.economist.com/special-report/2023/03/06/taiwans-dominance-of-the-chip-industry-makes-it-more-important (дата обращения: 20.10.2024).
4 Your job is (probably) safe from artificial intelligence // The Economist. – 07.05.2023. – URL: https://www.economist.com/finance-and-economics/2023/05/07/your-job-is-probably-safe-from-artificial-intelligence (дата обращения: 20.10.2024).
5 Там же.
6 Там же.

нацеленные на замедление продолжающегося развития китайской IT-индустрии[7]. Тем не менее, повлиять на технологический скачок КНР оказалось не просто. Одна из причин этого феномена – международное разделение труда (интернационализация) при производстве высоких технологий, причем это характерно не только для рассматриваемых выше полупроводников, но также и для производства автомобилей, компонентов компьютерной микроэлектроники, а также фармацевтической и военной продукции[8]. Вышеупомянутые аспекты технологического противостояния КНР и США, являются одними из ключных тенденций развития мирового хозяйства, но при этом, они – лишь небольшая часть настоящего передела экономического и геополитического влияния в мире.

При анализе исследуемых факторов, следует обратить внимание, что технологическая конфронтация таких крупных держав как КНР и США неизбежно оказывает влияние на ряд составляющих мировой экономики[9]. Один из таких аспектов – цепочки поставок, подвергающиеся искусственному изменению посредством американских санкций. Эти внешнеэкономические ограничения вынуждают Китай приобретать необходимую для высокотехнологического производства продукцию через другие страны. Кроме того, не менее важным последствием данного американо-китайского противостояния может стать формирующаяся технологическая биполярность современного мира. Она обусловлена тем, что именно эти две экономические державы в данный момент контролируют основные High-Tech – индустрии. Это разделение неизбежно станет серьезным вызовом для всего человечества, так как фактически складывается технологическая изоляция государств, не имеющих необходимые связи с КНР или США. Тем не менее, следует отметить, что еще одним важным актором в этой технологической борьбе является Китайская Республика (Тайвань), так как на долю этого не признанного Россией и большей частью мирового сообщества государства приходится около 90% производства всех микрочипов[10]. Эти цифры крайне значимы в нашем контексте, так как от дальнейшей судьбы Республики Китай будет зависеть и течение всего технологического развития мировой экономики.

Подводя промежуточные итоги, уже можно обосновать актуальность исследования данной тематики ее чрезвычайно высоким влиянием на большинство аспектов мировой экономики. Сама технологическая борьба КНР и США как явление еще находится только в начале своего исторического развития и как следствие ее окончательные итоги будут видны только через десятилетия. Однако, уже сейчас, исходя из геополитической ситуации на момент октября 2024 года, невозможно недооценить как факт наличия биполяризации технологического развития мировой экономики, так и общий тренд на полную реструктуризацию системы мирохозяйственных связей будущего.

Список литературы

1. Ван Цунюэ. Технологическое противоборство КНР и США: фронт и ядро китайско-американской стратегической игры // Мировая политика. – 2023. – №1. – С. 1-12.
2. Леденева М.В. Международное разделение труда в постиндустриальную эпоху: основные тенденции // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика, сер.3. – 2011. – №2. – С. 217-225.
3. Junfu Zhao.The Political Economy of the U.S.-China Technology War // Monthly review. – 01.07.2021 – URL: https://monthlyreview.org/2021/07/01/the-political-economy-of-the-u-s-china-technology-war/ (дата обращения: 20.10.2024).

---

7 Ван Цунюэ. Технологическое противоборство КНР и США: фронт и ядро китайско-американской стратегической игры // Мировая политика. – 2023. – №1. – С. 3-8.
8 Леденева М.В. Международное разделение труда в постиндустриальную эпоху: основные тенденции // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика, сер.3. – 2011. – №2. – С. 218-221.
9 Ван Цунюэ. Технологическое противоборство КНР и США: фронт и ядро китайско-американской стратегической игры // Мировая политика. – 2023. – №1. – С. 3-8.
10 Taiwan's dominance of the chip industry makes it more important // The Economist. – 06.03.2023. – URL: https://www.economist.com/special-report/2023/03/06/taiwans-dominance-of-the-chip-industry-makes-it-more-important (дата обращения: 20.10.2024).

Наумова Екатерина Сергеевна
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»
4 курс, бакалавриат
Факультет экономики и финансов
katkanaumova@yandex.ru
Научный руководитель: Рекорд С.И., д.э.н., профессор, заведующий Кафедрой мировой экономики и международных экономических отношений ФГБОУ ВО «СПбГЭУ»

Оценка перспектив создания единой валюты BRIXCOIN в рамках объединения БРИКС+

Введение

Одним из ключевых событий 2023 г. стало расширение БРИКС до 10 стран БРИКС+, в настоящее же время увеличилась актуальность поиска и создания нового коллективного инструмента для проведения расчетов между странами-участницами объединения. В условиях гегемонии доллара США в мировом пространстве и применения санкций в отношении России остро стоит проблема обеспечения национальной финансовой безопасности всех государств. Возможным вариантом валютной интеграции в рамках объединения БРИКС представляется создание коллективной валюты, с помощью которой будут проводиться валютно-финансовые операции между странами.

Целью работы является моделирование коллективной валюты корзинного типа БРИКС и БРИКС+.

Задачи работы:

1. Смоделировать возможную совместную валюту корзинного типа объединения БРИКС и его расширения БРИКС+;
2. Определить наиболее вероятные варианты финансовых инструментов в развитии валютной интеграции БРИКС+.

Объектом исследования является международное объединение БРИКС и его расширения БРИКС+.

Предметом исследования является валютно-финансовая интеграция между участниками международного объединения.

Ключевые методы исследования: методы анализа статистических данных, метод структурного анализа, метод сравнения, метод ретроспективного анализа, метод обобщения.

Моделирование валюты BRIXCOIN

В современное время БРИКС является одним из ключевых игроков на международной арене, обеспечивая 35% мирового ВВП по ППС[1]. Вопросы, связанные с развитием системы расчетов для снижения валютных рисков, в рамках объединения с учетом его расширения чрезвычайно актуальны, о чем свидетельствуют работы Е.Я. Араповой[2],

1 BRICS vs G7 GDP as a share of world total 2024 // Statista: сайт. – URL: https://www.statista.com/statistics/1412425/gdp-ppp-share-world-gdp-g7-brics/ (дата обращения: 15.10.2024).
2 Арапова Е.Я. Перспективы экономической интеграции в формате БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 2. – С. 32-47.

А.С. Соболевой[3], Ч. Яна[4], а также проекты, выполненные в рамках Национального комитета по исследованию БРИКС[5].

В данной работе ключевое внимание уделено одному из возможных решений вопроса развития собственного платежно-расчетного механизма в системе БРИКС+: моделированию возможной валюты корзинного типа, в которой доля каждой страны-участницы будет определяться на основе доли ее ВВП в совокупном ВВП объединения – по аналогии с Европейской валютной единицей (ЭКЮ). Условно можно назвать эту валюту BRIXCOIN (на основе сочетания аббревиатуры BRICS и слова «coin»), где буква «X» символизирует открытую систему, с учетом перспектив присоединения новых участников к объединению. Эмиссионным органом BRIXCOIN может выступить Новый банк развития (НБР), обеспечивающий равенство в управлении коллективной валютой.

Переходим к процессу моделирования. Первоначально были собраны статистические данные по объемам ВВП в 2021-2023 гг. и рассчитан процент каждой страны в совокупном ВВП (табл. 1).

Страна	**Объем ВВП в 2021 г., млн. долл.**	**Процент от совокупного ВВП в 2021 г., %**	**Объем ВВП в 2022 г., млн. долл.**	**Процент от совокупного ВВП в 2022 г., %**	**Объем ВВП в 2023 г., млн. долл.**	**Процент от совокупного ВВП в 2023 г., %**
Китай	17 744 640	62,09%	18 321 197	59,24%	17 700 899	61,20%
Индия	3 176 296	11,11%	3 468 566	11,21%	3 732 224	12,90%
Российская Федерация	1 778 530	6,22%	2 133 092	6,90%	1 862 470	6,44%
Бразилия	1 608 080	5,63%	1 894 708	6,13%	2 126 809	7,35%
Иран	1 589 869	5,56%	1 973 738	6,38%	366 438	1,27%
Саудовская Аравия	833 541	2,92%	1 010 588	3,27%	1 069 437	3,70%
ОАЭ	419 762	1,47%	503 913	1,63%	509 179	1,76%
Египет	423 145	1,48%	469 094	1,52%	398 397	1,38%
ЮАР	418 907	1,47%	411 480	1,33%	380 906	1,32%
Эфиопия	99 269	0,35%	111 181	0,36%	155 804	0,54%
Сумма	28 578 741	100%	30 928 255	100%	28 924 396	100%

Таблица 1. Статистические данные для моделирования BRIXCOIN
Источник: составлено автором по данным CountryCassette.com[6], Statista.com[7].

3 Соболева А.С. Экономика стран БРИКС: роль и перспективы в современном мире // Под редакцией А.В. Гумерова, М.Ф. Сафаргалиева. Экономика будущего: тренды, вызовы и возможности. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – 2023. – №1. – С. 456-461.

4 Ян Ч. Влияние расширения членства в БРИКС на мировую экономику // Экономика, финансы и управление: актуальные вопросы теории и практики. – 2023. – №4. – С. 70-72.

5 Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII саммиту БРИКС / Под ред. В.А. Садовничего, Ю.В. Яковца, А.А. Акаева – М.: МИСК — ИНЭС — НКИ БРИКС, 2014. – 388 с.

6 Country Cassette – Real Time World Statistics. – URL: https://countrycassette.com/ (дата обращения: 20.09.2024).

7 Statista – The Statistics Portal for Market Data, Market Research and Market Studies. – URL: https://www.statista.com/statistics/254281/gdp-of-the-bric-countries/ (дата обращения: 20.09.2024).

Далее проводились расчеты курса BRIXCOIN по годам как средневзвешенное среди всех валютных курсов стран-участниц БРИКС и БРИКС+. Для этого процент «участия» национальной валюты в коллективной умножался на средний курс национальной валюты к доллару США, выступающему базой для сравнения (табл. 2).

Валюта	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Китайский юань	4,005	3,993	4,179
Индийская рупия	8,216	8,811	9,255
Российский рубль	4,583	4,725	5,894
Бразильский реал	0,303	0,317	0,306
Иранский риал	2336,509	2679,6	2679,768
Саудовский риал	0,109	0,123	0,123
Дирхам ОАЭ	0,054	0,060	0,060
Египетский фунт	0,232	0,291	0,466
Южноафриканский рэнд	0,217	0,218	0,245
Эфиопский быр	0,152	0,186	0,197

Таблица 2. Расчет промежуточных данных для определения синтетического курса BRIXCOIN

Источник: составлено автором по данным WalletInvestor.com[8], Investing.com[9].

В результате вычислений получился следующий синтетический курс валюты корзинного типа БРИКС и БРИКС+ за 2021-2023 гг к долл. США (табл. 3).

Валюта	2021 г.	2022 г.	2023 г.
BRIXCOIN	239,52	275,52	56,63

Таблица 3. Средний синтетический валютный курс BRIXCOIN, 2021-2023 гг.

Итак, создание коллективной валюты для БРИКС+ в 2021-2022 гг. было бы экономически неоправданным из-за ряда входящих стран с нестабильной экономической системой в целом, национальные валюты которых имеют высокую волатильность. Однако прежде, чем сделать окончательные выводы, спрогнозируем синтетический курс BRIXCOIN на 2024-2025 г. Моделирование и сбор данных осуществлялись по выше представленному алгоритму. В качестве среднего курса было взято среднее арифметическое между максимальным и минимальным прогнозными значениями котировок (табл. 4).

Валюта	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
BRIXCOIN	239,52	275,52	56,63	57,29	55,93

Таблица 4. Средний и прогнозный синтетический курс валюты BRIXCOIN, 2021-2025 гг.

Видим, что с точки зрения прогнозов создание коллективной валюты со временем становится более обоснованным, т.к. наблюдается тренд на укрепление позиций по отношению национальных валют к доллару США и возможность снизить волатильность курсов национальных валют менее экономически сильных стран-участниц.

В перспективе BRIXCOIN, обеспечиваемый необходимой инфраструктурой НБР, может быть использован в качестве пула собственных международных резервов, способствующих дальнейшей дедолларизации расчетов в рамках БРИКС. Следуя тренду цифро-

8 WalletInvestor.com. – URL: https://walletinvestor.com/ (дата обращения: 20.09.2024).

9 Investing.com - котировки и финансовые новости. – URL: https://ru.investing.com/ (дата обращения: 20.09.2024).

визации, валюта может также выпускаться по принципу ЦФА, что снизит издержки по ее выпуску, а также ускорит процесс передачи данных о платежах.

Помимо рассмотренного варианта развития валютной интеграции в рамках БРИКС, существует еще несколько альтернатив:

1. Проведение международных расчетов напрямую между локальными банками в национальных валютах с учетом клиринговых операций – наиболее реальное и доступное решение на сегодня;
2. Конкуренция национальных валют стран-участниц за гегемонию в качестве основного средства платежей в объединении, в которой с большей долей вероятности победит китайский юань, но с учетом нацеленности БРИКС на паритетное взаимодействие стран-участниц, данный вариант не может быть однозначно принят;
3. Запуск Stablecoin, привязанного к конкретному активу или же пулу активов (совокупности валют стран БРИКС). Здесь может быть полезна смоделированная нами коллективная валюта корзинного типа как пул активов;
4. Разработка системы трансграничных платежей «BRICS Bridge», в которой расчетной единицей станет золотой Stablecoin, построенный по принципу SDR в МВФ.

С 2023 г. идеи по развитию региональной расчетно-платежной системы и перспективной валютной интеграции в рамках БРИКС и БРИКС+ становятся все более реальными. В данной работе предложена модель возможного валютно-финансового механизма, который будет отвечать принципам самого объединения, расширять и облегчать торговые и экономические связи между его участниками, а также представлены возможные направления дальнейшего развития системы международных расчетов в объединении БРИКС.

Список литературы

1. Арапова Е.Я. Перспективы экономической интеграции в формате БРИКС // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 2. – С. 32-47.
2. Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС. Научный доклад к VII саммиту БРИКС / Под ред. В.А. Садовничего, Ю.В. Яковца, А.А. Акаева – М.: МИСК — ИНЭС — НКИ БРИКС, 2014. – 388 с.
3. Соболева А.С. Экономика стран БРИКС: роль и перспективы в современном мире // Под редакцией А.В. Гумерова, М.Ф. Сафаргалиева. Экономика будущего: тренды, вызовы и возможности. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – 2023. – №1. – С. 456-461.
4. Ян Ч. Влияние расширения членства в БРИКС на мировую экономику // Экономика, финансы и управление: актуальные вопросы теории и практики. – 2023. – №4. – С. 70-72.

Международные процессы, межгосударственные отношения и политика отдельных государств в Евразии

Olivia Matilda Ophelia Ahlund
MGIMO University
1st year
MA in Global Politics and International Political Analysis, School of International Relations
ol.ahlund@my.mgimo.ru
Aspram Israyelyan
4th year
BA in Government
International Politics and Law, School of International Relations
as.israyelyan@my.mgimo.ru
Research Supervisor: Andrey A. Sushentsov, Dean of the School of International Relations, Programme Director of Valdai Discussion Club, PhD in Politics

Conflict Fragmentation as an Obstacle to the Formation of a Common Eurasian Security Framework

Introduction

The research examines Eurasian security, assessing the influence of fragmented conflicts on the development of a common Eurasian security framework with the aim of identifying the challenges to addressing security threats facing the region in the 21st century. The term 'Eurasia' is used with the meaning of Greater Eurasia, comprising Europe and Asia. It is argued that the fragmented nature of conflicts in Eurasia presents obstacles to security cooperation due to the conflicting interests of Eurasian powers and the practice and risk of exploitation of perceived divisions by external powers.

The primary object of the research is the formation of a common Eurasian security framework, the subject is conflict fragmentation within Eurasia and its impact on regional security cooperation among Eurasian powers. The goals of the research are a) to assess the obstacles that fragmented conflicts pose to establishing a unified Eurasian security framework, b) to understand how internal divisions among Eurasian powers and interference from external powers prevent effective regional cooperation, c) to examine how external powers use non-state actors to destabilise the region, complicating efforts toward security collaboration. Problems explored in the research are conflicting interests among regional powers (e.g., Russia, Turkey, Iran) that support opposing factions in fragmented conflicts, external powers exploiting regional divisions to project influence and prevent rapprochement and the use of non-state actors by external powers to further fragment and destabilise the region. Methods of the research include a) theoretical framework based on offensive realism, focusing on great and regional powers' pursuit of national interest, b) analysis of conflict fragmentation using the conflict triangle model by Galtung, reformed by Wallensteen, to assess complexity in actors, behaviours, and contested issues, c) empirical analysis supported by data from the Uppsala Conflict Data Program (UCDP), detailing the involvement and actions of state and non-state actors in conflicts.

Research Results

In 2023, almost half of the world's countries affected by state-based armed conflicts (16 out of 34)[1], and four of the world's nine wars[2] were in Eurasia. The 21st century trend of increasing fragmentation of conflicts[3] is also observed in Eurasia, with particularly intense cases

1 Rustad S.A. Conflict Trends: A Global Overview, 1946-2023 // PRIO Paper, 2024. – P.21 – URL: https://cdn.cloud.prio.org/files/92a7aad5-3572-4886-9e9c-8aa155f1d0f4/Conflict_Trends-2024_DIGITAL.pdf?inline=true (accessed 01.12.2024).
2 UCDP Definitions // UCDP – Uppsala University: site. – URL: https://www.uu.se/en/department/peace-and-conflict-research/research/ucdp/ucdp-definitions (accessed 01.12.2024).
3 Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала XXI века // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, №6. – С. 29, 31-35.

being the major internationalised civil wars in Afghanistan, Iraq, Syria and Yemen[4]. The Syrian conflict, one of the most highly fragmented in terms of all variables in the conflict triangle, has involved at least 113 state and non-state actors, and at least 112 conflict dyads[5] contesting diverse issues, including both Eurasian (Iran, Iraq, Israel, Jordan, Russia and Turkey) and external (the US) states supporting opposing actors and pursuing conflicting interests[6]. Resolving highly fragmented conflicts thus requires agreement between many actors on diverse issues, making it difficult to achieve[7] and complicating security cooperation even beyond the given conflict.

Furthermore, conflicting positions of Eurasian powers such as Russia, Turkey, and Iran, in fragmented conflicts in the region are exploited by external powers – the US being a case in point – to destabilise regional relations and project its own influence. In this context, the perennial conflicts and their fragmented nature – whether between Kurdish militias or over the oil resources of Syria – become tools of influence for external powers. The challenges posed by these tactics are evidenced by the history of external powers exploiting divisions among regional ones for geopolitical advantage. During the Cold War, for instance, the US took advantage of the Sino-Soviet split to prevent the improvement of relations and any consolidated position between China and the Soviet Union[8], thus negatively affecting the communist bloc as a whole and enhancing the US position internationally. Nowadays, the US seeks to contain Russia and China through alliance formations in the Asia-Pacific (QUAD, AUKUS) and Europe (NATO expansion), attempting to position itself as a pivot in the regions, leveraging the divisions between the Eurasian powers and their neighbours. The US' exploitation of divisions in Eurasia is part of a larger pattern of exploiting fragmentation to achieve geopolitical primacy – a situation not dissimilar to the Cold War era. This reality, coupled with the multivariate and often-conflicting interests of the Eurasian powers concerning the above-mentioned fragmented conflicts, presents an essential impediment to the creation of a coherent regional security structure. These internal splits – especially when combined with external interference – are perpetuating instability and making it increasingly hard for regional actors to reconcile security interests, let alone effectively cooperate over broader geopolitical issues.

Another factor undermining the development of a common security framework in Eurasia is the presence of non-state armed groups. From local militias to transnational terrorist groups, these actors are frequently employed as instruments of destabilisation by external powers in regional rivalries. Military and financial assistance to such groups by states, especially external ones, further destabilises the region and undermines the formation of common Eurasian security structures. For instance, back-of-hand support has emerged where, in the Syrian conflict, various rebel groups, some with links to internationally recognised terrorist groups like al-Qaeda[9] and ISIS[10], have been directly supported militarily by external actors such as the US[11]. Hence, continued empowerment of such groups directly contravenes the effort for stabilisation due to their disruptive nature for regional states and governments, preventing a collective security order in Eurasia.

Moreover, the increasing tendency for terrorist groups active in fragmented conflicts in the region to adopt decentralised network structures[12] has high risk for exploitation with the intention and effect of obscuring the true sponsors of violence. Notably, when a terrorist group claims

4 Ibid, p. 29.
5 Country Page: Syria // UCDP: site. – URL: https://ucdp.uu.se/country/652 (accessed 04.12.2024).
6 Ibid.
7 Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала XXI века // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, №6. – С. 36-37.
8 20th-century International Relations – Sino-Soviet Split, Cold War, Ideology // Encyclopedia Britannica. – URL: https://www.britannica.com/topic/20th-century-international-relations-2085155/The-Sino-Soviet-split (accessed 04.12.2024).
9 Terrorist organisation, prohibited in Russia.
10 Terrorist organisation, prohibited in Russia.
11 Anderson T. Syria: Washington Supports the Islamic State (ISIS), the Evidence // Centre for Counter Hegemonic Studies. – URL: https://www.researchgate.net/publication/298215567_Syria_Washington_Sup (accessed 20.10.2024).
12 Степанова Е.А. Основные тенденции в области современного терроризма // Индекс безопасности. – 2014. – Т. 20, №3 (110). – С. 99, 105.

responsibility for a violent attack, the incident itself has often been orchestrated by individual(s) seeking recognition from and to join the group, without the knowledge of the group before the fact. The Western response to the March 2024 terrorist attack at Crocus City Hall in Russia made use of these obscurities in an immediate information campaign, with government officials in the United States and EU countries insistently attributing full responsibility to IS-Khorasan Province[13] [14] to discredit Russia's investigation results pointing to Western-backed Ukrainian security services before they were even published. As even an authentic claim of responsibility confirms only that the group approves of the attack, but nothing about who orchestrated it, Eurasian powers face the challenge of external actors hiding behind non-state groups to destabilise the region through unconventional tactics when conventional ones are deemed insufficient. The fragmented nature of conflicts, precisely where terrorist groups flourish, in the region therefore remains a challenge to the formation of joint Eurasian security architecture in the face of external confrontation.

Conclusion

Having investigated how fragmented conflicts influence the development of a common Eurasian security framework, it is found that conflict fragmentation poses challenges to security cooperation in the region in the form of a) conflicting interests of Eurasian powers in specific conflicts where they support opposing actors fighting for different causes; b) the exploitation of divisions between regional powers by external ones to weaken them and keep them divided; c) the use by external powers of non-state actors as instruments in their confrontations with regional powers. Combined, these factors perpetuate regional instability and maintain challenges to the formation of a unified Eurasian security framework.

List of references

1. Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала XXI века // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, №6. – С. 24-39.

2. Степанова Е.А. Основные тенденции в области современного терроризма // Индекс безопасности. – 2014. – Т. 20, №3 (110). – С. 95-110.

3. 20th-century International Relations - Sino-Soviet Split, Cold War, Ideology // Encyclopedia Britannica. – URL: https://www.britannica.com/topic/20th-century-international-relations-2085155/The-Sino-Soviet-split (accessed 04.12.2024).

4. Anderson T. Syria: Washington Supports the Islamic State (ISIS), the Evidence // Centre for Counter Hegemonic Studies. – URL: https://www.researchgate.net/publication/298215567_Syria_Washington_Sup (accessed 20.10.2024).

5. Rustad S.A. Conflict Trends: A Global Overview, 1946–2023 // PRIO Paper, 2024. – URL: https://cdn.cloud.prio.org/files/92a7aad5-3572-4886-9e9c-8aa155f1d0f4/Conflict_Trends-2024_DIGITAL.pdf?inline=true (accessed 01.12.2024).

13 On terrorist acts organized with the participation of Ukrainian special services // Ministry if Foreign Affairs of Russia: site. – April 10, 2024. – URL: https://djibouti.mid.ru/en/embassy/press-centre/news/on_terrorist_acts_organized_with_the_participation_of_ukrainian_special_services/ (accessed 01.12.2024).

14 Terrorist organisation, prohibited in Russia.

Беломытцева София Александровна
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
3 курс, бакалавриат
Факультет международной журналистики, программа «Международная журналистика»
sofibelom@yandex.ru
Научный руководитель: Масумова Н.Р., к.э.н., доцент, доцент Кафедры мировой экономики МГИМО МИД России

Борьба Партии справедливости и развития и Народно-республиканской партии Турецкой Республики: перспективы для российско-турецких двусторонних отношений

Введение

В статье рассматривается внешнеполитический курс современных партий Турецкой Республики Партия справедливости и развития и Республиканская народная партия, а именно уже совершенные и планируемые действия по двум направлениям сотрудничества: с Россией и странами НАТО и ЕС. *Актуальность* работы обусловлена необходимостью исследовать подходы различных турецких партий к вопросам внешнеполитического сотрудничества, поскольку при возможной смене правящей партии в Турции у российской стороны может возникнуть необходимость корректирования уже выработанной стратегии сотрудничества Москвы с Анкарой. Хотя на президентских выборах 2023 г. победу вновь одержал Реджеп Тайип Эрдоган, позиции действующего президента ослабевают, т.к. победить оппозицию удалось только во втором туре с отрывом чуть более, чем в 4% голосов[1]. Так, существует вероятность того, что после новых президентских выборов в Турции России придется выстраивать диалог с новыми представителями старого партнера.

Цель исследования – определить, как отличается видение внешнеполитических курсов ПСР и НРП и в какую сторону возможный приход к власти последней может изменить отношения Турецкой Республики с Россией. *Объектом исследования* является внешнеполитический курс партий ПСР и НРП, *предметом* – наличие в курсах этих партий факторов, меняющих двусторонние отношения России и Турции в лучшую или худшую сторону. *Задачи* исследования: 1) проанализировать отношения правящей партии Турции ПСР в «коллективным Западом» (задача обусловлена тем, что отношения со странами НАТО и ЕС напрямую влияют на отношения с Россией), 2) выявить достижения и неудачи ПСР в рамках двусторонних отношений с Россией, 3) проанализировать положения программы партии НРП, затрагивающие внешнюю политику Турции. Были применены методы исследования объекта во времени (ретроспектива и прогнозирование).

Партия справедливости и развития: отношения с «коллективным Западом»

Являясь членом НАТО с 1952 г., Турция вот уже более тридцати лет не может стать членом Евросоюза, что часто вызывает недоумение. Это перестает казаться противоречивым, если не рассматривать международное партнерство исключительно как «дружбу против третьей стороны».

Турция и «Запад» часто оказываются по разные стороны баррикад в международных конфликтах. Являясь единственной страной, признавшей Турецкую республику Северного Кипра (ТРСК), Турция не признает Республику Кипр – члена ООН и ЕС. В гражданской войне в Сирии США стали активно поддерживали курдов, что привело к противоречиям с Анкарой. Во время последнего палестино-израильского конфликта

1 Надеин-Раевский В.А. Турция: год непростых испытаний // Год планеты: ежегодник / ИМЭМО РАН. Вып. 2023. – Москва: Идея-Пресс, 2024. – С. 221.

Турция единственная в НАТО не только не осудила ХАМАС, но и подала иск к Нетаньяху с обвинением в геноциде[2].

В начале 2000-х гг. Запад отнесся «благосклонно» именно к ПСР с ее назревающими идеями «пантюркизма» и политического ислама. Однако лидера «белой партии» Эрдогана никак нельзя назвать ставленником Вашингтона. Турция последовательно развивает собственную военную промышленность, за 20 лет изменив показатели зависимости от импорта в ВПК с 80% до 20%[3], чем вызывает настороженность даже у собственных союзников. Так, Турция навлекла на себя санкции Вашингтона, закупив у России дивизион ЗРК С-400 «Триумф».

Если Турция и следует «прозападному» курсу, то так, чтобы извлекать пользу из самых невыгодных требований Брюсселя или Вашингтона. Так, Турцию часто обвиняют в несоответствии «Копенгагенским критериям». В 2007 г., когда армия, со времен Ататюрка обладавшая долгом охранять светскость государства, пыталась совершить переворот, был проведен конституционный референдум, а президентом были приняты меры по уменьшению влияния военных[4]. Формальной целью стала защита демократии, в действительности же эти меры укрепили позиции президента.

Вопрос вступления Турции в ЕС остается открытым. Здравый смысл указывает на то, что если бы сам союз хотел видеть Турцию среди своих членов, он бы не занимал такую жесткую позицию по вопросу ее соответствия «Копенгагенским критериям», ведь в рамках расширения Восточного блока были приняты Румыния, Болгария, Хорватия – страны, уровень развития демократических институтов которых также далек от европейского идеала. В отношениях с Западом Турция сохраняет положение ситуационного партнера: страны Европы получают выгоду от сотрудничества с ней, но не спешат принять в свои ряды страну в двух частях света.

Отношения Турции под руководством ПСР с Россией

Отношения двух черноморских стран противоречивы. Анкара не признает присоединения Крыма к России, поддерживает Киев средствами дипломатии и оружия, в Сирии выступила на стороне оппозиции (правда, с 2016 г. сотрудничество Москвы и Анкары стало возможным)[5]. Заявляя концепцию «0 проблем с соседями», Турция при этом допустила убийство российского посла Андрея Карлова и уничтожение российского Су-24. Так, российский исследователь Р. Мамедов остроумно замечает движение внешней политики Турции от «0 проблем с соседями» к «0 соседей без проблем»[6]. При Эрдогане Турция идет по пути исламизации, что являлось бы только ее внутренним делом, если бы не попытки Анкары вмешиваться во внутренние дела России. «Панисламизм» и «пантюркизм» в видении ПСР предполагают, что Турция станет ядром исламского мира, что вызывает беспокойство у России.

В области экономики отношения России и Турции со знаком «+». В 2017-18 гг. был построен второй трубопровод для поставки российского газа в Турцию и Юго-Восточную Европу – «Турецкий поток». В январе-июле 2024 г. поставки газа по нему составили 43,5 млрд кубометров в сутки[7]. Много ожиданий связано с постройкой газового хаба при участии «Газпрома». Однако самое перспективное направление сотрудничества в сфере

---

2 Турция подала иск к Нетаньяху с обвинением в геноциде // РИА Новости: сайт.. – 14.11.2023. – URL: https://ria.ru/20231114/isk-1909439996.html?ysclid=m2qdc2abtk752744121 (дата обращения: 27.10.2024).

3 Мавашев Ю.Ю. «Новая Турция»: между Ататюрком и Эрдоганом. Монография / Кавказский геополитический клуб. – М.: Издатель А.В. Воробьёв, 2024. – С. 19.

4 Васильев А.Д. Армия в Турции // История и современность. – 2013. – №2(18). – С. 18.

5 Нарышкин А., Кузнецов А. Россия и Турция в Сирии: соперничество или сотрудничество? // Обозреватель-Observer. – 2023. – №3. – С. 29.

6 Мамедов Н. Турецкий поворот: снова на пути к «нулю проблем с соседями»? // РСМД: сайт. – 21.07.2016. – URL: https://russiancouncil.ru/?ysclid=m2rk76bw52277040644 (дата обращения: 27.10.2024).

7 История российских газопроводов: цена, мощность и текущее состояние // Ведомости: сайт. – 09.09.2024. – URL: https://www.vedomosti.ru/ysclid=m2rghg8bv8346151420 (дата обращения: 27.10.2024).

энергетики – общий проект АЭС «Аккую»: управление по регулированию энергетического рынка Турции лицензировало генерацию энергии до 2066 г. Активно присутствие в Турции госкорпорации «Росатом», которая планирует построить вторую АЭС в Синопе, что Эрдоган назвал «политическим решением»[8]. Доля в 51% акционерного капитала придется на «Росатом», а турецкие специалисты, которые в перспективе будут направлены на обслуживание станции, будут обучаться в российском вузе МИФИ.

Таким образом, когда в политической сфере Россия и Турция, руководимая ПСР, часто оказывались в шаге от прямого столкновения, в экономической сфере их успешно и прочно.

Обзор внешнеполитической части программы НРП

У России есть опыт диалога с НРП: Советская Россия еще до Лозаннского договора 1923 г. признала Турецкую республику, подписав в 1921 г. договор «о дружбе и братстве». Советскому правительству были близки позиции кемалистов, хотя направленность «6 стрел Кемаля» не полностью совпадала с его целями. Правда, за это время изменились сами государства, поменялся облик и партии кемалистов, которую сегодня представляет Озгюр Озель, при том, что главным кандидатом на пост президента от оппозиции является его предшественник Кемаль Кылычдароглу.

В разделе программы НПР, посвященном внешнеполитическому блоку, первыми рассматриваются отношения с ЕС, в частности, партия отмечает готовность к исполнению «Копенгагенских критериев»[9]. НРП свидетельствует о готовности выстраивать отношения с США и НАТО на основе сотрудничества и уважения, но при этом партия обозначает круг вопросов, в которых она осуждает политику Вашингтона (например, вопрос Ирака). При этом партия ограничивается упоминанием России и стран БРИКС, лишь подтверждая стремление укреплять сотрудничество с Москвой. Акцент в двусторонних отношениях планируется сделать на экономике, причем в данной сфере Россия рассматривается в одном ряду с Китаем, Японией, Бразилий, Индией, Африкой и Латинской Америкой.

Заключение

Вряд ли в случае прихода к власти в Турции НРП следует ожидать увеличения конфликтных ситуаций между двумя странами. Напротив, светская идеологическая направленность партии и отсутствие имперских стремлений кемалистов может сгладить острые углы в двусторонних отношениях. Разворот Турции на Запад ожидаем, он осуществляется уже Эрдоганом, просто НРП признает его в своем программном документе. Экономическое сотрудничество с Россией НРП выгодно так же, как и ПСР, более того, с партией справедливости и развития Москва осуществляет долгосрочные проекты, прекращать которые Турция при любом правительстве не заинтересована. Смена лидера не помешает России выстраивать конструктивный диалог и сотрудничество с Анкарой.

---

8 Лихачев заявил, что Турция предоставит Росатому вторую площадку под строительство АЭС // ТАСС: сайт. – 28.02.2024. – URL: https://tass.ru/politika/20105113?ysclid=m2rhcdcbz0381128717 (дата обращения: 27.10.2024).

9 Cumhuriyet Türkiye İçin Değişim. Cumhuriyet Halk Partisi Programı // chp.org.tr.: сайт – URL: https://content.chp.org.tr/1d48b01630ef43d9b2edf45d55842cae.pdf (дата обращения: 25.10.2024).

Список литературы

1. Васильев А.Д. Армия в Турции // История и современность. – 2013. – №2(18). – С. 52-74.

2. Мавашев Ю.Ю. «Новая Турция»: между Ататюрком и Эрдоганом. Монография / Кавказский геополитический клуб. – М.: Издатель А.В. Воробьёв, 2024. – 308 с.

3. Мамедов Н. Турецкий поворот: снова на пути к «нулю проблем с соседями»? // РСМД: сайт. – 21.07.2016. – URL:: https://russiancouncil.ru/?ysclid=m2rk76bw52277040644 (дата обращения: 27.10.2024).

4. Надеин-Раевский В.А. Турция: год непростых испытаний // Год планеты: ежегодник / ИМЭМО РАН. Вып. 2023.: экономика, политика, безопасность / Под ред. В.Г. Барановского, Э.Г. Соловьева. – Москва: Идея-Пресс, 2024. – 288 с.

5. Нарышкин А., Кузнецов А. Россия и Турция в Сирии: соперничество или сотрудничество? // Обозреватель-Observer. 2023. – №3. – С. 25-32.

Климов Владислав Алексеевич
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации»
2 курс бакалавриата
Факультет международных отношений, программа подготовки «Международные отношения и внешняя политика»
vladklim5@mail.ru
Научный руководитель Петросян Д.В., к.и.н., доцент кафедры Европейских языков Дипломатической академии МИД России

Перспективы сохранения Австрией постоянного нейтралитета

На протяжении Холодной войны Австрийская республика (АР) успешно справлялась с ролью связующего моста между двумя противоборствующими блоками, не примыкая ни к одному из них[1]. Однако после распада СССР, который зачастую в историографии связывают с окончанием биполярного мироустройства[2], страна встала на путь поэтапной трансформации принципа, которому она следует с 26 октября 1955 г., приняв федеральный закон о нейтралитете Австрии. Данная тенденция проявлялась в «развороте» внешнеполитической ориентации республики в сторону евроинтеграции, что оправдывалось экономической привлекательностью от членства в ЕС, территориальной близостью со странами-участницами, приверженностью западным ценностям. Следующей стадией «размытия» вышеупомянутого принципа стало решение об оказании помощи Киеву после начала специальной военной операции ВС РФ на Украине. В этой связи **объектом** исследования выступают трансформационные процессы, связанные с постоянным нейтралитетом АР, на современном этапе. **Предметом** являются действия Австрии, ведущие к постепенному отходу от нейтралитета. Хронологические рамки статьи ограничены периодом: февраль 2022 г. – октябрь 2024 г. Выбор временного отрезка и **актуальность данного исследования** обусловлены поворотными событиями в российско-австрийских отношениях, которые привели к ухудшению двусторонних связей и нашли свое отражение в неоднократных высылках дипломатов РФ, введении односторонних санкций ЕС и поддержке Киева Австрией. **Целью** выступает определение перспектив сохранения Австрией постоянного нейтралитета. Для достижения цели необходимо проанализировать действия Австрийской республики, прелпринятые по отношению к Российской Федерации в указанный период в политической, экономической и военной сферах, которые свидетельствуют о стремлении Австрии скорректировать основополагающий принцип ее внешней политики – постоянный нейтралитет.

В исследовании применен метод ивент-анализа, изучены публичные выступления австрийского руководства, а также раскрывающие сущность внешнеполитического курса республики нормативно-правовые акты и соглашения.

Политическая сфера

Руководство Европейского союза, считая, что на фоне проведения специальной военной операции ВС РФ на Украине перед демократическим миром якобы нависла новая угроза, предписало всем государствам-членам объединения участие в борьбе с «российской агрессией». При этом Австрия активно поддержала политический призыв Брюсселя[3], тем самым определив приоритетность членства в ЕС над нейтралитетом. Такая направ-

1 История Австрии: культура, общество, политика / Карл Воцелка; [пер. с нем.: В. А. Брун-Цеховой, О. И. Величко, В. Н. Ковалев]. — Москва: Издательство Весь Мир, 2007. – С. 435-457.
2 Современные международные отношения, 1991-2020 гг.: Европа, Северо-Восточная Азия, Ближний Восток, Латинская Америка: Учебник / Под ред. Б.Ф. Мартынова, Ю.В. Боровского, О.В. Шишкиной. – 2-е издание, исправленное. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – С. 15.
3 Austria stands with Ukraine – as long as it takes [Electronic resource] // Austrian Embassy to Lithuania – 02.24.2023. – URL: https://www.bmeia.gv.at/en/austrian-embassy-to-lithuania/news/detail/austria-stands-with-ukraine-as-long-as-it-takes (дата обращения: 20.10.2024).

ленность политики республики привела к неизбежному ухудшению российско-австрийских отношений.

В частности, Австрия, придерживаясь союзных установок, активно включилась в кампанию ЕС по дискредитации Российской Федерации. С этой целью австрийское руководство безосновательно обвинило аккредитованных в стране сотрудников российских загранучреждений в деятельности, несовместимой с дипломатическим статусом. Итогом таких акций стали регулярные высылки дипломатов России[4].

Кроме того, в конъюнктурных устремлениях нынешней политической элиты республики наблюдается тенденция на постепенное изменение исторической памяти населения, в том числе в рамках военно-мемориального сотрудничества с Москвой. Так, Австрийский комитет Маутхаузена, по всей видимости, не без согласия политического руководства страны заявил об отказе официальной делегации Российской Федерации в участии в ежегодном мероприятии по случаю освобождения нацистского концлагеря, в котором были зверски замучены свыше 32 000 граждан и военнопленных СССР[5]. Данное решение обосновывалось желанием руководства организации исключить из церемонии государства, участвующие в вооруженном конфликте. Причем подобные требования не применялись в отношении Израиля, проводящего специальные операции в секторе Газа, Ливане и Сирии.

Вместе с этим, пользуясь своим нейтральным статусом, Австрия выступает с инициативой проведения российско-украинских переговоров на австрийской площадке[6]. Вероятно, руководство Австрии нацелено на придание стране статуса успешного посредника в урегулировании международных конфликтов, а также на укрепление связей с европейскими и атлантическими союзниками, которые ранее неоднократно обвиняли Австрию в «половинчатой» поддержке Украины.

Экономическая сфера

Австрия следует общеевропейскому курсу на официальный разрыв связей с Россией в области энергетики, при этом стремясь сохранить возможности импорта энергоносителей. Речь идет о расторжении рамочного соглашения OMV (полугосударственной австрийской компании) с ПАО Газпром, рассчитанного до 2040 г.[7]. Стоит понимать, что для республики резкий отказ от российских энергоносителей был бы невыгодным не только с экономической, но и с репутационной точки зрения. Именно поэтому, чтобы минимизировать риски, Австрия, нуждаясь в правовых основаниях для принятия решения, опиралась на вердикт Стокгольмского арбитражного суда, который обязал Газпром выплатить OMV 230 млн. долларов США за недопоставки ее немецкой дочерней компании в сентябре 2022 г. – при этом такой транзит был невозможен физически в связи с подрывом «Северных потоков». Кроме того, недопоставкам способствовало и введение санкций ЕС в отношении Газпромбанка, через который ранее проводились расчеты между сторонами договора. Такой подход республики подтверждает превалирование конъюнктурного фактора при принятии политических решений. При этом следует иметь в виду национальные интересы республики: импорт российского газа выгоден Австрии экономически, но отрицательно сказывается на ее репутации в ЕС. Поэтому, не желая следовать немецко-

4 Österreich weist zwei russische Diplomaten aus [Австрия высылает двух российских дипломатов] // Heute. – 13.03.2024. – URL: https://www.heute.at/s/oesterreich-weist-zwei-russische-diplomaten-aus-120025345 (дата обращения: 20.10.2024).

5 Антифашисты прокомментировали недопуск делегации РФ на церемонию освобождения Маутхаузена // ТАСС. – 27.04.2024. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20673279?ysclid=lw2euddnme57053967 (дата обращения: 20.10.2024).

6 В Австрии предложили провести переговоры по Украине, пишут СМИ // РИА Новости – 05.10.2022. – URL: https://ria.ru/20221005/peregovory-1821610950.html?ysclid=lvzi0zdxvv436159381 (дата обращения: 20.10.2024).

7 Austria's OMV terminates Gazprom gas contract after supply row // Reuters. – 11.12.2024. – URL: https://www.reuters.com/markets/commodities/austrias-omv-terminates-gazprom-gas-contract-after-supply-row-2024-12-11 (дата обращения: 28.12.2024).

му сценарию развития экономики, Австрия продолжает покупать те же энергоносители, но через посредников.

Примерно таким же прагматичным принципом руководствуется и австрийский бизнес. Так, Raiffeisen Bank International (RBI) получает более половины прибыли за счет функционирования российских филиалов. RBI привлекает Россию как дополнительными налоговыми поступлениями, так и возможностью задействования информационной банковской системы SWIFT. Другими словами, Raiffeisen Bank выступает финансовым мостом между Россией и западными странами. Причем, невзирая на официальный политический антироссийский нарратив Австрии, в функционировании банка заинтересована и австрийская политическая элита. Республика намерена сохранить национальным компаниям выход на российский рынок и обеспечить их деятельность в РФ за счет присутствия RBI.

Таким образом, несмотря на антироссийскую риторику, Вена продолжает руководствоваться прагматизмом при выстраивании экономических отношений с Москвой, одновременно строго следуя европейским директивам. Резкий отказ от энергетической привязки и решение австрийского бизнеса покинуть прибыльный рынок привел бы в последующем к снижению экономических показателей республики.

Военная сфера

Противоречия во внешней политике Австрии отмечаются и в военной сфере. В частности, несмотря на внеблоковый статус, Австрия после начала СВО неоднократно обеспечивала транзит через национальную территорию вооружения и военной техники (ВВТ) стран НАТО. Согласно официальному ответу МО Австрии на парламентский запрос «Австрийской национальной партии», с марта 2022 г. через республику в сутки проходило более четырех эшелонов с военной техникой США. Кроме того, стоит отметить, что государствами-членами Североатлантического союза активно использовалось и воздушное пространство Австрии. В военном ведомстве страны уточнили, что техника направлялась для усиления Восточного фланга альянса[8]. По всей видимости, ВВТ блока используется не только в прибалтийских странах, но и на Украине. Именно поэтому предоставление своей территории и воздушного пространства Австрией можно трактовать, согласно 3 статье резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г., как агрессию. Однако характеризовать этот акт нарушением ее постоянного нейтралитета, де-юре невозможно. В федеральном законе о нейтралитете Австрии (1955 г.) дается вольная и лаконичная трактовка вышеуказанного статуса: «Австрия никогда в будущем не присоединится к военным союзам и созданию военных баз иностранных государств на ее территории» [пер. автором]. Оба пункта на данный момент государство не нарушает, что позволяет республике активно сотрудничать с НАТО, например, в рамках программы «Партнерство ради мира»[9]. Подобное взаимодействие вынуждает австрийские вооруженные силы переходить на стандарты НАТО. Таким образом, Вена поступательно стремится к отказу от внеблокового статуса де-факто. Это объясняется, в частности, нежеланием республики оставаться изгоем среди своих соседей – развитых стран и по совместительству членов НАТО, а также возможностью обеспечения национальной безопасности с минимальными капиталовложениями.

Вместе с тем в среднесрочной перспективе Австрии не удастся отказаться от нейтралитета, поскольку в настоящее время большая часть населения страны не рассматривает возможность отказа от внеблокового статуса (только 14% опрошенных выступает за вступление в Североатлантический альянс). В этой связи Австрии приходится искать

8 Ministerium bestätigt: 1650 US-Waffentransporte durch Österreich – in nur 12 Monaten [Министерство подтверждает: 1650 транспортировок оружия США через Австрию – всего за 12 месяцев] // Exxpress. – 24.03.2023. – URL: https://exxpress.at/bestaetigt-1650-us-waffentransporte-durch-oesterreich-in-nur-12-monaten/ (дата обращения: 20.10.2024).

9 Relations with Austria // NATO. – 23.05.2022. –URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_48901.htm (дата обращения: 20.10.2024).

альтернативные способы защиты своей национальный безопасности, поскольку ее армия не способна отвечать современным вызовам.

В частности, в июле прошлого года республика приняла решение присоединиться к немецкой инициативе «Небесный щит»[10].

Кроме того, стоит отметить, что Австрия решила активно наращивать собственный военный потенциал[11] (к 2027 г. военный бюджет Австрии составит 5 млрд долл. США или 1.5% от ВВП республики). Такое решение было принято с учетом желания политической элиты Австрии соответствовать принятым установкам руководства НАТО.

Заключение

Австрия, несмотря на официальную позицию о сохранении постоянного нейтралитета, де-факто неоднократно его нарушала. Такие действия, по всей видимости, свидетельствуют о стремлении страны планомерно следовать евроатлантическому курсу. С этой целью целенаправленно размывается принцип постоянного нейтралитета, которому придаются новые формы в зависимости от политической и экономической конъюнктуры. При этом трансформация внеблокового статуса страны проводится путем активного участия как в программах НАТО, так и инициативах государств-участников альянса. В последующем это позволит «открыть двери» республике для полноценного членства в Североатлантическом союзе или в любой новой «оборонной» инициативе ЕС. Однако такое историческое событие для Австрии с учетом актуального общественного мнения в среднесрочной перспективе не предвидится. В этой связи австрийское руководство вынуждено в интересах сохранения электората придерживаться официального внеблокового статуса и нейтралитета.

Список литературы

1. История Австрии: культура, общество, политика / Карл Воцелка; [пер. с нем.: В. А. Брун-Цеховой, О. И. Величко, В. Н. Ковалев]. – Москва: Издательство Весь Мир, 2007. – 497 с.

2. Современные международные отношения, 1991-2020 гг.: Европа, Северо-Восточная Азия, Ближний Восток, Латинская Америка: Учебник / Под ред. Б.Ф. Мартынова, Ю.В. Боровского, О.В. Шишкиной. – 2-е издание, исправленное. – Москва: Издательство АСТ, 2023. – 768 с.

10 European Partnership in Air and Missile Defence: European Sky Shield // Ankara Center for Crisis and Policy Studies (ANKASAM). – 24.10.2022. – URL: www.ankasam.org/european-partnership-in-air-and-missile-defense-european-sky-shield/?lang=en (дата обращения: 20.10.2024).

11 «Mission Vorwärts» nimmt Fahrt auf. Wir blicken zuversichtlich ins Jahr 2024. [«Операция Вперед» набирает обороты. Мы уверенно смотрим в 2024 год] [Electronic resource] // Bundersheer. – 01.01.2024. – URL: https://www.bundesheer.at/aktuelles/detail/2024-mission-vorwaerts (дата обращения: 20.10.2024).

Каткадамова Элина, Миненко Софья Алексеевна, Шевелева Полина Павловна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
3 курс, бакалавриат
Санкт-Петербургская школа социальных наук, «Политология и мировая политика»
Электронная почта: saminenko@edu.hse.ru
Научный руководитель: Паникар М.М, доцент, преподаватель Департамента политологии и международных отношений Санкт-Петербургской школы социальных наук НИУ ВШЭ - Санкт-Петербург.

The Research Potential of the Concept "Greed vs. Grievance": the Case of Nagorno Karabakh in 2020-2023

Introduction

Omissions and imperfections of one concept or approach taken separately create an incentive to complement and complicate existing theories, approaches and concepts. The multitude of such complications and assumptions leads to the convergence of theories and concepts, which has been a trend in contemporary International relations discipline (IR). As for the example of such a trend, the neo-neo debates may be recalled. In this case, the convergence happened in the 1980s when classic theories of realism and liberalism transformed and new assumptions, which "converged" them, were introduced.

With the emergence of new trends, new questions arise; one of them is what is the explanatory power and research potential of "converged" concepts. In this paper, there is an investigation of the latter. As for the object of observation and the example of such a "converged" concept, "greed vs. grievance"[1] was chosen. The aim is to estimate the research potential of the concept "greed vs. grievance" and assess to what extent it fits into the international relations paradigms.

To answer the research question, several goals should be reached. The first goal is to investigate the reasons for Nagorno Karabakh conflict in the neorealist paradigm and the reasons for Nagorno Karabakh conflict in the constructivist paradigm. After that, there is a need to compare how elements from the neorealist paradigm's investigations coincide with the way the case may be observed with the "greed vs. grievance" concept. The same comparison is needed to be done with the analysis from the neorealist and constructivist perspective.

Case selection

"Greed vs. grievance"

The "greed vs. grievance" concept was chosen, since two contested parts of the concept are close to the elements of different IR paradigms – neorealism and constructivism, which may have synthesized as the result of the "convergence" trend.

Nagorno Karabakh

Even though the target of investigation is theoretical, there is an analysis of the empirical data. This is a crucial step to ensure the complexity and accuracy of the research.

Nagorno Karabakh in 2020-2023 has been chosen for several reasons. First of all, the case is multidimensional and complex. To analyze it, various factors should be considered: the influence of the international actors, a large historical background, ethnic and religious questions, economic conditions and resources. Since the concept of "greed vs. grievance" is complex as well (what can be seen from different parts in the name of the concept), the case will suit the research design. In addition, due to the role of ethnocultural, religious and economic factors in Nagorno Karabakh conflict, the case may be analysed with the chosen IR theories – neorealism and constructivism.

1 In academic literature, there are various formulations of the greed-grievance theory ("greed and grievance" in the works by Collier and Hoeffler (2004), Keen (2012); "greed vs. grievance" in the work by Hoeffler (2011). However, this particular formulation was chosen to highlight the contrast and contesting character of relations between two elements of the concept. Such highlight of the contesting parts is needed due to the specifics of research strategy.

Given the fact that the case has partly been resolved[2] in the beginning of 2024, it makes it possible to drive some conclusions about the period of 2020-2023.

IR theories

The choice of IR theories is justified by our hypothesis that two elements of the concept "greed vs. grievance" may include the elements of two IR theories (neorealism and constructivism) or be close to them. Neorealism may be suitable for the analysis of "greed" by emphasizing power and material factors. "Grievance" may be analyzed with constructivism due to the focus on identities of actors involved, which would be beneficial to explain ethnicity driven motives for the conflict.

It is important to note that the concept of "greed vs. grievance" is the middle-level theory. The latter implies that the concept is narrower than large-scale paradigms such as neorealism and constructivism. Hence, the concept "greed vs. grievance" may be compared with the paradigms on the subject of the extent of fitting.

Methods and literature

The research relies on literature critical analysis since the paper has theoretical orientation. There is also an investigation of news on the reasons and development of the conflict in Nagorno Karabakh in 2020-2023. Besides, there is an observation of the speeches of the prime minister of Armenia Nikol Pashinyan and the president of Azerbaijan Ilham Aliyev.

As for the time period of selected sources, news dated by 2020-2024 were mainly chosen due to the relevance of the period for the research. As for academic papers, in the main part for the analysis in neorealist and constructivist paradigms the sources dated by 2020-2024 are majorly used[3] [4] [5] [6] [7] [8]. However, there are some sources, which have been written earlier[9] [10] [11] [12]; mostly, they are used in the conceptualization part, since the concept "greed vs. grievance" was developed in the beginning of 2000s. The analysis of enumerated literature provides a more in-depth understanding of the concept and historical development of the conflict. The latter may make research results more accurate, that may increase the validity.

Due to the theoretical aims of the paper, there is a necessity to work through indirect observation, the method of analysis used in the paper is qualitative. Besides, since there is evaluation of the concept "greed vs. grievance" based on the case analysis of Nagorno Karabakh – the research is a theory-evaluating case study.

---

2 Markedonov S.M. Armeniya i Azerbajdzhan: uskol'zayushchij mir // Russian International Affairs Council. – 2024. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/armeniya-i-azerbaydzhan-uskolzayushchiy-mir/ (accessed: 13.12.2024).

3 Mearsheimer J.J. Structural Realism // International Relations Theories: Oxford University Press. – 2021. – P. 50-67. URL: https://www.oxfordpoliticstrove.com/display/10.1093/hepl/9780198814443.001.0001/hepl-9780198814443-chapter-3 (accessed: 21.12.2024).

4 Jović-Lazić A. The Second Armed Conflict in Nagorno-Karabakh–Causes and Implications // Convergence and Confrontation: The Balkans and the Middle East in the 21st Century – Institute of International Politics and Economics, 2021. – P. 211-240.

5 Mirzayev N. Corporate Social Responsibility In Azerbaijan: Document Analysis Of British Petroleum // SEA–Practical Application of Science. – 2022. – №. 30 (10). – P. 161-166.

6 Kochetkov V.V. Nagorno Karabakh Conflict: Main Reasons and Prospects for Resolution // Bulletin of Moscow University. Series 27. "Global Studies and Geopolitics". – 2021. – №4 (27). – P. 67-81.

7 Kazarinova D.B., Dunamalyan N.A. Trajectories of Development of Post-Soviet Identities: Approaches, Models, Trends // Political Science (RU). – 2022. – №1. – P. 52-79.

8 Okhrimenko A. The 'Image of the Enemy' in the Minds of Azerbaijanis and Armenians as the Psychological Basis of the Military-Political Conflict in Nagorno Karabakh // Nauka.me. – 2021. – №4. – P. 7-21.

9 Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War // Oxford Economic Papers. – 2004. – №4 (56). – P. 563-595.

10 Hoeffler A. 'Greed' versus 'Grievance': a Useful Conceptual Distinction in the Study of Civil War? // Studies in Ethnicity and Nationalism. – 2011. – №. 2 (11). – P. 274-284.

11 Keen D. Greed and Grievance in Civil War // International Affairs. – 2012. – №4 (88). – P. 757-777.

12 Kraus J. The Internationalization of Conflicts: Theoretical Background, Conceptualization, and Contemporary Middle-East Region. // Vojenské Rozhledy. – 2017. – №5 (26). – P. 23-32. URL: https://doi.org/10.3849/2336-2995.26.2017.05.023-032 (accessed: 20.12.2024).

Results

Neorealist framework allowed providing a "greed" explanation for the Nagorno Karabakh conflict. Nevertheless, it is crucial to note that neorealism has a wider reasoning than "greed". Elaborating on the latter, while "greed" implies the purpose of benefit gaining only – neorealist paradigm considers changing balance of power as the factor for escalation of the conflict (according to neorealism, since the world system is balanced; disbalance leads to instability). Hence, neorealist vision of the factors for the conflict majorly coincide with the "greed" vision, but neorealist vision is still wider.

The analysis from the perspective of the constructivist paradigm indicated that identities of Azerbaijanian and Armenian communities, indeed, had differences, which after the First Nagorno-Karabakh War were growing. The reason for the latter is strengthening the role of "Other". The latter indicates that besides the material factors for escalation of Nagorno-Karabakh conflict, there is also a non-material factor – "the clash of identities" and the image of "Other". In essence, the above-mentioned lies in the framework of ethnicity-based and nation-based identification of the group, so that leads to the conclusion that the analysis of the case with the constructivist approach fits the concept of grievance.

Conclusion

Greed and grievance are the reasons why the conflicts evolve. The investigation of the reasons of Nagorno Karabakh conflict's escalation from the perspective of neorealism and constructivism showed that, indeed, the reasons analyzed through the theories coincide with the reasons proposed by the "greed vs. grievance" concept to a large extent. The constructivist vision of the reasons for the conflict escalation largely coincide with the "grievance" reasons. However, the vision from the perspective of the neorealist paradigm is wider than the "greed" observation. It shows that the concept of "greed vs. grievance" to a major extent fits into the international relations paradigms, but it has limitations in defining the full scale of factors.

The latter may harm the research potential for the concept, but with rather a low probability. This is due to the fact that for the last two decades of analysis there were no extensions of the concept, hence, most likely there is no such a need.

The concept of "greed vs. grievance" is parsimonious. It contains the major fragments of the constructivist and neorealist theoretical inferences on the factors for the conflict escalation, which makes it not a case-specific concept, but rather universal in applicability. The concept has a ground to transform over time (as the example: the shift from the "greed vs. grievance" to "greed and grievance"). However, it is not fully adapted to the analysis of interstate conflicts. Considering all the enumerations, it may be concluded that the concept "greed vs. grievance" has a decent research potential, but it depends on how fast and effectively it is able to transform and adjust to context- and case-specificity.

As for the future research, the transformation processes of the "greed vs. grievance" and other converged concepts may become the topic for the future investigations, since it gains topicality nowadays.

List of references

1. Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War // Oxford Economic Papers. – 2004. – №4 (56). – P. 563-595.
2. Hoeffler A. 'Greed' versus 'Grievance': a Useful Conceptual Distinction in the Study of Civil War? // Studies in Ethnicity and Nationalism. – 2011. – №. 2 (11). – P. 274-284.
3. Jović-Lazić A. The Second Armed Conflict in Nagorno-Karabakh–Causes and Implications // Convergence and Confrontation: The Balkans and the Middle East in the 21st Century – Institute of International Politics and Economics, 2021. – P. 211-240.
4. Kazarinova D.B., Dunamalyan N.A. Trajectories of Development of Post-Soviet Identities: Approaches, Models, Trends // Political Science (RU). – 2022. – №1. – P. 52-79.
5. Keen D. Greed and Grievance in Civil War // International Affairs. – 2012. – №4 (88). – P. 757-777.
6. Kochetkov V.V. Nagorno Karabakh Conflict: Main Reasons and Prospects for Resolution // Bulletin of Moscow University. Series 27. "Global Studies and Geopolitics". – 2021. – №4 (27). – P. 67-81.
7. Kraus J. The Internationalization of Conflicts: Theoretical Background, Conceptualization, and Contemporary Middle-East Region. // Vojenské Rozhledy. – 2017. – №5 (26). – P. 23-32. URL: https://doi.org/10.3849/2336-2995.26.2017.05.023-032 (accessed: 20.12.2024).
8. Markedonov S.M. Armeniya i Azerbajdzhan: uskol'zayushchij mir // Russian International Affairs Council. – 2024. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/armeniya-i-azerbaydzhan-uskolzayushchiy-mir/ (accessed: 13.12.2024).
9. Mearsheimer J.J. Structural Realism // International Relations Theories: Oxford University Press. – 2021. – P. 50-67. // URL: https://www.oxfordpoliticstrove.com/display/10.1093/hepl/9780198814443.001.0001/hepl-9780198814443-chapter-3 (accessed: 21.12.2024).
10. Mirzayev N. Corporate Social Responsibility In Azerbaijan: Document Analysis Of British Petroleum // SEA–Practical Application of Science. – 2022. – №30 (10). – P. 161-166.
11. Okhrimenko A. The 'Image of the Enemy' in the Minds of Azerbaijanis and Armenians as the Psychological Basis of the Military-Political Conflict in Nagorno Karabakh // Nauka.me. – 2021. – №4. – P. 7-21.

Конкуренция, соперничество, противостояние, конфликт: внутриполитические и международные кейсы

Калюжная Евгения Алексеевна, Кузьмина Дина Дмитриевна
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
2 курс, бакалавриат
Факультет мировой политики, программа «Международные отношения»
evgeniya_kalyuzhnaya@list.ru, kuzminadina423@mail.ru
Научный руководитель: Хаджимурадова Д.А., преподаватель Кафедры международной безопасности ФМП МГУ

Американские оценки деятельности КНР в космическом пространстве (по документам администрации Байдена): реальна ли китайская угроза в космосе?

С началом космической эры появилась острая необходимость в уделении внимания международному сотрудничеству в рамках исследования и использования космического пространства. С каждым днем вопросы космической безопасности и милитаризации космоса становятся все более актуальными и обсуждаемыми в мировой политике. За последнее десятилетие многие государства выразили свою обеспокоенность относительно распространения наступательных возможностей, которые могут быть использованы для нарушения работы или полного уничтожения космических систем.

Все чаще США озвучивают, что Китай представляет угрозу в космическом пространстве. При этом важно отметить, что американские концепции «китайской угрозы в космосе» фигурируют не только в медиапространстве, но и в официальных американских документах, таких как, например, «Стратегия национальной безопасности США» (2022 National Defense Strategy of the United States of America) и «Стратегия национальной безопасности Администрации Байден-Харрис» (The Biden-Harris Administration's National Security Strategy). Однако реальна ли китайская угроза в космическом пространстве, или Соединенные Штаты стремятся таким образом оправдать расширение своей военной мощи для достижения космической гегемонии? В данной работе мы бы хотели представить критический взгляд на американские оценки деятельности КНР в космическом пространстве. Для того, чтобы понять масштаб китайской угрозы в космосе, мы изучили документацию администрации Байдена, рассмотрели китайскую космическую стратегию и цели КНР в долгосрочной перспективе.

В настоящее время Пекин обладает второй по численности в мире орбитальной группировкой космических аппаратов различного назначения и рассматривается как основной конкурент Вашингтона в космической сфере[1]. В американской СНБ[2] подчеркивается необходимость технологического превосходства и стратегического лидерства в космосе для противостояния китайским амбициям. В свою очередь, Китай отрицает наличие агрессивных военных планов в космосе, выступая против милитаризации или гонки вооружений, и подчеркивает приверженность мирному освоению и использованию космического пространства. КНР утверждает, что китайская космическая программа направлена исключительно на научные исследования и мирное развитие, о чем свидетельствует разработка договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК) и обязательства не размещать первой оружие в космосе (НПОК).[3].

---

1 Воскресенский В., Круглов В., Мурсаметов В. Космическая политика Китая // Национальная оборона: электронное периодическое издание. – 2022. – URL: https://oborona.ru/product/voskresenskij-vladimir/kosmicheskaya-politika-kitaya-43360.shtml (дата обращения: 17.10.2024).

2 The Biden-Harris Administration's National Security Strategy // The White House: site. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/ (дата обращения: 18.10.2024).

3 Предотвращение размещения оружия в космосе // МИД РФ: сайт. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/predotvrashchenie_gonki_vooruzheniy_v_kosmose/1424255/ (дата обращения: 17.10.2024).

Китайская космическая программа рассматривается как ключ к «Китайской мечте о великом возрождении китайской нации»[4] правительства Си Цзиньпина. Пекин рассчитывает, что космос будет играть ключевую роль в будущих конфликтах.

Так, в 2015 г. КНР объявила космос новой областью ведения боевых действий и организовала свои военные возможности под недавно учрежденными Силами стратегического обеспечения (Strategic Support Force). По сравнению с 2015 г., к 2023 г. присутствие Китая на орбите выросло примерно на 560%. В 2023 г. Китай провел 66 успешных космических запусков, выведя на орбиту 217 полезных грузов[5].

В апреле 2024 г. ВКС США объявили о своих планах проведения первых военных учений в космосе, призванных показать, как США намереваются противостоять «агрессии на орбите»[6]. Уже в июне этого же года на орбите Китая находилось более 970 спутников[7].

По словам Стивена Уайтинга, главы Космического командования Вооруженных сил США, Китай наращивает свой военный потенциал в космосе «захватывающими темпами» для противостояния американским спутникам на орбите и улучшения собственной способности отслеживать военный потенциал противника на Земле. Главный стратегический соперник Вашингтона стремится разработать передовое космическое вооружение, что представляет угрозу национальным интересам Америки. Уайтинг подчеркнул внимание США к КНР как к серьезной угрозе не только для экономики и безопасности, но и для геополитической конкуренции, усилившейся в период президентства Дональда Трампа и получающей поддержку со стороны администрации Джо Байдена. «Китай клинически изучил нас и нашу зависимость от космоса и быстро разрабатывает программы, угрожающие спутниковой архитектуре США», – заявил Уайтинг[8].

Разведка предполагает, что Народно-освободительная армия Китая (далее – НОАК) рассматривает операции в космосе как средство сдерживания и противодействия военному вмешательству США в региональные конфликты. Более того, подчеркивается необходимость «уничтожения, повреждения и создания помех для разведывательных и коммуникационных спутников противника»[9].

В военно-космической деятельности США можно проследить две вполне взаимосвязанные тенденции: 1) стремление обеспечить свою национальную безопасность, поскольку системы связи и предупреждения о ракетном нападении являются критически важными для ее обеспечения; 2) принятие последовательных мер по реализации доктрины глобального доминирования с помощью космических средств.

Вашингтон подготовил и опубликовал доклад «Transformation Flight Plan»[10] о развитии боевых космических систем, которые должны быть созданы в ближайшие десятилетия. К ним относятся:

– противоспутниковые системы воздушного базирования;

– системы космического базирования для вывода из строя телекоммуникационных космических аппаратов и систем предупреждения о ракетном нападении потенциального противника;

---

4 Space threat fact sheet // Headquarters Space Force Intelligence. – URL: http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2024/09/20240716-S2-Space-Threat-Fact-Sheet-v5-RELEASE.pdf (дата обращения: 19.10.2024).

5 Там же.

6 Степанов А. Звездные войны: курс США на милитаризацию космоса. При чем здесь Китай и Россия? // ТАСС: сайт. – 16.04.2024. – URL: https://tass.ru/opinions/20528639 (дата обращения: 19.10.2024).

7 Space threat fact sheet // Headquarters Space Force Intelligence. – URL: http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2024/09/20240716-S2-Space-Threat-Fact-Sheet-v5-RELEASE.pdf (дата обращения: 19.10.2024).

8 US Sees China's Space Threat Growing at 'Breathtaking Pace'. // Bloomberg: site. – 29.02.2024. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-02-29/us-sees-china-s-threat-from-space-growing-at-breathtaking-pace (дата обращения: 19.10.2024).

9 Space threat fact sheet // Headquarters Space Force Intelligence. – URL: http://www.andrewerickson.com/wp-content/uploads/2024/09/20240716-S2-Space-Threat-Fact-Sheet-v5-RELEASE.pdf (дата обращения: 19.10.2024).

10 Transformation Flight Plan // Defense Technical Information Center. – URL: https://apps.dtic.mil/sti/tr/pdf/ADA458089.pdf (дата обращения: 19.10.2024).

– системы космического базирования для уничтожения или противодействия работе разведывательных спутников потенциального противника;

– мощные лазеры воздушного и космического базирования;

– устройства, позволяющие ретранслировать луч лазера, сгенерированный на Земле.

Таким образом, США наращивают военный потенциал на околоземной орбите и занимаются разработкой противоспутникового оружия, активно вовлекая в военно-космическую деятельность и частный сектор. Как было отмечено ранее, Пентагон, ссылаясь на китайскую угрозу в космосе, занимается интенсивной разработкой боевых лазеров[11], а также выводом сотен спутников на низкую околоземную орбиту, чтобы лишить противников преимущества первого удара и повысить устойчивость системы.

В начале апреля 2024 г. Министерство обороны США опубликовало новую «Стратегию интеграции коммерческого космоса» (Commercial Space Integration Strategy)[12], в которой призвало к задействованию вооруженных сил для защиты спутников частных компаний. То есть, в том случае, если потенциальный противник выведет коммерческий спутник из строя, Пентагон будет готов прибегнуть к применению оружия. Итак, мы можем говорить о доктринальном закреплении курса на милитаризацию космического пространства. Несмотря на это, США продолжают обвинять РФ и КНР в милитаризации космоса.

29 июля 2024 г. заместитель министра Военно-воздушных сил США Мелисса Долтон сделала заявление о направленности Национальной оборонной стратегии США на сдерживание космических угроз и поддержание американского превосходства[13]. Так, министерство обороны США оптимизирует Космические силы для сдерживания враждебных держав. В частности речь идет о деятельности Китая и России в области разработки противоспутникового оружия, которая носит потенциально дестабилизирующий характер.

Отвечая на вопрос, поставленный в названии доклада, можно утверждать, что китайская угроза в космосе при современной международной обстановке абсолютно реальна для американского доминирования в космическом пространстве. Китай является единственной страной, которая имеет более проработанные космическую доктрину и космическую стратегию, чем США[14]. КНР наращивает свои военно-космические и противокосмические возможности с головокружительной скоростью. Американская программа милитаризации космоса изначально подразумевала огромные, даже иррациональные расходы, что в настоящее время расценивается учеными как проблема[15]. В свою очередь, командная экономика Китая успешно справляется с распределением бюджета и рационально финансирует космическую программу. Исходя из статистических данных и анализа мнений американских экспертов, в ближайшем будущем КНР действительно сможет догнать и даже перегнать лидирующие на данный момент позиции США, как в мирном освоении космического пространства, так и в использовании его с целью обеспечения стратегической безопасности.

---

11 Степанов А. Звездные войны: курс США на милитаризацию космоса. При чем здесь Китай и Россия? // ТАСС: сайт. – 16.04.2024. – URL: https://tass.ru/opinions/20528639 (дата обращения: 19.10.2024).

12 Commercial Space Integration Strategy // Department of Defence. – URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2024/03/2024-dod-commercial-space-integration-strategy.pdf (дата обращения: 17.10.2024).

13 Пентагон разрабатывает новую архитектуру космической безопасности США // Голос Америки: сайт (внесен в реестр иноагентов 05.12.2017). – URL: https://www.golosameriki.com/a/us-new-space-security/7718961.html (дата обращения: 19.10.2024).

14 Степанов А. Китайская военно-космическая программа — набор командной высоты // РСМД: сайт. – URL:https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/space/kitayskaya-voenno-kosmicheskaya-programma-nabor-komandnoy-vysoty/?ysclid=m35zup8psf452489420 (дата обращения: 19.10.2024).

15 Там же.

Список литературы

1. Воскресенский В., Круглов В., Мурсаметов В. Космическая политика Китая // Национальная оборона: электронное периодическое издание. – 2022. – URL: https://oborona.ru/product/voskresenskij-vladimir/kosmicheskaya-politika-kitaya-43360.shtml (дата обращения: 17.10.2024).

2. Степанов А. Китайская военно-космическая программа — набор командной высоты // РСМД: сайт. – URL:https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/space/kitayskaya-voenno-kosmicheskaya-programma-nabor-komandnoy-vysoty/?ysclid=m35zup8psf452489420 (дата обращения: 19.10.2024).

Шиханова Мария Андреевна
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
4 курс, бакалавриат
Факультет мировой политики, программа «Международные отношения»
mariia.shikhanova.10@mail.ru
Научный руководитель: Хаджимурадова Д.А., преподаватель Кафедры международной безопасности ФМП МГУ

Космическая деятельность Китая в странах Латинской Америки: военный аспект

В рамках своего внешнеполитического сотрудничества Китай уделяет особое внимание космической деятельности, поскольку эта сфера открывает широкий круг возможностей для обеспечения национальной безопасности страны. Несмотря на то, что Пекин настаивает на мирном использовании своих космических аппаратов и систем, проводя научные исследования, заметна тенденция к вовлечению в их работу и сбор информации Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Подобные действия КНР вызывают опасения экспертного сообщества, в большой степени США, относительно прозрачности использования наземных китайский станций в странах Латинской Америки. Центр стратегических и международных исследований (CSIS) в 2022 г. представил отчёт, в котором была отражена обеспокоенность США, возможностью использования сети наземных станций гражданского назначения КНР для слежки за денежными операциями и перехвата конфиденциальной информации США.

Подобные опасения западных экспертов, а также стремительное развитие космических технологий, увеличение числа государств Латинской Америки и Карибского бассейна (далее – ЛАКБ), желающих обрести полную экономическую независимость и выступающих за многополярный мир, ведет к актуализации проблемы «двойного дна» в сотрудничестве Китая со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. Цель работы: определить реальность существования военного присутствия Китая в космической деятельности стран ЛАКБ. В работе ставятся задачи: охарактеризовать степень заинтересованности стран региона в развитии космических технологий, определить идеологическую основу взаимоотношений Китая и стран ЛАКБ, установить степень присутствия в латиноамериканском космическом секторе Китая и текущее межрегиональное сотрудничество.

Обмен космическими технологиями крайне важен для стран ЛАКБ, поскольку доступ к ним может предоставить информацию и данные дистанционного зондирования (далее – ДЗЗ) для мониторинга природных изменений, выявления, дальнейшей корректировки проблемных зон в Амазонии, навигации грузовых судов, для расширения телекоммуникационных сетей и т.д. Несмотря на существующие финансовые и научно-технические договоренности стран в границах региона, а также разработанные ими стратегии исследований, латиноамериканские космические технологии находятся на стадии своего становления и отстают от лидеров отрасли. Так, в 2020 г. в период председательства Мексики в Сообществе стран Латинской Америки, были предприняты первые шаги по формированию единого Космического агентства стран Латинской Америки. Однако, в частности, из-за нехватки финансирования проект был заморожен, а государства вынуждены налаживать взаимоотношения с крупнейшими державами за пределами региона (Соединенными Штатами, Китаем, Россией и Европейским космическим агентством (ЕКА)) для развития национальных космических агентств.

На данный момент ключевую роль среди партнеров ЛАКБ играет Китай. Начиная с заключенных в 2004 г. соглашений о сотрудничестве в области космоса с Аргентиной и Боливией, КНР активно расширяла свою космическую деятельность в регионе. Их взаимоотношения построены не только на проверенных временем технологических связях, но

и имеют, по мнению западных экспертов[1], в частности Центра международных отношений Уэзерхеда, прочную идеологическую основу. Сотрудничество КНР и ЛАКБ развивается со времен Холодной войны в рамках концепции «Юг-Юг» и заключается во взаимной поддержке между странами третьего мира. Из этого следует, что космическое сотрудничество Латинской Америки и Китая обусловлено тремя причинами: 1) развитием взаимоотношений, разворачивающимся в глобальном пространстве, включая околоземное; 2) влиянием тенденций в космической геополитике в конце XX в.; 3) сближением стран «глобального Юга» для обеспечения национальной независимости.

Однако ряд экспертов видят в китайской концепции «Юг-Юг», а теперь и инициативе «Пояс и путь», окно возможностей для продвижения асимметричных, прокитайских программ, которые укрепляют подчиненное положение Латинской Америки, делая постепенно из нее военно-космическую базу Китая. КНР оказывает весомую финансовую и технологическую поддержку странам: строительство первого в Боливии спутника связи, запуск китайско-бразильских, венесуэльских, эквадорских, перуанских спутников ДЗЗ, включая системы обнаружения и раннего предупреждения о стихийных бедствиях.

Особое внимание привлекают наземные станции Китая в Латинской Америке, которые полностью покрывают не только небо над Южным полушарием, но и могут использоваться для слежки за американской территорией и перехвата конфиденциальной информации. Одна из таких, Espacio Lejano, станций была построена КНР в 2012 г. в Аргентине. В соглашении между двумя правительствами оговорено, что Аргентина «не должна вмешиваться или прерывать»[2] деятельность, проводимую на станции, следовательно, она функционирует без надзора правительства и может использоваться Китаем для любых целей. Кроме того, антенна, действующая на станции, работает в диапазонах, которые могут быть задействованы для передачи данных, связанных не только с научными исследованиями и коммерческими коммуникациями, но и для отслеживания конфиденциальной информации, включая разведку, наблюдение, отслеживание оружия и наведение ракет. Еще один факт, подтверждающий военных характер Espacio Lejano, – контроль за ней China Satellite Launch and Tracking Control (CLTC) и ее подчинение непосредственно НОАК[3].

Похожими характеристиками обладает спутниковая станция Сантьяго в Чили под управлением Шведской космической корпорации (SSC), которая в 2010 г. предоставила Китаю доступ к нескольким антеннам, которые также могут передавать разведданные. Такими же возможностями обладает и венесуэльская станция в Гуарико, построенная КНР. В рамках совместной программы китайской фирмы Emposat и аргентинской компании Ascentio планируется создание новой станции, на которой будет размещено от четырех до шести антенн, обеспечивающих расширенный охват спутников, из-за близости объекта к Южному полюсу.

Исходя из текущего соглашения Китая со странами ЛАКБ, он не намерен останавливать свое расширение в регионе. Так, на встрече министров в рамках Форума «Китай-СЕЛАК» в 2021 г. стороны разработали Совместный план действий по сотрудничеству в ключевых областях (2022-2024), в том числе и в космической деятельности. Кроме того,

---

1 Jorge I. Domínguez, Amy Catalinac, Sergio Cesarin, Javier Corrales, Stephanie R. Golob, Andrew Kennedy, Alexander Liebman, Marusia Musacchio-Farias, João Resende-Santos, Roberto Russell, and Yongwook Ryu. China's Relations With Latin America: Shared Gains, Asymmetric Hopes // Weatherhead Center for International Affairs: site. – URL: https://www.wcfia.harvard.edu/files/wcfia/files/dominguez_chinas.pdf (дата обращения: 06.12.2024).

2 Chinese Space Station on Argentine Soil Continues to Arouse Suspicion // Diálogo Américas: site. – 2023. – URL: https://dialogo-americas.com/articles/chinese-space-station-on-argentine-soil-continues-to-arouse-suspicion/ (дата обращения: 06.12.2024).

3 Caro J.V.C. The Patagonian Enigma: China's Deep Space Station in Argentina // The Diplomat: site. – 08.01.2024. – URL: https://thediplomat.com/2024/01/the-patagonian-enigma-chinas-deep-space-station-in-argentina/ (дата обращения: 06.12.2024).

с 2020 по 2023 гг. зафиксирован рост на 33,1 процента[4] импорта космических аппаратов и технического оборудования для их производства из Китая в страны ЛАКБ.

Таким образом, в целом латиноамериканские космические программы автоматически не ориентированы на милитаризацию космоса, они заинтересованы в мирном использовании космических технологий для удовлетворения собственных нужд. Подобные проблемы стран ЛАКБ могут быть разрешены в ходе сотрудничества с Китаем. Однако КНР в этом случае будет иметь совершенно иные мотивы, поскольку зарубежные наземные станции и космические аппараты могут оказать серьезную поддержку китайским вооруженным силам. Согласно Концепции национальной безопасности Китая, необходимость расширения присутствия НОАК в дали от берегов государства для обеспечения его безопасности требует улучшенный набор космических технологий для сбора разведданных, наблюдения за военными объектами и т.д. В этой связи космическое сотрудничество Китая со странами Латинской Америки выглядит как часть более масштабного плана Пекина осуществлять полный контроль за потоками информации и военным потенциалом других государств, имея станции в разных частях планеты, а также утвердить себя в качестве ведущей мировой космической державы и ключевого партнера в этой области.

Список литературы

1. Caro J.V.C. The Patagonian Enigma: China's Deep Space Station in Argentina // The Diplomat: site. – 08.01.2024. – URL: https://thediplomat.com/2024/01/the-patagonian-enigma-chinas-deep-space-station-in-argentina/ (дата обращения: 06.12.2024).

2. Jorge I. Domínguez, Amy Catalinac, Sergio Cesarin, Javier Corrales, Stephanie R. Golob, Andrew Kennedy, Alexander Liebman, Marusia Musacchio-Farias, João Resende-Santos, Roberto Russell, and Yongwook Ryu. China's Relations With Latin America: Shared Gains, Asymmetric Hopes // Weatherhead Center for International Affairs: site. – URL: https://www.wcfia.harvard.edu/files/wcfia/files/dominguez_chinas.pdf (дата обращения: 06.12.2024).

4 Bilateral trade between Latin America and the Caribbean and China Product: TOTAL All products // Trade Map. – 2020-2022. – URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c%7c15%7c156%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1%7c1 (дата обращения: 06.12.2024).

Omid Rahimi
University of Guilan, Iran
PhD candidate of International Relations
PhD candidate of International Relations, University of Guilan, Rasht, Iran
InteRussia programme participant
Omid.Rahimi69@gmail.com

The Foundations of "Non-Western Peace" in the Framework of the Emerging Multipolar World Order

Introduction

The new "multipolar world order" can be considered a very complex terminology. When we talk about it, we should consider this multipolarity in all the functions of the international system. These functions include redefining the concepts of globalization, new economic institutions, patterns of friendship and enmity, conflict resolution, power distribution system, dynamics of interregional interactions, and so on. In the meantime, one of the most important functions which is perceived as a "process" or a "behavioral pattern" is "peacemaking". The main question of this paper is, what will the peace-building process be like in the new non-western multipolar world order? Or in other words, what are the most important foundations of non-western peace building in the new world order? With the aim of answering this question, two peace processes including the Tajikistan Peace Agreement (1997) and the peace building process in Iraq after the emergence of ISIS[1] (2014-2022) have been examined. The methodology of this research is a mix of quantitative and qualitative, and through induction, it is tried to generalize the foundations of non-western peace.

Empirical Investigation of Non-Western Peace

Many successful non-western peace processes have been experienced in the world. In this study, only two successful experiences of non-western peace in Tajikistan and Iraq are examined.

In Tajikistan, after independence in 1992, the political processes led to a massive civil war. It lasted more than 5 years and resulted in about 100 000 dead and more than one million refugees[2]. While the West did not want to establish peace in Tajikistan due to its interests in the post-Soviet period, Iran and Russia were able to jointly establish a peace initiative. After seven rounds of peace negotiations from Tehran to Moscow and dealing with tough challenges, the peace agreement was finally signed in 1997[3]. The model of achieving peace was such that despite the violation of many of its provisions, the peace remained intact. Tajik peace did not impose ideology from any of the parties, nor were the economies and other interests of the peacemakers (Iran and Russia) tied to war and instability. On the contrary, they depended on peace. Despite the continued presence of Emomali Rahmon in power, the gradual reduction of the opposition's share in the power, and finally the banning of the Islamic Renaissance Party of Tajikistan (IRPT)[4] by the Tajik government in 2015[5] almost all-important clauses of the peace agreement were violated. However, the non-western nature of peace was institutionalized in such a way that not only for Iran, but also even in the behavior of the Tajik opposition, including the IRPT, the principle of maintaining peace was on priority.

Another non-western peace case can be investigated in Iraq. A country that due to the US intervention, destroying the army and all the defense infrastructure and producing a failed state, practically became a basis for promotion of terrorism and instability not only in Southwest Asia,

1 Terrorist organization prohibited in Russia.
2 Kuzmin A.I The Causes and Lessons of the Civil War // Central Asia: Political and Economic Challenges in the Post-Soviet Era. – London: Saqi Books, 2001. – P. 191.
3 Tarock A. Iran and Russia in Strategic Alliance // Third World Quarterly. – 1997. – №18(2). – P. 213.
4 Terrorist organization prohibited in Russia.
5 Lemon E. Rahimi O. Exclusion, Enmity, and the Normalization of the Exception: The September 2015 Incidents and the Development of Sovereign Dictatorship in Tajikistan // Central Asian Affairs. – 2020. – №7(3). – P. 272.

but also in the world. The emergence of ISIS was the most important result of this western approach[6]. In this crisis, through the revival of social, cultural and religious infrastructure in Iraq, Iran was able to form local groups to fight against ISIS with the help of local Iraqi leaders. Mosaic defense, with the experience of reviving Iraq's nationalism and cultural-religious identity, was a factor capable of achieving not only the fundamental defeat of ISIS in about 10 years, but also moderating some insecurity and peace-threatening infrastructures (such as religious and tribal tensions) within the framework of a coherent fight against structural violence in Iraq. Non-western powers such as Iran and Russia played an important role in supporting and promoting this peace-building process against the destructive actions of the West.

The foundations of Non-Western Peace-making

By conducting empirical studies, the most important foundations of non-western peace include the following.

Development without independence from war. It is a fact that the economic development and the Western hegemony depended on colonialism and then on the creation of crises and security tensions in the world. This has caused the West to feed on war and insecurity in the non-Western world. But in the East, the pattern of development is opposite to this trend.

Non-prioritization of cost-benefit logic. The calculating logic of cost-benefit, which originated first from mercantilism and then from economic liberalism in the West, has hindered strategic thinking in the West. It prioritizes short-term interests over crises. The experience of the US invasion and occupation of Iraq is the most important witness of this logic. Non-western logic has more powerful strategic thinking by valuing ethics and strengthening social relations.

Focus on relative justice instead of minimal realistic peace. The emergence of realism based on the ideas of Thomas Hobbes in the West led to the development of power politics regardless of fundamental principles such as justice. One result of this approach is to focus on minimal peace by defining it as the absence of threats. However, the non-western world with its justice-oriented political culture is the opposite of this minimalist approach toward peace.

Context-oriented instead of ideological integration. Toward a hegemonic position, the West sought to globalize its ideas, including peacemaking. However, the new world order will be a multipolar one and rather regional. In this order, a regional non-integrated model instead of a global unit model is preferred. The peace process cannot be the same for all regions of the world.

Society-oriented instead of government/institution-oriented approach. The systematic Western idea of peace building in the framework of neoliberalism and neorealism has been the development of state-oriented and institution-oriented approaches. However, the failure of these strategies has been proven. Non-western peace can take more effective measures in peacemaking and sustainability of peace by focusing more on society and taking a deeper approach at dealing with structural violence.

Conclusion

When talking about non-western peace, it is not necessarily mean an "Eastern Peace". The East does not have a unified structure, and thus cannot be considered to have universal characteristics. Therefore, the structure of a new multipolar world order will not be Eastern or even Southern, but mainly non-Western. Peace building in this context is also based on a kind of multilateralism and on the evolution of historical experiences of non-western civilizations and powers. It is necessary to institutionalize this behavioral pattern of peacemaking, to revive non-western political culture in non-western powers and to move away from theoretical and practical approaches rooted in the historical experience of the West, such as realism. Also, this

6 Taremi K. An Analysis of the Factors of the Emergence and Rapid Growth of the Islamic State in Syria and Iraq // International Relations Studies. – 2015. – 8(30) [In Persian]. – P. 207.

non-western peacemaking should be performed by non-western powers such as Iran and Russia at the regional and inter-regional levels and evolve during this performance.

List of references

1. Kuzmin A.I The Causes and Lessons of the Civil War // Central Asia: Political and Economic Challenges in the Post-Soviet Era. – London: Saqi Books, 2001. – 277 p.
2. Lemon E. Rahimi O. Exclusion, Enmity, and the Normalization of the Exception: The September 2015 Incidents and the Development of Sovereign Dictatorship in Tajikistan // Central Asian Affairs. – 2020. – №7(3). – P. 267-292.
3. Taremi K. An Analysis of the Factors of the Emergence and Rapid Growth of the Islamic State in Syria and Iraq // International Relations Studies. – 2015. – 8(30) [In Persian]. – P. 171-214
4. Tarock A. Iran and Russia in Strategic Alliance // Third World Quarterly. – 1997. – №18(2). – P. 207-223.

Международное сотрудничество: инструменты, вызовы, перспективы

Гусева Ирина Сергеевна
Северо-Западный институт управления – ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
4 курс, бакалавриат
Факультет международных отношений и политических исследований, программа «Мировые политические процессы и международное сотрудничество»
Iguseva-21-01@ranepa.ru
Научный руководитель: Пронякина Е.Д., к.полит.н., доцент Кафедры международных отношений Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Вызовы стратегическому сотрудничеству РФ и КНР в Арктике на примере двустороннего сотрудничества в рамках Северного морского пути

Введение

После обострения военно-политического кризиса на Ближнем Востоке в октябре 2023 г. Суэцкий канал перестал быть безопасным мировым транспортным коридором. В связи с этим возникла потребность в перестроении мировой логистики, в частности в поисках альтернативного маршрута мирового транспортного коридора Азия-Европа. На фоне данных событий Северный морской путь в будущем может стать новым транспортным коридором мирового значения. Такие исследователи, как Журавель В.П.[1], Назарова В.П.[2], Лагутина М.Л.[3], Михайличенко К.М.[4], Куан Цзэнцзюнь, Оу Кайфэй[5] и Ло Сюань[6] подчеркивают крайнюю заинтересованность Китая в использовании российских арктических ресурсов (в частности Северного морского пути), желание Китая стать полноправным арктическим игроком, а также особое значение Северного морского пути для России как морского маршрута, обеспечивающего стратегическую безопасность страны. Целью данной работы является определение перспектив развития Северного морского пути как мирового транспортного коридора в аспекте интересов Российской Федерации и Китайской Народной Республики. В исследовании ставились следующие задачи: определить текущее состояние и перспективы развития Северного морского пути как мирового транспортного коридора; определить интересы Российской Федерации и Китайской Народной Республики в развитии Северного морского пути; выявить возможности и вызовы для развития Северного морского пути как мирового транспортного коридора в аспекте интересов Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Объектом и предметом исследования являются Северный морской путь и перспективы развития Северного морского пути как мирового транспортного коридора в аспекте интересов Российской Федерации и Китайской Народной Республики соответственно. Научная новизна работы состоит в определении перспектив развития Северного морского пути после начала специальной военной операции 2022 г. и в условиях изоляции России ото всех Арктических международных организаций, а также после начала военно-политического кризиса на Ближнем Востоке. В работе использовались следующие методы исследования: анализ

1 Журавель В.П. «Белая книга» Китая по Арктике: взгляд в будущее // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – №2-2. – С. 126-128.
2 Журавель В.П., Назаров В.П. Северный морской путь: настоящее и будущее // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2020. – №2. – С. 140-158.
3 Ягья В.С., Харлампьева Н. К., Лагутина М.Л. Арктика — новый регион внешней политики Китая // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2015. – №1. – С. 43-52.
4 Михайличенко К.М. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21, №2. – С. 333-345.
5 Куан Ц., Оу К. Новая политика Китая по Арктике (О Белой книге «Политика Китая в Арктике») // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т.63, № 7. – С. 84-91.
6 Ло С. Стратегические интересы РФ и КНР в Арктике // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 10. – С. 36-43.

документов и официальных заявлений, таких как соглашения, декларации и заявления, выдвигаемые Россией и Китаем в отношении их активности, касающейся Северного морского пути 2022 г. сопоставительный анализ: путем сравнения политики, внешней торговли, инвестиций и других аспектов взаимодействия России и Китая в отношении Северного морского пути до и после 2022 г. выявлялись перспективы развития сотрудничества стран.

Содержательная часть

После того, как в отношении Российской Федерации странами Запада были введены множественные санкции, потребовалось перестроение и расширение транспортных маршрутов для импорта и экспорта. Вследствие снижения зависимости от ледокольного сопровождения из-за таяния ледников в Арктическом регионе, протяженности и полного прохождения морской магистрали по акватории России, Северный морской путь стал стратегической национальной магистралью и его развитие стало одним из приоритетов государственной политики. На выполнение намеченного плана мероприятий, направленных на освоение и комплексное развитие Северного морского пути, указанного в Стратегии развития Арктической зоны[7] Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г., требуется 1,8 трлн. рублей[8], из которых государство финансирует лишь 60-65%. Предполагается, что остальную часть финансирования возьмут на себя частные инвесторы, в том числе иностранные.

В развитии Северного морского пути как мирового транспортного коридора заинтересована Китайская Народная Республика. Представленный в 2013 г. проект «Один пояс – один путь» включает в себя созданный в 2017 г. проект Ледового Шелкового пути, маршрут которого повторяет Северный морской путь. Совместная работа РФ и КНР над развитием проекта Северного морского пути способна создать новую транспортную конфигурацию евразийского континента. Если до недавнего времени Северный морской путь использовался только для транспортировки углеродных ресурсов, то в ближайшем будущем он может стать новым мировым транспортным коридором. В таком случае нагрузка на железнодорожные магистрали (Транссибирская магистраль и Байкало-Амурская магистраль уменьшится, так как объем спроса на перевозки между Азией и Европой превышает возможности железнодорожных магистралей.

За 2023 г. объем грузоперевозок по акватории Северного морского пути превысил целевой показатель, указанный в Стратегии развития Арктической Зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, и по данным госкорпорации «Росатом» составил 36,254 млн тонн[9]. Оптимизма данному прогнозу придает и фактор военно-политической нестабильности вокруг Суэцкого канала, из-за которого уже в последнем квартале 2023 г. был уменьшен грузопоток, перевозимый по каналу, являющемуся ближайшим аналогом Северного морского пути, большим по расстоянию, но менее трудоемким по прохождению. Но Россия, развивающая Северный морской путь и его инфраструктуру, увеличивая его грузоперевозку и транзитную способность морского пути не намерена отказываться от его статуса национальной магистрали, поскольку только при таком статусе морского пути страна сможет контролировать безопасность маршрута и государственной границы, что особенно важно в стратегическом регионе, каким является Арктика.

Также статус национальной морской магистрали дает право России осуществлять выборочный пропуск судов, в том числе для обеспечения безопасности судоходства, и получать экономическую выгоду от ледокольной проводки судов. Данная позиция Российской Федерации не совпадает с интересами КНР, описанными в Белой книге «Аркти-

---

7 Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 года №645 // Президент России: сайт. – URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/45972 (дата обращения: 06.12.2024).

8 Там же.

9 Росатом сообщил о перевозке в 2023 году по СМП грузов на 250 тыс. тонн больше плана // ТАСС: сайт. – 10.01.2024. – URL: https://tass.ru/ekonomika/19701139 (дата обращения 10.02.2024).

ческой политика Китая» 2018 г.[10], к которым относятся увеличение присутствия страны в Арктическом регионе и развитие Северного морского пути как мирового транспортного коридора. Но на данный момент от китайской стороны не было заявлений, обращающих внимание на неудовлетворенность позицией России. В настоящее время ведется двустороннее сотрудничество по развитию Северного морского пути.

Заключительная часть

На основе анализа материалов, источниковой базы, работ ведущих специалистов и двустороннего экономического и политического сотрудничества стран можно сделать следующие выводы. В настоящее время Северный морской путь стал новым транспортным коридором, влияющим на внутреннюю российскую логистику и логистику евразийского континента. Однако видение ключевых Арктических партнёров – России и Китая – по вопросам развития СМП совпадает не полностью. РФ развивает Северный морской путь не только как морскую магистраль, но и как структуру, позволяющую развивать арктические и субарктические регионы страны. Российской стороне важно сохранение доминирования в регионе, его суверенности и государственных границ, что возможно лишь при полном контроле Северного морского пути. Китай же видит развитие Северного морского пути как нового мирового транспортного коридора. В обстановке, где арктические державы изолировали Российскую Федерацию, сотрудничество в области развития транспортно-логистических коридоров в Арктике возможно только с Китаем. КНР готовится стать полноправным арктическим игроком, и подчеркивает значение Совета Безопасности ООН, в котором обладает правом вето, по вопросам Арктики. Для КНР развитие сотрудничества в Арктике носит только экономический интерес. Россия намерена сотрудничать с Китаем в Арктике и готова принимать финансирование проектов в рамках Ледового Шелкового пути, но не готова позволять неарктической державе наращивать влияние в регионе, то есть РФ видит дальнейшее присутствие КНР в Арктическом регионе исключительно как неарктической державы. На данный момент ни одна из сторон не проявила жесткости в вопросах собственных взглядов на развитие Северного морского пути, двустороннее сотрудничество продолжается. В настоящее время Северный морской путь развивается как национальная магистраль, открытая для международного судоходства.

10 China’s Arctic Policy The State Council Information Office of the People’s Republic of China January 2018 // Правительство КНР: сайт. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения 10.02.2024).

Список литературы

1. Журавель В.П. «Белая книга» Китая по Арктике: взгляд в будущее // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – №2-2. – С. 126-128.
2. Журавель В.П., Назаров В.П. Северный морской путь: настоящее и будущее // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2020. – №2. – С. 140-158.
3. Ягья В.С., Харлампьева Н. К., Лагутина М.Л. Арктика — новый регион внешней политики Китая // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2015. – №1. – С. 43-52.
4. Михайличенко К.М. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21, №2. – С. 333-345.
5. Куан Ц., Оу К. Новая политика Китая по Арктике (О Белой книге «Политика Китая в Арктике») // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т.63, №7. – С. 84-91.
6. Ло С. Стратегические интересы РФ и КНР в Арктике // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 10. – С. 36-43.

Каминский Максим Алексеевич
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
4 курс, бакалавриат
Факультет социальных наук и массовых коммуникаций, программа «Мировая политика»
makaminskiy35@mail.ru
Научный руководитель: Данилова Н.М., к.полит.н., доцент, доцент Кафедры политологии Финансового университета при Правительстве РФ

Межгосударственные саммиты России с африканскими лидерами как дипломатический инструмент по достижению национальных интересов

Актуальным информационным поводом данного исследования является организация первой министерской конференции «Россия–Африка». Встреча российских и африканских министров иностранных дел назначена на 9–10 ноября 2024 года на федеральной территории Сириус. Своё участие в данной конференции подтвердили все африканские страны, так же, как и запросили двухсторонние встречи с министром иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавровым[1].

Введение

Актуальность самой темы обусловлена возросшим значением африканского континента в мировой политике. В настоящее время Африка стала одним из регионов, вокруг которого разворачивается противостояние ведущих сверхдержав. Бывшие метрополии теряют свои позиции на африканском континенте. При этом формируется новая система взаимоотношений крупных держав с африканскими странами. Важное значение начинает занимать вопрос статуса отношений современных мировых центров силы с государствами африканского континента.

Целью исследования является выявление особенностей проведения межправительственных саммитов со странами Африки Россией. Для достижения цели исследования были поставлены следующие задачи. Во-первых, определить значение Африканского континента в современном мире. Во-вторых, установить характерные особенности российско-африканских саммитов. В-третьих, определить перспективы развития сотрудничества России с Африканским континентом посредством межправительственных саммитов.

Объектом исследования являются стратегии сотрудничества России с лидерами африканских стран. Предметом исследования выступают межгосударственные саммиты России с руководством африканских государств.

Основным методом данного исследования является сравнительный анализ. Автором выделены следующие критерии сравнения: количество стран-участников; процентное соотношение стран-участниц с общим числом стран на африканском континенте; количество африканских стран, представленных на уровне президента или главы правительства; процентное соотношение стран, представленных на высшем уровне, с общим числом участников форума; число заключённых соглашений в рамках саммитов.

Значение Африканского континента

Межгосударственные саммиты представляют собой значимый инструмент внешней политики мировых держав по увеличению своего влияния на африканском континенте, как отмечал президент России В. В. Путин[2].

Как отмечают российские эксперты НИУ ВШЭ А.А. Маслов и Д.В Суслов, роль африканских стран для международного положения России значительна. Государства африканского континента занимают преимущественно дружественную позицию по отноше-

1 Во встрече глав МИД РФ - Африка в Сириусе примут участие все африканские страны. // ТАСС: сайт. – 17.10.2024. – URL:. https://tass.ru/politika/22143367 (дата обращения: 20.10.2024).
2 Путин отметил значение встречи с главами стран Африки. // РИА Новости: сайт. – 30.07.2023. – URL: https://ria.ru/20230730/vstrecha-1887135742.html (дата обращения: 20.10.2024).

нию к России. При этом африканские страны поддерживают российские идеи формирования многополярного мира. Позитивный образ России поддерживается на континенте благодаря отсутствию у Москвы систем доминирования над регионом, как прошлых, так и проектируемых. В то же время значение Африки в международной системе повышается за счёт роста населения и экономики. Наличие близких позиций по международным вопросам сближает Россию с Африкой. Данные факторы формируют условия для совместного благотворного сотрудничества между странами[3].

Стоит отметить, что Африка обладает рядом ресурсов, которые важны в том числе и российской экономике. В ближайшие годы по данным экспертов Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН, Россия будет испытывать острый дефицит ценных редкоземельных металлов[4]. Посредством равноправного сотрудничества возможно разрешить стоящие проблемы в сфере минерального сырья.

Первый саммит «Россия – Африка»

Россия провела свой первый саммит с Африкой в 2019 году в Сочи. Этому предшествовало постепенное возвращение России на континент. В течение нескольких предшествующих лет происходило наращивание товарооборота России с африканскими странами, развитие промышленного и энергетического сотрудничества[5].

Участниками первого международного российско-африканского форума стали свыше 6 тысяч человек. По результатам экономического форума было подписано 92 соглашения на сумму более 1 триллиона рублей[6].

Президент России В. Путин накануне проведения первого саммита «Россия – Африка» в 2019 году подчеркнул, что «к конкуренции за сотрудничество с Африкой» российские власти готовы[7]. Можно утверждать, что Россия также рассматривала проведение саммита такого рода как инструмент борьбы за влияние на африканском континенте. Представленность всех стран Африки в качестве участников и присутствие большого числа национальных лидеров показывает успех первого саммита. Во многом данный успех был связан с новизной подобного мероприятия, потому что ранее Россия не организовывала такие масштабные саммиты с африканским континентом.

Было достигнуто кулуарное соглашение о проведении следующего саммита через несколько лет[8]. Площадкой для проведения могла бы стать, как предлагал премьер-министр Эфиопии, Аддис-Абеба, столица этой африканской страны[9]. Тем не менее следующий саммит состоялся только через 4 года в Санкт-Петербурге. Причинами выступили отсутствие консенсуса среди африканских стран о месте проведения саммита[10]. В качестве компромиссной площадки был предложен Санкт-Петербург.

---

3 Маслов А.А., Суслов Д.В. Возвращение в Африку: как сделать его российским приоритетом // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 133–136.

4 Бортников Н.С., Волков А.В., Галямов А.Л., Викентьев И.В., Аристов В.В., Лаломов А.В., Мурашов К.Ю. Минеральные ресурсы высокотехнологичных металлов в России: состояние и перспективы развития. // Геология рудных месторождений. – 2016. – № 2(58). – С. 97.

5 Абрамова И.О. Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на африканском направлении // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 12. – С. 95.

6 Подведены итоги первого Саммита и Экономического форума Россия – Африка. // Россия – Африка: сайт. – URL: https://summitafrica.ru/about-summit/summit-outcomes-2019/ (дата обращения: 20.10.2024).

7 Интервью информационному агентству ТАСС. // Президент России: сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/61858 (дата обращения: 20.10.2024).

8 Саммит Россия-Африка будет проходить каждые два года. // РИА Новости: сайт. – 24.09.2019. – URL: https://ria.ru/20190924/1559030163.html (дата обращения: 20.10.2024).

9 Премьер-министр Эфиопии предложил провести следующий саммит Россия – Африка в Аддис-Абебе // ТАСС: сайт. – 24.10.2019. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7039664 (дата обращения: 20.10.2024).

10 Эфиопия готова принять второй саммит Россия-Африка, заявил посол республики. // РИА Новости: сайт. – 05.01.2022. – URL: https://ria.ru/20220105/efiopiya-1766611560.html (дата обращения: 20.10.2024).

Второй саммит «Россия – Африка»

В 2023 году ситуативным фактором повышения интереса к российскому саммиту стал вопрос зерновой сделки, беспокоивший африканских лидеров ввиду сложной социально-экономической ситуации внутри региона[11].

Как отмечает директор института Африки РАН И.О. Абрамова, второй российско-африканский форум имел более прикладной характер, по отношению к первому. Африка всё более становится активным самостоятельным игроком на международной арене. И африканские лидеры заинтересованы в поиске экономически развитого партнёра, способного повысить технологический уровень африканского производства[12].

Одной из ключевых тем саммита стало участие России в качестве партнёра для перехода африканских стран к высокотехнологичной экономике. Данное научно-технологичное сотрудничество способно реально уменьшить отсталость Африки от экономического уровня других регионов мира. Помимо технологий обсуждался большой пласт проблем актуальных для Африки от поставки удобрений до цифровизации общественной жизни[13].

По результатам второго российско-африканского саммита была принята итоговая декларация, в которой очередность проведения саммитов была указана один раз в 3 года. Также были определены приоритеты дальнейшего сотрудничества России с африканскими странами на долговременную основу[14].

Выводы

На основании открытых официальных данных можно составить сравнительную таблицу саммитов России с африканскими лидерами на основании ряда значимых критериев для анализа (таблица 1). Из-за негативного информационного фона вокруг России в 2023 году можно отметить сокращение числа участников саммита «Россия – Африка». В то же время фиксируется рост числа личных встреч между президентом России и африканскими лидерами, а также количество заключённых соглашений в рамках второго саммита.

Президент России посчитал важным на протяжении обоих саммитов провести личные двухсторонние встречи с большим числом приехавших лидеров африканских стран. Можно отметить, что численное и процентное соотношение встреч возросло на последнем саммите «Россия – Африка». Причиной данного процентного роста является сокращение числа представителей стран на высшем уровне. Но в количественном выражении рост данного показателя скорее объясняется личным стремлением президента России почтить уважением приехавших на саммит африканских лидеров.

---

11 Представители стран Африки намерены обсудить с Путиным зерновую сделку. // РИА Новости: сайт. – 27.01.2023. – URL: https://ria.ru/20230727/sdelka-1886520837.html (дата обращения: 20.10.2024).

12 Абрамова И.О. Второй Саммит Россия-Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 12. – С. 40.

13 Абрамова И.О. Достоинство - ключевое слово на Втором саммите Россия - Африка // Международная жизнь, – 2023. – № 8. – С. 15.

14 Декларация первого саммита Россия — Африка. Сочи, 24 октября 2019 г. // Росконгресс: сайт. – URL: https://roscongress.org/news/deklaratsij a-pervogo-sammita-rossij aafrika/ (дата обращения: 20.10.2024).

Критерии для сравнения	Россия – Африка 2019	Россия – Африка 2023
Количество стран-участников	54 страны	48 стран
Процентное соотношение стран-участниц с общим числом стран на африканском континенте	100%	89%
Количество африканских стран, представленных на уровне президента или главы правительства	45 стран	27 стран
Процентное соотношение стран, представленных на высшем уровне, с общим числом участников форума	94%	56%
Количество двухсторонних встреч принимающей стороны с лидерами африканских государств на высшем уровне	16 встреч	17 встреч
Процентное соотношение африканских лидеров, с которыми были проведены двухсторонние переговоры, от общего числа лидеров	36%	63%
Число заключённых соглашений в рамках саммитов	92	146

Таблица 1. Сравнительный анализ межгосударственных саммитов России с африканскими странами
Источник: составлено автором по данным Росконгресса в 2019 году[15] и в 2023 году[16]

Российские саммиты также отмечаются перспективами выхода их проведения на африканский континент и двухсторонним общением между лидерами стран. В то же время российские саммиты могут перейти в полноценное многостороннее взаимодействие с формированием определённой организационной структуры.

Перспективы продолжения саммитов России с Африкой можно охарактеризовать как уверенные. По итогам саммита «Россия – Африка» было намечено проведение таких мероприятий раз в 3 года. Площадками для встреч должны будут стать и африканские страны. Такой формат проведения встреч ранее практиковал Китай. Вполне вероятно, что Россия стремится к улучшению качества своих межгосударственных саммитов с Африкой посредством заимствования одной из наиболее успешных мировых практик. В то же время российские саммиты могут перейти в полноценное многостороннее взаимодействие с формированием определённой организационной структуры.

15 Подведены итоги первого Саммита и Экономического форума Россия – Африка. // «Россия – Африка»: сайт. – URL: https://summitafrica.ru/about-summit/summit-outcomes-2019/ (дата обращения: 20.10.2024).
16 Подведены итоги второго Саммита и Экономического и гуманитарного форума Россия – Африка. // «Россия – Африка»: сайт. – URL: https://summitafrica.ru/news/podvedeny-itogi-vtorogo-sammita-i-ekonomicheskogo-i-gumanitarnogo-foruma-rossija-afrika/ (дата обращения: 20.10.2024).

Список литературы

1. Абрамова И.О. Второй Саммит Россия-Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Т. 67, № 12. – С. 35-48.

2. Абрамова И.О. Достоинство – ключевое слово на Втором саммите Россия – Африка // Международная жизнь. – 2023. – № 8. – С. 12-17.

3. Абрамова И.О. Фитуни Л. Л. Новая стратегия России на африканском направлении // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 12. – С. 90–100.

4. Бортников Н.С., Волков А.В., Галямов А.Л., Викентьев И.В., Аристов В.В., Лаломов А.В., Мурашов К.Ю. Минеральные ресурсы высокотехнологичных металлов в России: состояние и перспективы развития. // Геология рудных месторождений. – 2016. – № 2(58). – С. 97–119.

5. Маслов А.А., Суслов Д.В. Возвращение в Африку: как сделать его российским приоритетом // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 130–148.

Синельникова Таисия Максимовна
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
2 курс, бакалавриат
Факультет международных отношений, программа «Дипломатия и политика зарубежных стран»
sinelnikova.taisi@yandex.ru
Научный руководитель: Скиженок А.В., старший преподаватель Кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России

Арктика: колония «глобальной империи» или уникальный объект международных отношений?

Проблемы неоимпериализма и неоколониализма находятся на стадии активной разработки в наше время, привлекая внимание исследователей из различных научных сфер. Одним из дискуссионных вопросов по-прежнему остается интерпретация терминов «империя» и «колония» в современной политической науке. Существует мнение, что «империя, трактуемая в качестве государства, охватывающего большие географические пространства, насильственно подчиняющего народы своей власти и ведущего агрессивную внешнюю политику»[1], осталась в прошлом. И хотя основным признаком этого понятия все еще можно считать проецирование своей власти на другие территории и государства, характер этого доминирования изменился[2]. В XXI в. получают свое развитие новые техники «навязывания» своей власти: экономическое доминирование на чужом государственном рынке и в мире (через развитие Транснациональных компаний и увеличение доли государства в мировом экспорте, соответственно), информационное давление через социальные сети и СМИ (также известное как «информационная война»), технологическое и военное преимущество над другими государствами. В связи с этим, трансформация смысла понятия «колония» становится неизбежной: неоколониализм приобретает глобальный характер[3]. Возникают и различные виды неоколониализма (например, информационный, культурный, религиозный и др.)[4].

Какое место в этой системе современного империализма и колониализма занимает Арктика? Является ли она колонией «глобальной империи» или же представляет собой абсолютно уникальный объект международных отношений? На эти вопросы мы попытаемся дать ответ в нашей работе.

Освоение Арктического региона на рубеже XX-XXI вв. представляет большой интерес для исследователей по нескольким причинам. Во-первых, начиная с 2000-х гг. этот регион стал объектом притяжения интересов[5] ведущих государств и политических блоков. Во-вторых, с интеллектуальным освоением региона, с созданием исследовательской инфрастуктуры у Арктики появляется особая роль мирового научного центра. Таким образом, выбранная нами тема является **актуальной** в современной научно-исследовательской практике.

Гипотеза исследования состоит в том, что земли Арктики стоит рассматривать не как потенциальную колонию «глобальной империи», а как фундаментально особенный объект международных отношений.

---

1 Шишков В.В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации. // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 4. – С. 22-36.
2 Ткачев С.В. Империя и колониализм в современном мире // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2023. – № 2. – С. 26–31.
3 Святогоров И. Новые белые господа. В мире опять создаётся колониальная система. (Интервью с Пиром Риазом Али Шахом) // Общероссийское издание журналистских расследований «Версия». – 2024. – №45. – URL: https://versia.ru/v-mire-opyat-sozdayotsya-kolonialnaya-sistema (дата обращения: 16.10.2024).
4 Там же.
5 Подоплёкин А.О. Арктика как объект геополитических интересов неарктических государств // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. №2. – С. 40-44.

В качестве **объектов** исследования выделим Арктический регион и усилия различных стран по его освоению.

Предметом исследования по данной теме выступает характер влияния стран, создающих научно-исследовательскую и прочую инфраструктуру в Арктике.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы доказать гипотезу о важности Арктики как самостоятельной единицы и уникального региона в системе международных отношений.

Поставленная цель определила следующие **задачи**:

1. Проследить развитие мысли в вопросе определения терминов «империализм» и «колониализм», выделить особенности современного империализма и колониализма.
2. Определить термин «глобальная империя».
3. Проанализировать геополитические цели и интересы различных стран при освоении Арктики.
4. Изучив устройство Арктического региона, определить его роли и функции как уникального феномена в современной геополитической структуре.

Методологической основой работы послужили различные подходы. В первую очередь были применены методы формальной логики. С их помощью была изучена и составлена теоретическая база работы, основанная на теориях глобализации[6], терминах «империализм», «колониализм», «геополитический глобализм», «глобальная империя», а также на трудах И. Валлерстайна «Современная мир-система» и К. Уолтца «Теория международной политики» (в частности, на его теории неореализма). Кроме того, использовался и исторический метод с целью определения практических геополитических интересов различных стран в Арктике, исходя из их экономико-политического развития.

Для более детального изучения обозначенного нами вопроса следует рассмотреть, главным образом, два аспекта: трансформацию теорий империализма и колониализма под влиянием глобализации[7] (с учетом развития современных методов и практик, применяемых различными странами для укрепления собственного геополитического статуса), а также цели различных стран в деле освоения Арктики и их практическое воплощение на современном этапе.

Тщательно рассмотрев изложенные выше аспекты, мы пришли к следующим **выводам**.

Во-первых, под влиянием современных технологий и новых геополитических практик понятия «империализм» и «колониализм» претерпели значительные семантические перемены. Под «империализмом» в современном значении понимается процесс «глобализации» и «объединение мира», а «колонизация» обозначает не что иное, как «цивилизаторскую миссию белого человека», которая объясняется экономическими причинами[8].

Во-вторых, глобализация является активным и всеобъемлющим процессом[9]. Тренд на унификацию развивается не только в экономической и политической сферах, но и в научно-исследовательских кругах. В связи с этим, определение новых терминов (таких как «глобальная империя») требует практического обоснования их использования.

В-третьих, земли Арктики обладают значительным потенциалом природных и биологических ресурсов[10]. Однако современная наука не в силах преодолеть есте-

---

6 Кирьянова Л.Г., Мазурина О.А. Теории глобализации в контексте постклассической парадигмы // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 311. № 7. – С. 115–117.

7 Сироткина А. И., Альпидовская М. Л. Неоколониализм XXI века: глобализм и мир-системность // Теоретическая экономика. – 2020. – № 12. – С. 96–109.

8 Рогов И.И. Империя и империализм: история понятий и современный мир // TERRA ECONOMICS. – 2010. – Т. 8., № 3., Ч. 2. – С. 260–267.

9 Чисталев М.С. «Глобальная» империя в постколониальной парадигме: попытка заполнить концептуальный вакуум // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2022. – №1(75). – С. 226-242.

10 Подоплёкин А.О. Арктика как объект геополитических интересов неарктических государств // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. №2. – С. 43.

ственные, природные преграды Арктического региона для получения этих ресурсов и распространения своего политического и экономического влияния на территории Арктики. Следовательно, рассматривать эти земли как колонию в её первоначальном смысле не корректно.

В-четвертых, Арктика — это не только каузально, но и фундаментально особенный регион, уникальный тем, что в условиях торжества «глобальной империи» как геополитической структуры, он будет неизбежно оставаться отделенным от всего мирового сообщества в силу своих географических особенностей. В результате этой обособленности, Арктика приобретает собственно геостратегическое значение и становится системообразующим элементом мировой геополитики[11], в том числе международной площадкой научно-исследовательского взаимодействия.

Результаты проведенной нами работы будут полезны исследователям, занимающимся современной геополитической повесткой. Кроме того, наше исследование может быть практичным для изучения вопросов неоимпериализма и неоколониализма, глобализации и развития взаимоотношений в мировом сообществе, в целом.

Список литературы

1. Кирьянова Л.Г., Мазурина О.А. Теории глобализации в контексте постклассической парадигмы // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 311., № 7. – С. 115–117.

2. Подоплёкин А.О. Арктика как объект геополитических интересов неарктических государств // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. №2. – С. 40-45.

3. Рогов И.И. Империя и империализм: история понятий и современный мир // TERRA ECONOMICS. – 2010. – Т. 8., № 3., Ч. 2. – С. 260–267.

4. Святогоров И. Новые белые господа. В мире опять создаётся колониальная система. (Интервью с Пиром Риазом Али Шахом) // Общероссийское издание журналистских расследований «Версия». – 2024. – №45. – URL: https://versia.ru/v-mire-opyat-sozdayotsya-kolonialnaya-sistema (дата обращения: 16.10.2024).

5. Сироткина А.И., Альпидовская М.Л. Неоколониализм XXI века: глобализм и мир-системность // Теоретическая экономика. – 2020. – № 12. – С. 96–109.

6. Ткачев С.В. Империя и колониализм в современном мире // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2023. – № 2. – С. 26–31. – URL: https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/26-31 (дата обращения 28.11.2024).

7. Чисталев М.С. «Глобальная» империя в постколониальной парадигме: попытка заполнить концептуальный вакуум // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2022. – №1(75). – С. 226-242.

8. Шишков В.В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации. // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 4. – С. 22-36. – URL: https://doi.org/10.17976/ jpps/2018.04.03 (дата обращения 28.11.2024).

11 Там же, с. 44.

III Международный студенческий научный форум «MGIMO New-Sci Generation Symposium: сборник материалов»

В двух томах
Том 1: Материалы Исследовательского трека

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка и художественное оформление П.А. Паламарь

Электронный сборник
Формат 60x84 ⅛
Усл. печ. л. 13,37.

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НСО
МГИМО

Эндаумент
МГИМО

Москва
2025